

Васюк Маргарита

Вторая капля



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Маргарита Олеговна Васюк

Вторая капля

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36625160

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-1856-0

Аннотация

Формулы —это легко и удобно, Система —это упрощение жизни. Пару схем создадут вашу жизнь с вашей семьей, вашими предпочтениями, и вашим счастьем, а вот на сколько она ваша, решать не вам. Содержит нецензурную брань.

Вторая капля

Часть 1

Глава 1

Коил сидел на неудобном пластмассовом стуле в маленьком, ничуть не уютном кафе и смотрел на свой кофе, покачивая скользкой чашкой так, чтобы капучино слегка переливался из стороны в сторону. Откуда-то пахло лимонным соком и горелым песком, и парню очень хотелось верить, что не с кухни.

– Вот, так всегда. Они не могут просто следовать правилам, неужели это так сложно?

Его спутница лишь пожала плечами.

– По статистике, около 60 % кафе не следуют формулам. Хотя, признаюсь, им этого не хватает.

Эх откинула свои длинные волосы и немного отпила.

– Еще бы, что может быть прекраснее идеального капучино? – усмехнулся парень.

– Может, идеальный латте?

– Я не люблю латте.

– Вот поэтому Джей подходит мне гораздо больше, чем ты.

– Я понимаю, согласно расчету совместимости он подходит тебе просто изумительно.

Парню было немного обидно, что тест его отверг. Он находил Рейчал прекрасной кандидаткой на роль своей вто-

рой половинки. Но что поделать, у них были расхождения по пунктам интересы и пристрастия. Да и внешность, пусть и не на много, была у Рейчал выше. Нет, она не была красавицей. Темные длинные волосы, местами сухие, местами ломкие, где-то даже проскакивали секущиеся кончики. Глаза ее были просто карие, и не блистали глубиной и выразительностью. В прочем, ни брови, ни ресницы, ни губы, как и все ее лицо, не могли похвастаться тем, что сияют здоровьем и привлекательностью. А любой диетолог сообщил бы ей о паре-тройке лишних килограммов. Проще говоря, она была самой обычной.

Однако, и сам Коил был не лучше, а по расчетам программы и вовсе хуже. Надо признать, парня это не особо беспокоило и меняться он не думал.

Солнце уже висело над горизонтом. Улицы понемногу стихали, а кто-то за соседним столиком сказал:

–Шесть пальцев осталось, вот-вот начнет краснеться.

Девушка вытерла губы салфеткой и смяла ее в странный, коричневатый комок.

– Никогда не понимала этой системы расчета.

– Все просто, один палец от горизонта – это примерно 15 минут.

Коил выставил перед собой ладонь и прищурил правый глаз, склонив голову немного набок. В ответ он увидел недоуменную гримасу, выражавшую толи отвращение, толи непонимание.

– Не делай так, это глупо выглядит.

– Ты глупо выглядишь, когда строишь такое лицо, – огрызнулся парень.

Разговор в тот вечер не слишком заладился. Кофейные чашки быстро опустели, как и столик, приютивший этих двоих на тихой улочке в непримечательном городе Глемт. Некогда пара разошлась мирно, ни о чем не сожалея. Стоило этим двоим сказать друг другу слова прощания, как все, что было между ними ушло в пучину небытия, и утонуло там так глубоко, как не тонуло ничто другое в их жизнях.

Добираясь домой пешком, по темным подворотням в свое захолустное, холостяцкое жилище, Коил не долго рассуждал о произошедшем. Он был не из тех, кто вечно рассуждает, задает вопросы или блуждает в поисках правды по закоулкам мыслей, как, в прочем, и большинство людей, живущих на этой планете. Ему это было не нужно, формулы, правила, статистики, закономерности и еще много разных таблиц, расчетов и вычислительных машин неплохо рассчитывали курс его существования. И это его вполне устаивало. Кто знает, может в этом было его, своеобразное, непонятное счастье. Хотя об этом парень предпочитал не думать.

На следующее утро Коил по привычке вышел пораньше, по дороге выпив чашку капучино, заказанного ежедневной фразой: «Здравствуй, Вика, мне как обычно». И пожелав доброго утра той самой Вике, знакомой ему еще со школы, отправился в офис маленькой страховой компании, своему

работодателю.

Там он встретил Рейчал, мило беседовавшую со своим новым кавалером, Джейм, сведенным с ней, как ей казалось, судьбой, а на деле несложной компьютерной программой. Ничего не почувствовав, кроме духоты и запаха бумаги для принтера, парень приветливо поздоровался с ними и со всеми остальными в помещении. Поприветствованный им не большой штаб коллег ответил ему тем же.

Клерк уже сидел за своим рабочим местом и копошился в куче бессмысленных бумажек, как был вызван начальством. Он ничего предосудительного не делал, но, как и положено, испугался и пошел:

—Здравствуйте, Честер Лиливайт,—послышалось тихое лепетание.

—О, да, проходи, Коил, знакомься, это Стен.

Статный мужчина, сидевший на слегка поскрипывающем под ним стуле, указал рукой на парня неподалеку, теребившего край своей чистой, выглаженной и, по-видимому, новой рубашки. Коил внимательно посмотрел на него пристальным, но довольно пустым взглядом, от чего тот смутился и затеребил еще и нижнюю пуговицу.

—Он новенький, стажер. Программа обучения выявила, что ты лучше всего подойдешь для его обучения. С этого дня он под твоей ответственностью. Ты же меня не подведешь?

—Конечно.— уже увереннее зазвучал голос Коила.

Он не стремился в начальники, и зарплата его вполне

устраивала, но было лестно, что именно ему поручили обучать новичка. Это было для него своеобразным знаком почтения, даже если все решил компьютер.

Стен был славный малый, он только закончил обучение в университете и наконец переехал от своих родителей. Он перешагнул, как ему казалось, во взрослую жизнь и был полон, амбиций и желаний. Решительность и целеустремленность в его характере соседствовали с робостью и вечными страхами, что не мешало ему наслаждаться каждым мгновением. Он спешил выделиться, показать всезна что он способен. Все это выражалось и его внешним видом: как уже упоминалось, Стен был одет в этот день во все новое, выглажен, вымыт, причесан, как говорится, «при параде». Черные волосы его были тщательно зачесаны и аккуратно обрамляли его милое, детское личико. Глаза его горели, а на лице сиял румян волнения и предвкушения.

В первый день работа шла как по маслу. Все выполнялось рьяно и с огромным рвением, а в конце дня стажер выпросил у своего маленько начальника составить ему компанию, если не за ужином, то за чашечкой чая или чего покрепче.

—Ты все так оставишь?

Уже битый час Стен лез с бесконечными вопросами.

—Да, а что мне еще остается,—сухо ответил Коил и сделал смачный глоток виски-колы.

—Ну, ну я не знаю,— он немного замешкался.—и тебя устраивает так жить, чтобы все решали какие-то формулы?

–Ты же также живешь.

Едкая усмешка оппонента разозлила молодого парня, крепкий напиток внутри утверждал, что нужно как-то ответить, но возразить ему было нечего. Только обиженный взгляд устремился куда-то в стол, и послышалось легкое бурчание.

–Я хотя бы пытаюсь что-то сделать...

– Ты о чем?

Легкое недоумение повисло в воздухе. Стен немного приблизился, так что Коил мог уловить запах алкоголя из его рта, раздался тихий едва заметный шепот, и казалось, все вокруг стихло, чтобы дать этим двоим услышать друг друга, но и зашумело, дабы никто не услышал их.

–Я состою в либеральной организации. Мы хотим вернуть нашу свободу мысли.

Последнее было сказано чуть громче, чем надо. Бармен даже слегка повернул голову в их сторону, бросив небрежный взгляд, но тут же вернулся к обслуживанию некой милой дамы в шоколадном пальто, слегка пошаркивающим при случайных движениях.

–Только обещай, что никому не скажешь.

Голос снова стих до нужной громкости, а заинтересованный кивок не заставил себя ждать.

Солнце уже исчезло с небосвода, как и уверенность Коила в правильности своего решения. Но он по-прежнему следовал по странным закоулкам, преследуя едва различимую

ть, как было недавно, подчиненного. Парень уже пожалел, что не взял с собой кофту, что на телефоне нет фонарика и что он вообще согласился куда-то идти. Его уже раздражало постоянно наткаться на всякий мусор, природу которого можно было понять по звуку удара о ногу или характерному запаху, а чаще по обоим признакам. В качестве развлечения в пути отлично подошел подсчет бродячих котов, нещадно оравших при появлении чужаков.

На самом деле путь был не столь долгим, но весьма мучительным для обоих. Каждый из них думал о целесообразности своих действий, и каждый находил их ошибочными.

Наконец, дорога была освещена тусклым светом, доносившимся из окна у самой земли. Большая каменная лестница вела в подвальное помещение старого здания, которое едва ли хоть кто-то мог назвать домом.

Там, в низкой комнатухе, при неясном свете лампочки, одиноко свисавшей с бетонного потолка, собралась группка людей. Все были заняты делом, что-то рисовали, писали, печатали и клеили, не обращая внимания на окружающих ина шум от проходящих здесь труб, больше походивший на гул. Сильно пахло типографским клеем, без привычки у Коила закружилась голова.

Первым, а точнее первой, кто поприветствовала вошедших была невысокая женщина. Редкие седые волосы, крепко завязанные в пучок, и морщины, покрывавшие ее лицо, несомненно выдавали ее пожилой возраст, однако искрящи-

еся, наполненные жизнью глаза говорили об обратном.

–О, Стен, ты сегодня поздно.

Произнесла она слегка скрипучим голосом, что бывает у пожилых людей, и переметнула взгляд на Коила, оглядев его с ног до головы вдруг сделавшимся холодным и серьезным взглядом. Свои головы подняли еще несколько человек, стало заметно тише.

Парню стало не по себе от возросшего внимания, и он поспешил представиться:

–Я, я Коил Миони...

–Приятно познакомиться, называй меня Эмили. Буду рада поработать с тобой. А сейчас извини, мне надо приготовить чай.

Сказав это, женщина мило улыбнулась и удалилась в одну из бетонных скрипучих дверей. Стен, стоявший все это время как на иголках, вдруг вздохнул спокойно и слегка толкнул Коила плечом. Жест этот был словно приятельский, хотя когда они успели таковыми стать, никто не знал. Впрочем, это мало заботило кого-либо в этом подвале, застывшем на мгновение, но таком живом.

Глава 2

– Отлично, связей с полицией нет, из родственников только мать, да и та в другом городе. Девушки нет, программа недавно определила твою несовместимость с некой Рейчал Беккер. Не густо, не густо. Я Крис Пранс, тут вроде главно-

го. Тихий Вы парниша, Коил.

Мужчина отложил планшет в сторону, на небольшой журнальный столик, и, облокотившись на кресло, сложил свои массивные, слегка желтоватые руки в замок на животе. Его холодный пронзительный взгляд бороздилвоздух, который, казалось, качался вместе с лампой под потолком, излучавшей тусклое свечение и чуть скрипевшей.

Но в тот момент скрип этот казался пронзительно громким. Койлу хотелось зажать уши, отвернуться, просто уйти. Он то и дело отводил взгляд от мужчины напротив, не желая встречаться с его глазами.

– Стен сам предложил Вас сюда привести?

– Д-да

–Кх, негодный мальчишка– усмехнулся мужчина, – ничего доверять нельзя.

Мужчина откинулся назад, и, запрокинув голову, глядя в потолок проговорил

– зачем Вы сюда пришли? Вы знаете, чем мы занимаемся?

– Нет.

Крис бросил небрежный взгляд на Койл, а после устремил его в пустоту.

– Мы тут не в игрушки играем. Этот мир сошёл с ума. Все уже давно перестали думать. А зачем? Ведь формулы– это так удобно. Работу выбрали за тебя, любовь за тебя, что надеть, сколько детей иметь, как питаться. Все уже решили за нас, высчиталабездушная машина. И Вас это устраивает?

Коил растерянно пожал плечами. Все вокруг казалось ему столь логичным и простым до этого самого момента, что он был потерян.

– И так у всех, – Крис повернул голову, и глаза собеседников встретились. — Большинство не думает об этом, почти всех все устраивает, но

Кто-то постучал

– Тук – тук, простите, что отвлекаю. Вас к телефону.

Из-за двери показалась совсем ещё юная девушка.

– Да ничего, Кетрин. Покажи пока мистеру Миони, что тут и как. Хорошо?

Мужчина ушел, а вместо него появилось существо с большими карими глазами. Густые, слегка растрепанные волосы едва доходили до её хрупких плеч. Она смотрела Койлу прямо в глаза, искренне улыбаясь. А он лишь думал: « Что здесь делает такой ребенок? ».

– Здравствуйте! Я Кетрин, а Вы мистер Миони, да?

– Эм, пкх... Да... э-э-э... Зови меня просто, Коил, – сказал он запинаясь. – Да, просто Коил!

Глаза девушки оживились еще сильнее.

– Хорошо.

Глава 3

– Вы знаете, чем занимается наша организация?

Коил шел по бетонному коридору, похожему на тоннель,

в конце которого из приоткрытой двери доносились шум и легкий свет, тут и там играли тени.

– Стен говорил, что-то про формулы, но я не особо понял, что он имел ввиду.

– Нам сюда.

Коил быстро развернулся, потеряв свою спутницу. Он немного растерялся в лабиринте коридоров, но опомнился и повернул в только что пропущенный поворот. Его сбил с ног мужчина со стопкой бумаг, изрядно запыхавшийся. Большие и маленькие листы рассыпались грязному по полу. Мужчина пробормотал под нос: «Извините» и начал собирать свою ношу. Коил сделал то же самое, ему было слегка неловко.

– Джастин, ну как всегда! Постарайтесь быть внимательнее!

Кетрин подбежала, и ее быстрые руки начали ловко собирать листы, но вдруг замерли. Она немного странно улыбнулась, густые брови сдвинулись и образовали морщинку, глаза слегка прищурились.

– Вы новенький? Меня Джастин зовут, а Вас?

– Коил. Я не...

– Мистер Миони наш гость!

Девушка бросила строгий взгляд на мужчину, тот немного сконфузился.

– Ну, все мы начинали как гости.

Джастин усмехнулся, взглянул в глаза Койлу, но тут же вернулся к собиранию. Ему было 40 или около того. Немно-

го морщинистый лоб постоянно изгибался, густые брови выражали эмоцию неопределенности, шморгал крупный картофелеобразный нос. А складка на шее то появлялась, то исчезала, так что трудно было судить о его полноте. Он постучал краем стопки об пол, выравнивая ее, встал и почесал рукой седоватые вески.

– Ну ладно, удачи вам. Еще увидимся, – мужчина протянул руку Койлу. – было приятно познакомиться.

Они разошлись.

До места, куда вела Кетрин, осталось пару шагов. Коил вошел вслед за девушкой через скрипучую железную дверь в просторную комнату, если так можно назвать подвальное помещение. На серых, потрескавшихся от старости стенах висели многочисленные плакаты, фотографии, записи различного содержания: начиная от черно-белых изображений, заканчивая автографами современных рок-групп. Здесь, на холодном, бетонном полу, стояли столы, то тут, то там лежали разноцветные пuffy–мешки, валялись бумаги, ручки, карандаши, обрывки чего-то. В углу, из-под белой ткани, выглядывал угол холста, рядом лежал бережно сложенный мальберт. В комнате был хаос, но, казалось, что так и должно быть, то, что называют творческим беспорядком.

– Вот, это одна из наших мастерских, – Кетрин плюхнулась на пуф и похлопал рукой соседний. – Падай.

– И это мастерская? – удивился Коил, но сел. – Больше похоже на помойку!

– Кому помойка, а кому приятная творческая атмосфера.

– И кто здесь работает?

– Кто, кто? Я, и Джастин, Лили, иногда Сара заходит, Грег, но он и другие, типа Рена работают в другой мастерской, у них иная специфика. Еще иногда детишки вместе с Сарой заходят. И Ритчарда, если повезёт, можно тут найти, но это значит, что ему что-то надо.

– Как информативно! – с издевкой сказал Коил и стал ходить по комнате, рассматривая содержимое стен. – Это место не похоже на кружок по интересам.

Кетрин пожала плечам.

– В этом здании две мастерских, разделены условно, по сути, каждый работает, где хочет. Многочисленно просто отдыхать приходят или инструменты хранят, вроде Рена. Тут много комнат, есть где развернуться. По ходу все сам поймёшь, если вернешься. Но, это только от тебя зависит ... Так и зачем ты сюда пришел?

– Я не знаю, из любопытства, наверное. Стен позвал, вот и пришел.

Коил развернул один из бумажных комков, валявшихся на столе. На нем было что-то написано пухленьким, немножко косившемся то в одну, то в другую сторону подчерком. На полях стояли где-то галочки, а где-то крестики или восклицательные знаки. Некоторые слова были зачеркнуты, а некоторые зарисовать толстым слоем стержня так, что бумага начинала гнуться и тянуться. Парню было трудно разобрать ка-

ракули, но он сделал усилие и прочёл вслух:

– Кто я? Зачем я?

Кого я люблю?

Сам для... еетья?

– Сам ты еетья!– вскрикнула Кетрин.– Сам для себя я решить смогу!

Закончила она и откинулась в пуфике. Теперь она почти лежала и смотрела в потолок.

– Ужасно! Рифма приметивна, ритм черт знает какой, про слог я вообще молчу!– констатировала девушка.

– Да? А мне нравится! Есть в этом что-то! На великую поэзию не тянет, но ... А кто автор?

– Я, собственной персоной, – отвлеченно бросила Кетрин.

– О, так это здорово! Они немного резковаты, но для подростка очень даже неплохо! Тебя ждет хорошее будущее!

– Да! Будущее инженера– строителя! Всегда о таком мечтала!– выдавила сквозь зубы девушка. Она взяла брошюру, лежавшую на полу. Смяла ее, даже не рассмотрев, и начала подбрасывать вверх к потоку, словно плохо прыгающий мячик.

– В смысле?

– Недавно мы проходили определение и меня определило на специальность инженера– строителя!

Грубый голос срывался на писк, девушка стала хлюпать носом. Она скрутилась и уперлась лицом в колени, поминутно проводя ладонями по мокрым глазам. Коил растерянно

смотрел на нее. Слезы всегда выдавали в нем странное чувство, тем боле слезы девушки, да еще и почти ребенка. Он отвел взгляд в пол, ковыряя пальцем смятый кусок бумаги и кусая губы. Ему казалось, что он должен что-то сделать, должен что-то сказать. И он сказал:

– Может это какая-то ошибка?

Кто знает, что нужно говорить в такой ситуации, но, видимо, не это. Кетрин посмотрела на него злобными, заплаканными глазами и, обняв колени, обратила свой взгляд в пространство перед собой.

– Хочешь, я обниму тебя, – неожиданно для самого себя, полупшепотом пробормотал Коил. Он уже успел подумать, что опять сказал что-то не так, но девушка вдруг встала. Она подошла к нему, взглянула на него красными глазами и спросила:

– А можно?

Парень робко кивнул, и Кетрин обхватила его своими тонкими руками. Она уткнулась носом в его грудь и зарыдала. Ее маленькое, хрупкое тельце собралось при каждом вздохе, она всхлипывала и все сильнее прижималась к почти незнакомому ей человеку.

Коил приобнял это существо, он, как ему казалось, испытывал ту же боль, тоже страдание. Парень бы хотел прижать ее сильнее, заглушить эти всхлипы. Но он боялся: Кетрин в этот момент показалась ему такой хрупкой, будто вот-вот разлетится, словно одуванчик.

Глава 4

Этой ночью Коил долго не мог уснуть. Мысли впервые за долгое время крутились у него в голове бурным водоворотом. Что-то странное творилось с ним, и этого парень никак не мог объяснить. Единственное, что он понимал, так это то, что всю свою жизнь он был слеп. Слеп и глуп. Вот что думал о себе наш герой.

Картина прошедшего прокручивалась в голове много раз. Что за странное чувство посетило его? Почему он сделал то, что сделал? Сперва Коил подумал о любви, но быстро отбросил этот вариант в связи с его глупостью, надуманностью и излишним романтизмом.

—А что такое романтизм?— подумалось Котлу, но он быстро заключил, что к делу это не относиться, хотя можно и поискать ответ.

Вскоре он словил себя на том, что уже почти час ночи, завтра на работу, а он сидит в интернете, читая о литературе 18 века. Да, кажется, все пошло немного не туда.

Возвращение в постель не помогло, парню было неудобно: впервые фонарь светит ему прямо в окно, под одеялом было невыносимо душно, а на душе гадко.

Если это не любовь, то быть может жалость? Сострадание? Или материнский инстинкт, только отцовский? Как все запутанно...

Коил вспомнил свой день определения. У него не было

каких-то особых предпочтений и талантов, его вполне устроила работа страхового агента. Он пытался вспомнить, какова была реакция одноклассников на их определение, но воспоминания не столь далёкие казались ему недостижимыми.

– А Вика? Интересно, она любит свою работу? Она отличный бариста, но хочет ли она этого? А Стен? Он радостный такой, но сам же мне говорил про несправедливость формульного отсчета. Это как минимум странно. А Кетрин? Много ли таких, как она? Если подумать, то наверняка много.

Так герой думал и рассуждал еще долго, иногда вслух, иногда просебя. Когда он очнулся от раздумий, на часах было почти 4 часа утра.

– Класс, можно уже и вовсе не ложиться!

Коил встал с кровати и подошел к столу. На нем еще с вечера стояла нетронутая чашка чая, а рядом лежал листок с номером телефона и припиской « Если Вы поймёте, что надо что-то менять в этой жизни, то позвоните или прийдите к нам. Всегда будем Вам рады, Ваш Крис Пранс».

Коил сел на стул и стал перечитывать эти слова, ища в них тайный смысл и попивая холодный, немного горький чай.

Глава 5

Пронзительный звон будильника сотрясал воздух комнаты. Коил поднял тяжелую голову со стола и потер покрасневшую щеку, делая ее еще краснее. Парень приоткрыл глаза, но

тут же пожалел о своем решении. Ослепительный дневной свет резал их, будто нож. Он невольно скривился и потянулся за телефоном, дабы узнать время. Было уже восемь утра.

– Черт, – буркнул себе под нос Коил и упал на стол, немного ударившись лбом о дерево с характерным звуком и болью.

С полузакрытыми глазами он набрал нужный телефонный номер:

– Здравствуйте, страховая компания «безупречная жизнь» слушает. Чем могу помочь?

– Привет, Кира. Я немного приболел, – будто из последних сил выдавил парень.

– Коил, все хорошо? Ты уже вызвал врача?

– Нет, просто голова болит, мы вчера с другом в бар зашли...

– Все с тобой ясно! Ладно, я сегодня добрая, отмажу. Но, с тебя причетается.

– Спасибо огромное, по гроб жизни обязан!

– Ладно уж, все вы так говорите, – усмехнулась девушка. – Поправляйся там, а мне работать надо.

– Да, до завтра.

– Пока.

Послышались короткие гудки. «Одной проблемой меньше. Теперь можно и поспать». Коил встал из-за стола и краем глаза заметил вчерашнюю бумажку. Он кинул в ее сторону полумертвый взгляд и заключил про себя: «Все потом!»

Все потом!»

Кровать тогда показалась ему удобнее всего на свете, ну или, по крайней мере, точно, удобнее стола. А свет? А что плохого в свете? Он совсем не мешает спать. Особенно тем, кто очень этого хочет.

Когда Коил проснулся, то было уже за полдень. Он уже позабыл, когда в последний раз мог позволить себе быть в это время не на работе.

Парень решил провести этот день с пользой, как и большинство людей, то есть делая ничего, но не ничего не делая. Ничего не делают люди на работе, а лежа на диване или нежась в кровати до позднего вечера, они уделяют время лишь себе. С точки зрения окружающих, это— ничего, зато для тебя это что-то.

Немного порассуждав в подобном ключе, Коил дал себе разрешение бездельничать столько, сколько ему того захочется. По закону подлости, ему очень скоро надоело плевать в потолок. На смену лени пришло острое желание саморазвиваться, вызванное внезапным осознанием своей глупости.

С другой стороны, как развиваться?

—Что я не знаю?— задал себе вопрос Коил и тут же ответил на него,— Всё!

Это не особо помогло. Тогда он задал себе другой вопрос:

—Для чего мне нужны знания?

—Я хочу понять, почему система была несправедлива по отношению к Кетрин и есть ли еще люди подобные ей.

—Что для этого нужно?

«Может перестать говорить вслух с самим собой?»—подумал парень.

—Да нет! Бред какой-то! Кажется, я схожу с ума...

Коил потер лицо руками, растягивая его вниз и немного давя на уголки глаз. Он сделал несколько добрых, но слабых пощечин. Последнее на него никак не повлияло, но так иногда делали в кино. Впрочем, может дело в силе пощечины.

—На чем я остановился? Ах, да! Мне нужно знать, как работает система!

—Но я знаю.

—И как же?

—Внутри нее содержаться формулы. Их очень много, почти на все случаи жизни. И когда у тебя возникает вопрос, ты просто обращаешься к системе. А она проводит расчет и дает верный ответ... Да, не густо. Если подумать здесь больше вопросов, чем ответов.

Коил откинулся на спинку дивана, уставившись в потолок. Он сделал несколько усилий в попытке вспомнить еще что-то. Но его виски будто что-то сдавило, словно в тесках. Он почувствовал гадкую ноющую боль, какая обычно бывает после напряженного дня. Но про сегодняшний так сказать было нельзя. В любом случае, Коилу это было совершенно неважно.

Он склонил голову вниз и опустился на диван. Мозг был перегружен. Давно он так долго не работал, быть может, ни-

когда.

Глава 6

Коил перебежал дорогу и быстрым шагом направился по тротуару через шум толпы. Сегодня он не успел поесть и, да же, выпить кофе, запах которого так приятно манил из кафе на пути. Несмотря на то, что лег он рано, ему не удалось выспаться. Вот такое злоключение.

Немного отдышавшись, парень открыл дверь офиса. Взгляд его направился к часам: «Успел!» – заключил голос в голове.

До начала рабочего дня оставалось около пяти минут. Накинув на вешалку пальто, Коил поспешил заварить себе чего-нибудь теплого. В маленькой офисной кухне всегда были и чай, и кофе, и, если повезёт, конфеты или печенье. Так себе завтрак, но лучше, чем ничего.

Чайник зашумел, загудел, немного пискнул и, наконец, щелкнул, сообщая о готовности. Парень залил кипяток в кружку и немного помешал. Тонкая струйка пара разносила сладкий запах растворимого кофе по комнате. Горячая кружка обжигающе приятно грела руку. Сахарное печенье тихим треском хрустело на зубах. Коилу казалось, что в мире нет больше ничего, кроме этой кружки, этого хруста, этого запаха и его самого. Он ни о чем не думал.

Сонную идиллию прервал бодрый голос Стена:

– Тебя чего вчера не было?

– Да так, голова болела, – на автомате соврал парень.

– Ммм– многозначительно заключил Стен, будто ему было до этого дело.

Они обменялись еще парой стандартных фраз и, вспомнив, что рабочий день начался, нашли это спасением своего вымученного диалога и вернулись на места.

На самом деле Коилу было что спросить у Стена, но он так хотел спать, а его мозг был так вымотан с непривычки, что парень попросту забыл об этом. Когда сахар попал в кровь, его глаза стали открываться, а мысли разъясняться. Но он уже сидел за столом, и даже успел заполнить несколько бумаг.

Парень уже хотел было пойти к Стену, но осознал, что вокруг слишком много людей.

«Да, здесь спокойно не поболтаешь, – подумал он. – Ладно, во время обеда расспрошу его».

До перерыва Коил успел выпить еще две кружки чая, стащить пару конфет у Кристи, работающей в этом же отделе, найти и съесть свою собственную записку печенья и удивиться своему метаболизму. Он пересекался несколько раз по Стеном, но они говорили лишь о работе. А еще не стоит забывать и о дне рождения какого-то человека из другого отдела, незнакомого Коилу, на которое следовало сдать деньги.

В общем день был бурным, если сравнивать с днем ленивца. Но часы показали заветное время, и все сотрудники разбрелись кто куда. Коил со Стеном пошли в ближайшую ко-

фешку, что была в квартале от офиса. Взяли непримечательный столик, спрятанный вдали помещения. Заказали поесть. Коил, как всегда, не мог обойтись без порции капучино.

– Слушай, Стен, – начал он. – а что это за место, куда ты меня отводил?

– Политорганизация или что-то вроде того, я не вникал. А что, заинтересовался?

Коил лишь пожал плечами.

– Тут и думать нечего, там ребята классные. Ты не смотри, что такая разница в возрасте, сними весело.

– Ты просто для развлечения туда ходишь? – растерялся парень.

– Ну, я бы так не сказал. Мы хотим добиться отмены или упрощение Системы, – легко сказал Стен и вернулся к своему сэндвичу.

Коил немного оплошал от такой непринужденности, он понял, что информативности от коллеги ждать бессмысленно. Но другого источника на данный момент не было. Он надкусил сладкий блинчик, заказанный к не менее сладкому кофе и, недожевав, спросил Стена:

– А зачем ты вообще туда пришел, тебя, вроде, система ничем не обделила?

– А ты зачем пошел? У тебя тоже все хорошо, но что-то не то, будто, я способен на большее, — Стен запил газировкой свои слова. – Стой, или ты из-за той девчонки убиваешься?

– Сдурел что ли, я уже и забыл о Рейчал, – усмехнулся Ко-

ил.

– А вообще, скажу тебе по секрету, там такая девушка есть,—быстро сменил тему Стен.— Нежная, тонкая, лицо, фигура, все при ней. Волосы темные, гладкие, глаза – небо, кожа – фарфор. В общем Лиззи —просто богиня.

– Так ты к ней так подкатываешь?

–Смеешься что ли! Она птичка высокого полета. Тут и без формул все очевидно, да и не намерен я пока серьезные отношения заводить.

Коил лишь усмехнулся в ответ, больше из вежливости, надо же было как-то отреагировать.

– Так что, ты намерен к нам присоединиться?

– Да не знаю,— пожал плечами парень.— Может быть, скорее всего.

– Вот это правильно! Все лучше, чем на попе ровно сидеть. – Стен громко отпил уже заканчиваются напиток.

Время обеда медленно, но верно подходило к концу. И двое недрузей направились в сторону офиса, болтая о какой-то несуразице. Точнее, говорил в основном Стен, причем говорил буквально обо всем, что видит. Но в его голове это выглядело, как диалог. Так что сделаем вид, что так оно и было.

Глава 7

На улице начинало темнеть, и Коил быстрым шагом шел по знакомой ему дороге, проходящей по тёмным закоулкам.

В этот раз путь показался ему очень коротким, это его удивило.

Стен, выполнив свои немногочисленные дела, ушел с работы пораньше, и уже находился в знакомом нам подвальчике. Там он проводил почти все свои вечера, а иногда и целые дни. Ни столько по необходимости, сколько от банальной скуки.

Нашему герою самому пришлось проделать весь путь до места сбора, и он был приятно удивлен, что не потерялся во дворах. Парень с ужасом осознал, что его маленький городок был им совершенно не изучен. Это было печально осознавать, но еще печальнее было то, что Коил все никак не решился открыть дверь и уже пару минут просто держал дверную ручку.

—Эй, чего застыл? Заходи, раз пришел.

В паре шагов стоял молодой парень. В черной толстовке, широких, кое где цветных, но в целом обычных джинсах и изрядно потертых кедах. На плече у него висел рюкзак, а на лице красовалась ехидная ухмылка. Уголок его тонких губ, на котором еще остались следы чего-то красного, был приподнят немного вверх, заставляя ямочку на левой щеке появиться. Из-под капюшона выглядывали лохматые пряди белых волос, а в тени от них были голубовато-синие глаза. Взгляд его ровный, спокойный и дерзкий, смотрел прямо, не колебался. В отличии от Коила, парень не тратил время на изучение незнакомца. Вероятнее всего, потому, что успел

это сделать перед тем, как обратить на себя внимание.

Устав от томительного ожидания, нетерпеливый незнакомец грубовато отодвинул с дороги Коила и сильным рывком заставил скрипучую дверь открыться. Наш герой последовал за ним.

На этот раз подвал показался ему несколько уютнее, чем прежде. Казалось, стало светлее и солнечнее, хотя уже был вечер и не было окон. Людей было гораздо меньше, всего пару в большой входной комнате. Коил сначала смутился, не найдя знакомых лиц, но быстро обнаружил Эмели. Это его немного взбодрило.

Помимо уже знакомой пожилой дамы, там была женщина лет 40. Она была слегка полновата, с короткими, очевидно, покрашенными в черный волосами, едва закрывающими кривоватые уши. Лицо ее выражало некое заботливое спокойствие, глаза терялись на ее круглом лице, а губы напоминали тонкие линии. Женщина держала в левой руке кружку, и, вероятнее всего была прервана, когда внутрь комнаты вошли.

– Ох, Рен, ну как так можно!– Возмутилась Эмели.– Там же очень холодно, а ты в одной кофте! Ты, конечно, у нас горячий парень, но и о здоровье думать надо.

– Ничего там не холодно!– улыбнулся парень, снимая капюшон.

Теперь Коил мог увидеть его разлохмаченную голову с очевидным милированием, и маленькой, поддерживающей

золотой серьгой в левом ухе.

– Мистер Миони, если не ошибаюсь, проходите,— обратила внимание Эмели. – Неужели там и правда так тепло?

– Да, хорошая октябрьская погода,— приободрился парень.

Эмели усмехнулся:

–Что ж, будем надеяться. Вы уже познакомились с Реном?

– Нет еще, я Рен Кроулер, лучше просто Рен. В общем то это все, что тебе надо знать. Ну, а ты кто будешь?

– Коил Миони. Как то так...

– Класс, если что, я в мастерской,— юноша ухмыльнулся и, сделав резкий разворот, вошел в одну из многочисленных дверей.

– Да, молодежь, нечего сказать,— улыбнулась женщина в кресле.— давайте знакомиться. Меня обычно все зовут Сара. Надеюсь, мы поладим.

Она поставила чашку на рядом стоящий стол и, неуклюже встав со своего места, подошла в Коилу, протягивая ему руку. Все время она мило улыбалась. От нее будто бы исходило какое-то тепло.

Парень пожал ее пухлую ручку:

–Я Коил. Приятно познакомиться.

– Взаимно.

Глава 8

К большому сожалению дверь в мастерскую, в которой

обычно работал Рен была открыта, а значит, кто-то там уже находился.

– Пусть это будет не Лиззи, – прошептал юноша и, тихо выдохнув, открыл дверь.

Над столом, скрючившись в неестественной позе сидел человек и что-то старательно нацарапывал карандашом. Немытые седоватые пряди волос свисали вниз, прикрывая лицо. Человек на секунду повернулся, открыв свои усталые глаза, но тут же вернулся к делу:

– Привет, Рен. Как дела?

– Привет, Джастин. Лизи здесь?

– Да откуда мне знать!?! Она, в конце концов, твоя сестра, а не моя.

– Тоже верно, – промямлил парень, ставя рюкзак на пол. – А что рисуешь?

– Да так, сделал несколько набросков. – кивнул человек в сторону бумаг, покрывавших весь стол.

– Жест, ты хоть спишь вообще?

Рен взял со стола несколько листков и стал их изучать.

– Я ничего с цветом решить не могу...

– Оу, ну это не ко мне. Сам знаешь, тут я ни на что не влияю, – сказал парень, беря новые наброски.

– Да, но у тебя с этим лучше. Ты больше ориентируешься в ярких цветах, это мне, старику, только пастель да акварель давать можно.

– ты еще меня переживешь! – усмехнулся Рен. – Ты знаешь

новенького?

– Ты о ком?

– Да какой-то Коил Миони. Столкнулся на входе. Знаешь его?

Джастин оторвался от своих дел, расправил плечи и потянулся вверх так, что стул, на котором он сидел, был готов упасть в любой момент. Он расправил свою помятую, бывшую когда-то белой, рубашку и, сильно зевнув, пробормотал:

– А да, столкнулись несколько дней назад в коридоре. Помог мне бумаги собрать, вроде нормальный парень. Так он все таки надумал к нам присоединиться?

– А изначально не хотел?

Джастин пожал плечами и снова навис над бумагами.

– И как давно ты отсюда не вылазишь?

– Не знаю, не следил. Вот с тем парнем встретился, потом эскизы Крису занес и все, больше не вылазит. С понедельника в общем, а какой сейчас день?

Рен глубоко вздохнул, провел рукой по своему лицу, слегка сжав виски.

– То есть ты тут уже три дня?

– Ну, я выходил в туалет, – немного растерянно сказал мужчина.

– Жесть! Тебе надо домой, ты скоро вонять начнешь, и как я тогда работать буду?

– Да, только цвета уточню.

– Это займет уйму времени, просто езжай домой. Сейчас вставай и едь.

Джастин зевнул, еще раз потянулся и встал. Он составил башню из чашек, вернее, несколько башенок, которые едва держали равновесия. Взял одну из них и вынес из комнаты, старудом открыв дверь .

Рен вернул на место все наброски, что до сих пор держал в руках. Он вдруг заметил тяжесть рюкзака за спиной и кинул его на пол около стола. Парень осмотрелся: вокруг был ужасный беспорядок, мусор не выносили уже, по видимому, несколько дней. На столе в куче, по идее, важных и ценных записей на клочках бумаги лежали огрызки от яблок, успевшие то ли подгнить, то ли подсохнуть. Тут же, теперь уже ровной стопкой стояли чашки, в некоторых из них были фантики, смешавшиеся с кофейной гуще или чайными листьями, зависит от самой кружки. Там же были ложки, с чем то к ним прилипшим. В похужем состоянии находились и пару блюдец. Картину завершали куски недоеденного печенья, разбросанные по столу. А про письменные инструменты лучше вообще молчать. И это был только стол... Надо признать, запах вполне соответствовал картине.

«Да, если Лизи это увидит, то будет в ярости», – промелькнула в голове у Рена. Он фыркнул себе под нос и пнул рюкзак ногой от стола, в сторону всеобщего беспорядка. В сумке что-то звякнуло металлическим треском, словно смяли алюминиевую банку. Он сделал это для протеста, только

не обществу, а себе, ведь здесь, в этой серой комнатке его жест бунтарства никто не мог оценить.

Рен тяжело вздохнул и пошел вслед за вещью, с которой только что жестоко обошелся. Он бережно вынул из рюкзака балончики с краской, один из них, зеленый, оказался помят, видимо, из-за не слишком бережного обращения. Но этот цвет уже почти закончился, да и фактически не слишком много использовался, так что парень просто закрыл глаза на это и начал расставлять краски на полку, предварительно скинув с нее все лишнее резким взмахом руки. Он терпеливо сортировал баночки по цветам: сперва красный (любимый цвет, а значит и часто используемый), потом чёрный (самый ходовой. Его было много, но он всегда заканчивался), затем синий...

Периодически в подвал заходил Джастин, чтобы забрать очередную партию мусора. Не стовариваясь, эти двое решили перебраться в комнате. Кто знает, почему. Их вполне устраивал беспорядок. Да и они оба знали, что не пройдет и дня, как все вернётся в похожее положение. К тому же никто из них не любил прибираться. Разве что Рену нравилось перебирать краски, но ведь он не планировал на этом останавливаться.

Джастин скоро ушел, он убрал только в районе стола, но, с другой стороны, это был самый захламленный участок комнаты. Рен еще долго копался в вещах, разгребая барахло с полок, деля на нужное и ненужное, определяя важность и

необходимости и предаваясь воспоминаниям о том, что было пару лет назад, по ошибке принимая это за ностальгию.

Когда парень, наконец, закончил, на часах уже было за полночь. Ну как закончил. У выхода еще стояло несколько пакетов, которые нужно выбросить. А так, в целом, комната уже была похожа на что-то более-менее пригодное для жизни.

Рен упал на диван с чувством выполненного долга. Он сам для себя решил, что доделает все завтра, ну не завтра, а сегодня, но днем, а не ночью. А пока было время послушать музыку, расслабиться, если можно расслабиться под металл. Но у Рена получилось. Он хотел поискать что-то в интернете, но, стоило ему повернуться на бок, лишая себя необходимости держать телефон, как парень тут же уснул. Видимо, сказывалась бессонная прошлая ночь. Ему даже не приснился в тот день сон (Рен не любил такие ночи, вроде и спишь, а вроде и не высыпается. А какой смысл спать, если ты не видишь сон? Работаешь, работаешь, устаешь, а организм даже поощрить маленьким красочным безумием не может. Вот она, настоящая несправедливость, а не Ваша там Система).

Глава 9

– Может ты проголодался? – вдруг обратилась Эмилия.

Коил вежливо улыбнулся, но отказался. Он чувствовал себя неловко, будто пришел в гости к начальнику или преподавателю. Все вопросы этих, с его точки зрения, взрослых

женщин, были чрезвычайно милы и невинны и задавались, по большей части для поддержания разговора, нежели по делу. Сперва парень пытался узнать что-то об организации, но все сводилось лишь к незначительным бытовым вещам.

За такого рода разговорами интересно разве что наблюдать, но никак не участвовать в них. Коил осознал это почти сразу. Поэтому, сам для себя решил, что пойдет искать Стена при первой же возможности. Такая возможность у него появилась очень скоро.

Из-за двери, в которую недавно скрылся Рен, доносились шорохи и скрежет. После непродолжительной тирады странных звуков, стал слышен отчетливый стук.

Перед Коилом, любезно откликнувшимся на призыв, оказался Джастин. Его руки были заняты разваливавшейся на ходу башней из кружек, которую он придерживались подбородком. Увидя Коила, Джастин немного смутился и неловко улыбнулся, отводя взгляд.

– Помочь?– спросил парень, глядя на картину перед собой.

Джастин немного кивнул, и конструкция со звоном наклонилась в сторону. Коил поспешил придерживать ее. Они оба улыбнулись.

– Да, если не трудно.

– Да вот, в кое– то веке решили прибраться.– ответил Джастин, идя по коридору.

Коил рассматривал картину, едва различимую в полумраке. Когда он повернулся, мужчины рядом уже не было.

– Джастин!– позвал он.

– Да, я здесь!

Коил поспешил к источнику звука.

– Я тут не ориентируюсь.

– Это ничего. Я тоже сперва не мог разобраться.

Дальше они шли в тишине. Коил разглядывал чашки и их содержимое, но, обнаружив первый испачканный в кофе фантик на дне, начал рассматривать стены. Он постоянно поглядывал на своего проводника, стараясь не терять его из виду в темном коридоре.

– Света бы побольше...– подумал вслух парень.

– Да, но ничего, это временно.

– Ремонт будете делать?

– Да, уже, он идет в здании над нами.

– Хм, ясно,– голоса вновь стихли, слышались лишь шаги.

– Вот, мы пришли.

Резкий свет ударил из кухни, разгоняя темноту, и эти двое вторглись в помещение, захваченное терпким запахом кофе. У плиты стояла девушка с сияющими темнымикоричне-го–пепельными волосами, едва доходившими до её лопаток. Когда она повернулась, чтобы поприветствовать вошедших, Коилу открылось ее красивое лицо. Высоки лоб, приятные мягкие черты лица, маленький аккуратный нос, тонкие губы, сложившиеся в улыбку. Изгиб брови нежно обромлял очер-

тание ее голубых глаз, а ямочка на левой щеке дополнила это произведение искусства. Лицо это вызвало у Коила легкое дежавю. « Кого-то она мне напоминает », – промелькнуло в его голове.

– О, Коил, привет. Уже с Джастином, смотрю, подружился?

Парень повернул голову и заметил Стена, сидевшего у самого края стола в углу комнаты так, чтобы можно было облокотиться на стену.

– Да, можно и так сказать...

– Это Лиззи, познакомься. Ну, ты понял...

Девушка сделала несколько шагов на встречу новому знакомому и протянула ему руку. Коил, сперва растерялся, все же догадался ее пожать.

– Ну, Стен меня уже представил. Меня Лиззизовут.

Она на секунду отвлеклась и посмотрела в сторону плиты. Пенка на поверхности кофе натягивалась и, периодически, лопалась пузырями. Еще чуть-чуть и жидкость начала бы бурлить.

– Мне нужно налить кофе.

Лиззи взяла две чашки, заранее приготовленные и стоявшие уже у плиты, и стала наливать ароматный напиток. Она неловко ударила туркой о кружку и немного пролила, а шум воды из крана, и ловкие шлепающие звуки от мытья посуды в исполнении Джастина, не позволили бы даже поговорить о чем-то. Все просто застыли в ожидании.

Когда мужчина это заметил, он немного сгорбился, его морщинистое лицо приобрело странное выражение. Он попытался мыть быстрее, но стало только громче. Он уменьшил напор воды, но теперь мыть можно было мыть только очень медленно, и, по прежнему, было шумно.

Лиззи посмотрела на Джастина, и прервала молчание громким:

– Извините, кофе был рассчитан только на двоих. Вам не хватит. Но, если хотите, я могу сделать сварить еще.

– Нет, спасибо. Не стоит утруждаться.– Ответил Коил, по прежнему стоя возле двери.

Тогда Лиззи обратилась к Джастину, но тот, заметив это, замер на секунду в недоумении и после быстро покачал головой. Он уже заканчивал с чашками. Домыв последнюю, он поставил её в сушилку, и, уходя, сказал, что скоро вернется, так как это была еще не вся грязная посуда.

– Вы новенький?– улыбнулась Лиззи, ставя кофе на стол.

– Ну, можно и так сказать. Я был тут в понедельник. Я думал, тут больше людей.

– Просто все приходят когда могут. Общий сбор только в субботу. В будние дни людей почти нет.

– Работа, знаешь ли ... – вставил свои пять копеек Стен. Девушка усмехнулась.

– Может в мастерскую пойдём, а то Джастин скоро вернется?..

Глава 10

– Так вы оба в одной фирме ?

Стен кивнул. Он бы хотел ответить, но это было затруднительно. Из-за кофейно– конфетной смеси во рту, парень смог только промычать. Посмотрев на Стена, который, как ребенок, набрал полный рот еды и не мог теперь с ней справиться, Лизи засмеялась .

Стен осмотрелся и с недоумением выдавил:

– Фто?

Лизи уже заливалась смехом. Парни переглянувшись в непонимании и просто смотрели на нее. И тут до Коила дошло: он усмехнулся и сказал, прикусывая язык.

– Фто, Фто!? А не со!

Сказать это было ошибкой. Ведь смешно стало не только Лизи, но и Стену, который задыхаясь и дрожа в конвульсиях, всеми силами старался удержать содержимое своего рта . Ему то было весело, то он чуть ли не захлебывался, сдерживая смех, и периодически жалобно смотрел на умирающих со смеха Коила и Лизи. Но он этой картины ему становилось ещё смешнее, и все продолжалось по кругу. Апогеем всего стала его попытка проглотить все, что он усиленно складывал себе в рот. У него, по понятным причинам, ничего не вышло. Но он смеха, весь его уже шоколадно– сахарный кофе пошел носом. Что было дальше, описать трудно, просто стоил упомянуть, что Лизи упала на пол...

Стен с красным от стыда и смеха лицом немного ссуту-

лился на кресле, он не мог понять, эмоцию какого характера он ощущает. Так что он просто ждал, когда остальные отойдут от своих конвульсий.

Лизи сделала серьезное лицо, посмотрела на Стена и, усмехнувшись в последний раз, протянула ему салфетку.

– У себя все лицо в шоколаде.

Стен покраснел еще больше, но салфетку взял, и принялся тщательно оттирать свои губы.

– Боже, мы как дети ... – немного отдышавшись констатировал Коил.

– Да, классно правда!?

Лизи все еще сидела на полу. Парень посмотрел на нее, потом на Стена, убиравшего шоколад со своего лица, и ему больше ничего не оставалось, кроме как согласиться.

– Вот черт. Уже пол десятого!– воскликнул Стен. – опять мне не выспаться...

– Уже уходите? – спросила Лизи.

– А ты нет?– удивился Коил.

– Я, просто,здесь переночую. Не хочу домой!

Глава 11

Прошло уже пару часов с того момента, как парни оставили Лизи одну. Она сидела с той же комнате, только уже с новой чашкой кофе и за компьютером, редактируя фотографии. Но, вопреки мнению большинства, даже для этого требуется вдохновение. А его не было...

Девушка раз за разом перелистывала одни и те же кадры, но ничего ей не нравилось. Все было просто нормально, без хорошо и плохо. Нормально. И так сойдет. Нет, она не была грусной, скорее наоборот, ей хотелось быть где то на Эвересте, или на дне океана, танцевать на Мальте в юбке из листьев, прыгать с парашютом или даже без него. Проще говоря, быть где угодно, только не здесь.

Иногда она прерывалась и слушала музыку, и танцевала под нее. Музыка была очень плохая, ни о чем, просто веселая. Но это было именно то, что ее радовало сейчас. А если кашка греет тебе душу, то кому какое дело, что это кашка?

Часы сказали, что уже настал четверг, и Лизи пошла на кухню, что бы занести чашки. На своем пути она увидела Эмили.

– Здравствуй.

– О, Лизи, а я и забыла, что ты здесь. Слушай, хотела сказать . Поговорили с Реном, а то ходит в одной кофте, а уже не май месяц, знаешь ли.

– Да, конечно.... А он приходил сегодня?– удивилась девушка.

– Да, в мастерской левого края. А ты не знала?– Эмили усмехнулась, махнув рукой.

– Нет, просто думала, он дома ночевать будет.

– Эх, молодежь, никакой коммуникации,– женщина еще раз махнула рукой и пошла дальше, не попрощавшись.

Лизи про себя посмеялась над странным мнением и тоже пошла дальше.

Расставив по полкам посуду, девушка тихо вышла из кухни и побрела в другое крыло здания, в котором и была мастерская Рена. Путь туда был один, через большую проходную комнату с главным входом, куда попадает каждый, кто посещает это место.

Из-под двери мастерской сочится свет. Лизи на секунду замерла, давая себе время смириться со срачем, который она готовилась увидеть, и открыла дверь. Сделав один громкий шаг, она замерла. Комната была не похожа на себя. Осмотревшись и поняв, что это не сон, Лизи взглянула на диван.

Там, в странной неестественной позе лежал Рен. Голова его была запрокинув вверх. Одна рука лежала спинке дивана, а другая свисала вниз, касаясь пола. Ноги его были расположены так, будто он спал на боку.

Лизи подкралась ближе, чтобы рассмотреть его спокойное лицо, не выражающее ни одной эмоции. Она коснулась губами его теплого лба, осторожно достала наушники из ушей. Девушка убрала телефон, лежащий рядом с его головой и, отключив музыку, намотала, как на катушку, провод и отнесла то, что получилось, на стол. Лизи тихо достала из шкафа плед и накрыла им парня. Тот немного застонал и, повернувшись на бок, умолк. Девушка еще несколько минут смотрела на это красивое и правильное лицо, на длинные черные ресницы, на аккуратные брови и тонкие немного сухие губы,

на белую чистую кожу, на редкие едва заметные веснушки и переносицы и в самой верхней части щек. На ненавистную ему родинку рядом ухом, такую же, как у нее. А потом, она ушла, выключив свет и пожелав ему спокойной ночи...

Глава 12

Глаза не хотели открываться. Подушка была как сильный магнит. Все тело будто парализованное отказывалось шевелиться. Но мозг упрямо твердил: « Ты просыпаешься уже в сотый раз, пока уже и встать в конце концов» .

Спустя несколько десятков минут спора со своим сознанием, Рен все же открыл глаза и начал разыскивать телефон, который должен был лежать неподалеку. Не обнаружив предмета поиска, Рен встrepенулcя и начал искать уже сидя. Спустя мгновение паники до парня дошло, что рядом с ним лежит небрежно откинутый плед. Путем не сложных умозаключений (на сложные в тот момент мозг был не способен) юноша догадался, что в комнате кто-то был, а искать телефон здесь бесполезно. Приложив еще немного усилий он встал и почти сразу нашел пропажу. Посмотрев на стол несколько секунд, парень направился к двери: его технике ничего не угрожало, можно было расслабиться и идти по своим делам.

Немного отойдя от умирающего состояния, Рен отправился в правое крыло, на кухню. Еще в коридоре он почувствовал запах кофе, приятный и обволакивающий. Парень не любил сам напиток, но его ароматом нельзя не восторгаться.

Рен уверенно открыл дверь, сделал шаг вперед и тут же пожелал развернуться, но было поздно. Его поприветствовать Лизи:

– Привет, как раз вовремя, собираюсь завтрак готовить. Омлет с колбасой и сыром будешь?

– Да– немного злобно, но как можно холоднее бросил парень.

Девушка немного опешила, но тут же улыбнулась вновь, кивая ему. Она поставила на плиту сковороду, залила в нее не много масла и зажгла огонь. Колбасу она к тому времени уже порезала. А на столе уже лежали два яйца. Мгновенно расправились с колбасой, девушка отправила ее в сковороду.

– Достань еще 2 яйца,– обратилась она к Рену, открывавшему холодильник. – И молоко у меня.

Лизи протянула руки к парню, но тот демонстративно положил яйца на стол, будто бы не заметил ее. Он открыл ящик, достал чашку и засыпал в нее порошок шоколадного цвета, и еще пару его ложек просто съел.

В это время Лизи уже замешала и залила все для омлета поверх обжаренной колбасы и натирала сыр. А рядом с плитой стоял только что заваренный кофе. Коил залил молоко в чашку и отправил ее в микроволновку. И начал рыскать по полкам.

– Зефир во втором ящике снизу.

Сказала девушка. Рен никак не ответил, но последовал подсказке.

Кухня медленно но верно наполнялась ароматами всего самого вкусного, что только можно представить. Кофе, плавленый сыр, шоколадный запах какао, и тающие зефирки, жареный омлет . Что может быть прекраснее ранним утром?

Спустя несколько минут молодые люди уже находились за столом и не спеша поглощали еду. Гробовая тишина, странное напряженное молчание разрушали идиллию утренней нирваны. Лизи постоянно переводила взгляд на Рена, он же, в свою очередь старался смотреть только себе в тарелку.

– Что?!– наконец, бросил парень, устав от сверлящего взгляда.

– Да нет, ничего ... – испугалась девушка и уткнулась в свою тарелку.

– Это ты ко мне ночью заходила?

Лизи кивнула, не решаясь отводить взгляд.

– Спасибо,– тихо, едва заметно буркнул парень. От чего-то лицо его стало немного грустным. Он посмотрел на девушку. В то самый момент Лизи подняла голову, и они столкнулись взглядами. Рен, будто бы чего-то испугавшись, опустил взгляд, и больше на нее не посмотрел.

Глава 13

Осень окончательно и бесповоротно вступила в свои права. Почти все деревья были теплых оттенков . Багряно-желтый лиственный ковер покрывал все вокруг. А уставшие дворники безрезультатно сгребали краски в кучи, ко-

торые рано или поздно разрушались школьником-хулиганом, решившим позабавиться, или быстрым сезонным ветром, видимо, с той же целью.

За этим спокойным и бурным одновременно миром Коил наблюдал из окна офиса. Работа не шла совершенно. Хотя о какой работе можно думать, когда вокруг такая красота? Нет, в такую погоду разве что можно писать стихи или рисовать картины, но уж точно не составлять очередной отчет.

Стрелки часов приближались к обеду. Пока Коил рассуждал о том, как ему провести этот дивный день, к нему незаметно подкрался Стен:

– Привет!– крикнул он, хлопая Коила по плечу, отвлекая его от созерцания природы.– Готов поесть?

– Всегда готов!– бойко ответил парень.

Погоду мог не оценить разве что полный идиот, поэтому тратить драгоценное время обеда на то, чтобы провести его в помещении, было настоящим преступлением. Парни купили по блинчику в кафе на колесах и уселись на какую-то лавку в тени деревьев, подальше от людских глаз.

– Ты знаешь, мне вчера Крис звонил. Ну, это тот, которого ты в первый день видел. Помнишь?

Коил кивнул, дожевывая сочный кусок.

– Так вот, он просил тебя ему позвонить. У тебя его номер сохранился.

Коил снова кивнул, но уже откусывая новый кусок.

– Ты не парься, он любит с новичками с глазу на глаз по-

говорить. Он только с виду пугающий, а на деле очень классный мужик.

Коил усмехнулся, наконец то проглотив мягкое тесто. Он вытер блестящие от масла губы салфеткой и заговорил, давая поесть Стену.

– Я сегодня не пойду, хочу прогуляться. Давно на природе не был, устрою себе пикник.

– Дфа, без проблем, – промямлил с набитым ртом Стен. В этот раз он откусил небольшой кусок, и его речь была хоть сколько-нибудь понятна.

– Дам тебе один мудрый совет: сперва глотаешь потом говоришь, – с умным лицом констатировал Коил и засмеялся.

Бывает так, что перед выходными ну никак работать не хочется. На улице красота, да душе птицы поют, а тут раз, и офис с кучей рутинной работы. И кажется, ну зачем это? Вот-вот суббота, можно сказать, уже. А ты торчишь непонятно где и занят непонятно чем. Так и Коил просиживать последние часы пятницы, считая ворон в душевной комнате. Минуты тянулись часами, а часы веками. Но вот долгожданное время настало, и парень с легкой душой поспешил на назначенную встречу.

Еще вчера он долго думал о том, для чего эта встреча, раз за разом придумывая все более пафосный и неуместный диалог. Он был все круче, Прайс все стеснительней ... Но чем ближе становилась встреча, тем сильнее менялись роли.

О встрече Коил договаривался так, чтобы он не только не опоздал, но даже пришел чуть раньше положенного. С точки зрения времени, все вышло: когда парень пришел, до назначенного срока оставалось еще почти двадцать минут. И все бы было хорошо, если бы Прайс не пришел еще раньше.

Мужчина занял столик в самом углу зала, спрятанный за небольшим выступом в стене. Это было поистине укромное местечко, где бы их никто не мог слышать, а иногда и видеть. Он что-то читал, попивая из белой фарфоровой чашки.

– Здравствуйте Мистер Миони,– вдруг сказал мужчина, отложив книгу.

– О, здравствуйте. Вы так рано!– странным спектром эмоций выдал Коил и умолк, удивленный собственным голосом.

– Ну, Вы тоже,– с милой улыбкой сказал Крис.

Коил сел за стол и взял планшет меню, на автомате введя свое имя. Он первый раз был в этом кафе, и его не было в базе данных.

– Вы голодны?

– Нет!– Бросил парень. Это была ложь.

Крис взглянул на парня мягким взглядом. Сегодня он не был ни пугающим, ни строгим, ни даже сила в нем не казалась столь заметна, но Коил этого не видел, он вообще старался не смотреть собеседнику в глаза.

– Вы прости меня, я был груб в понедельник. День выдался тяжелым, безумные выходные....

Эти слова заставили парня поднять голову. Коил словил

взгляд Криса. Но вместо холода и неприступности увидел какую-то неизмеримую теплоту.

– Да нет, ничего, – несмело прозвучал голос.

– Хотите, я расскажу, зачем Вы здесь.. А может на ты?

– Не знаю, у нас есть разница в возрасте и статусе. Наверняка в интеллекте... – пробубнил парень очень неразборчиво.

– Это будет мини бунт перед Системой Забавно, не правда ли?

Коил пожал плечами, он полез за телефоном, чтобы обратиться к Системе, но его прервал голос.

– Нет, этого не нужно. Ты знаешь, это ведь не запрещено, не слушаться формул.

– Но статистика...

– Да, еще одна часть Системы, – Бросил Прайс, но, заметив реакцию Коила, тут же добавил. – Да, не все сразу. Это весьма пугающе.

Коил растерлся, он не понимал, своих чувств. Не знал, кто такой этот Мистер Прайс. А ведь теперь еще и просто Крис, так что ли? Слишком много перемен. Иногда нужно просто притормозить и выпить кофе. Сейчас был именно такой случай.

Парень потянулся к меню, чтобы сделать выбор.

– Что закажешь? – спросил мужчина.

– Капучино...

– Почему именно он? Вы пробовали кофе романо с клюк-

венным сиропом и молоком? Если ты пьешь капучино, стоит заказать двойной романо.

– Но в меню нет романо... – Коил еще раз пролистал раздел горячих напитков. Он не нашел ничего похожего.

– Именно, в твоём нет. Как думаешь, куда идут данные, обработанные системой? В этом мире все знают о тебе все. Кроме тебя самого, конечно. И за тебя уже давно все решили. Я узнал, что у тебя нет этого кофе, потому, что клюква понижает давление, а у тебя и без того оно не на высоком уровне. В меню еще много чего нет, что тебе якобы нельзя. Все исследования, все тесты, все заказы, все, что когда либо делается в Системе, оставляет след, стереть который не получится.

– Но, может, мне действительно нельзя клюкву? – хватался за соломинки парень. Он уже понимал, что ответить ему нечего. Все, что говорил Крис было правдой.

– Глупости не говори, от клюквенного сиропа еще никто не умирал.

– Звучит логично. Тогда я закажу его из стандартного меню.

Пальцы парня ловко бегали по экрану, он нашел настройки, убрал индивидуализацию меню, но кофе с клюквой он так и не нашел. Не было никакой разницы, все те же виды напитков. На первый взгляд, меню были идентичны. И это был тот самый случай, когда первое впечатление самое верное.

Коил недоверчиво посмотрел на спутника, но тот, угадав

мысли парня, повернул свое меню так, чтобы тот мог хорошо видеть кофе романо склюквой и молоком, а также с апельсином, оригинальный с лимоном и масса других, никогда не появляющихся в меню гипотоника.

– От Системы так легко не сбежишь.

На лице Прайса появилась тонкая улыбка.

– И, неужели мне не дадут просто выпить кофе? – тихо и настороженно спросил Коил.

– Дадут, конечно. Ты можешь позвать администратора, и он, вероятнее всего, извинится за неполадку.

– Но это не глюк?..

– А сам как думаешь?

Коил поступил взгляд, несколько мгновений просто молчал, а после отвлеченно сказал:

– Крис, закажи мне этот кофе.

Напиток принесли быстро. Он был в большой кружке, на ней находился логотип кафе, изображенный на фоне кофейных зерен. Кружка стояла на блюде, сделанном в том же стиле. Кофе был прикрыт крышкой.

Коила удивил объем порции, почти триста пятьдесят миллилитров горячей жидкости. Но еще больше он поразился, когда снял крышку, давая ароматному пару вырваться наружу. Белая мягкая густая молочная пена, украшенная нарисованным сиропом кисло-сладким листиком и парой красных ягод сверху, присыпанных сахарной пудрой. Он еще не сделал ни глотка, но домашняя атмосфера тепла и уюта уже за-

хлестнула сознание.

– Жестоко, правда, лишать людей такого удовольствия. Хотя, я даже кофе не пью, откуда мне знать.

– У меня столько вопросов...

Коил посмотрел на Криса ровным взглядом, он был серьезен и немного грозен. Его тонкие брови слегка сдвинулись, образовав морщинку. Обычно человека это обычно смущает, но не Прайса.

– Не волнуйтесь, солнце еще высоко, – улыбнулся он.

Глава 14

– Вопрос первый: как ты узнал, что у меня хронически пониженное давление?

– Система, конечно, хороша. Но она очень стара, и обновить ее в полной мере практически невозможно. Сейчас нет ничего, чтобы могло хоть временно взять на себя ее функции. А люди обращаются к Системе ежесекундно. Ее временное выключение или сбой повергнет мир в хаос. Как итог, взломать ее может любой уважающий себя хакер.

– Но, если система вездесуща, то почему ты так открыто об этом говоришь?

– Не бойся, я не сказал ничего противозаконного. А закон еще худо– бедно исполняется. Мы же не в Океании¹ в конце концов.

– Так все не так плохо?!

– Ну, я бы так не сказал. Не имеет значения закон, если

человек сам создает себе рамки. Толку от наличия возможностей, когда ты сам отказываешься от них, собственноручно сажая себя на цепь. Когда-то на нас нацепили ошейник, но сейчас мы сами несем поводок в руки Системы. Мы находим счастья в неведении, нам хватает разговоров на кухне. Но, признай, без Системы ты и сам как без рук. Проживи хоть день, отказавшись от удобства своего аккаунта, от геолокации, от диагностики своего ПК на вирусы, от рекомендации в интернете. Но это слишком сложно. Проще сидеть на замке и нить, как все плохо, не желая протянуть руку к ключу.

Коил смотрел на Крису, в его искристые, полные разума глаза. Он был пугающе спокоен, и пугающе точен. Парень застыл, он не знал, как реагировать на подобное. Его мозг с трудом впитывал новую, как казалось, информацию, которая по сути была ему давно известна. Коила будто облили ледяной водой, а потом скинули в бездонную пропасть собственного непонимания.

Несколько минут эти двое просто смотрели друг на друга. Между ними будто бы продолжался диалог. Любой звук, жест, вздох могли разрушить тонкую нить сознания. И это должно было когда-нибудь случиться и случилось.

– Я был слишком импульсивен, прошу прощения, – не изменяя своему спокойствию и уверенности сказал Крис, и, отпив немного зеленого чая, добавил. – Почему же ты не пьешь свой кофе?

Коил оттаял и взял кружку в руки. Он улыбнулся, будто

здороваясь с напитком, и сделал глоток. Мягкая теплая кисло-сладко– горьковатая жидкость с нежным сливочным привкусом погрузила его, беспокойного и напряженного, в состояние невесомой нирваны. Он закрыл глаза и уже не хотел их открывать. Послевкусие, горькое, кофейно– клюквенное с призвуком молока. « Я должен научиться делать его»,– подумал парень, открывая глаза.

– Он восхитителен!– не удержался голос.

Крис усмехнулся, его позабавил преувеличения восторг парня. Но он позвал его не за этим.

– Что ж, пришла моя очередь задавать вопросы. Ты бы согласился присоединиться к настоящей организации, а не к этому кружку самодеятельности?

– Что ты имеешь ввиду?

– Ты пришел к нам в переходный момент, ты не знаешь практически ничего, но дальше, если все удастся, вид нашей организации очень поменяется. Как ты, я думаю, догадывался, я не главный, и тот подвал, не все, что у нас есть. Сейчас мы растем и становимся на ноги. Подобные подвалы есть не только по всему Глемпту, но и по всему Союзу Мирных государств. Это почти весь мир, нас уже тысячи, а будут миллионы и миллиарды. Но, те тысячи, что есть сейчас, станут голосом всех остальных, хотя бы на первое время. Ты сможешь уйти в любой момент, но если ты знаешь, что ты не способен ни на что, кроме разговора, если тебя все устраивает, то оставаться с нами нет смысла. Я не давлю на тебя

и не стану осуждать, если откажешься. Я не требую ответа прямо сейчас, но ты должен сделать выбор как можно быстрее... Прости, что все так внезапно.

– Да, я подумаю над этим...

– Приходи завтра к двум, у нас будет общее собрание. Очень важное. Все должны быть там.

Коил кивнул, он еще мало что понимал, но уже осознал, из этого дерьма ему теперь не выбраться. Он узнал не много, но этого хватило, чтобы перевернуть его жизнь.

Глава 15

Осень, что такое осень? Дождь, слякоть, грязь и вечные лужи. Рен еще с детства не любил эту пору. Было в ней что-то гадкое и отталкивающее. Плюс ко всему краска очень плохо ложилась на стену при ветре, а если накрапывал дождь... Тут и говорить нечего.

Юноша вышел из дома, едкая влага проникала под одежду. Ему было не холодно, но как-то мерзко. Дрянная погода. Если бы его воля, он бы жил в таком месте, где всегда сухо, но не тепло, этого он не любил. И ветер не любил. Проще говоря, на Земле нет места с климатом, который бы в полной мере его удовлетворил. И ему приходилось мириться с тем, что есть.

Рен накинул на голову капюшон, он опустил его так низко, как только мог. В итоге он мог видеть лишь свои ноги, но это его мало заботило. Он хорошо знал местность и точно знал,

куда идет. Кромешная тьма не мешала безошибочно находить дорогу. Через несколько темных переулков заявленных мусором, пустынных дворов и вечного металлического звона за спиной Рен оказался возле железнодорожных путей.

Он достал телефон: было два ночи. Парень огляделся. Он снял капюшон, чтобы лучше видеть, и, расставив руки в стороны, полетел по рельсе, удерживая равновесия. Иногда он шел долго и уверенно, а иногда не мог сделать и шаг, чтобы не упастьскользкого металла. Но скоро он увидел первый поезд: он стоял на путях, обычный товарник. Вообще, Рен хотел бы найти пассажирский, но погода была слишком омерзительной, чтобы находиться на улице лишнее время.

Рен осмотрелся, на этот раз серьезнее. Он надел капюшон и закрыл лицо повязкой так, что были видны лишь глаза. Парень подкрался ближе: вокруг никого не было, кроме зыбкого ветра и влажной пустоши. Он спустил рюкзак и достал один балончик. Рука по привычке быстро встряхнула его, характерный дребезжащийалюминиевый стук разлетелся по округе. Парень знал: он только кажется громким, через метров двадцать его уже не будет слышно.

В эту ночь Рен был довольно ленив, поэтому рисовал, как говорится, на отвали: надпись курсивом в синих тонах, и пусть еще немного красного будет, все в черной обводке, конечно. Вышло не плохо. Ничего примечательного, хоть раз в жизни каждый видел надписи в подобном стиле. Что же он написал? Да так просто: « Мы не рабы!». Прimitивно, ко-

ротко, по всем канонам на отвали.

Все, что он рисовал, рано или поздно, просто закрашивали. Это было для него еще одним поводом считать мир гадким. Хотя, некоторые свои работы он бы и сам закрасил.

Рен немного отошел от своего творения. Из-за темноты практически ничего нельзя было разглядеть. Парень достал телефон: яркая вспышка, прибавление к преступной коллекции.

Эта коллекция, да уже сам телефон вызывал подозрение. Куча фотографий, пометок, записей, каждая из которых была компроматом, паленая симка без регистрации, как и сам телефон, купленный нелегально, скорее всего, краденный. Если бы его нашли, то, пусть не на долго, но уж точно упекли за решетку, как минимум, за вандализм, может еще добавили бы статью за хулиганство.

Но какое дело до этого парню, почти мальчишке? Подумаешь, угроза! Рен еще раз оценил свой труд: так, на троечку. И побрел обратно.

Он упал на кровать, на часах было почти пять утра. А сегодня еще надо было быть на собрании...

Глава 16

Пять утра! До будильника почти два часа, а спать не хотелось категорически. Проблемы со сном стали для Коила привычным делом, но все равно гадко. И вставать не хочется, а лежать без дела скучно. Да еще и нога зачесалась... Ко-

роче, все против него этой ночью.

Ветер, легкий осенний бриз теперь казался ледяным ураганом. А окно само себя не закроеет. Еще и это собрание....

– Остаться или уйти?– заговорил по старой привычке парень(все таки тишина– отличный слушатель). – Готов ли я идти до конца? Да какое тут, мне до окна дойти лень, а тут до конца.... До какого конца? Что такое этот конец?

Он тяжело вздохнул и спихнул свою ногу на пол. Спустя пару минут подготовки он совершил усилие и сел. Дело осталось за малым: встать. А дальше уже легче будет.

Пол шестого, запах кофе и ноющая боль в голове. А потом же еще весь день в сон клонить будет... Коил уже чувствовал это, вяло постукивая ложкой о кружку, перемешивая уже и без того растворившийся сахар и окончательно сбивая молочную ленивую недопенку.

« Да, нет, да, нет...» – повторял навязчивый голос в голове. Казалось, суть вопроса уже была потеряна. Осталось два слова да, нет. Как лотерея, как монетку подбрасывать, как бросать кости, только если бы варианта было только два. Но это тоже самое, что и монетка. Логическая нить была окончательно порвана...

– Да!– выпалил Коил. Ему будто хотелось добавить: «И так сойдет!».

«Какая разница, что будет потом? Сейчас есть я, вкусный кофе и осень, а дальше... Кто знает, все может быть»– рассудил парень и отпил из кружки. Напиток был слишком го-

рячий.

– Супер, еще и язык обжег!

Осень, что может быть прекраснее? Легкий ветерок гоняет пожелтевшие листья, мягко стучат капли дождя, ударяясь о гладь окна. И так тянет в сон... Так сильно, что никакой кофе не поможет.

Конец рабочего дня. Коил даже не помнил, как провел обед. Он ел вообще сегодня? А еще и собрание...

– Не спать! – скомандовал бодрый голос Стена. – Весь день еще впереди!

– Да не сплю я... – пробормотал парень.

По дороге Стен не умолкал не на секунду, слова лились из его рта бурным потоком. Периодически парень требовал от Коила какой-то реакции, на что тот кивал головой или отпускал многозначительно бессмыслицу. Но вот знакомая дверь.

Казалось, все оживились на столько, на сколько это было возможно. Всюду ходили какие-то люди, шуршание, разговоры, кто-то кричал, кто-то спорил, кто-то смеялся. Коил невольно взбодрился и попытался найти знакомые лица, попутно не отходя от Стена не на шаг. Тот, кажется, знал здесь всех и бросал слова приветствия всем, кого видел, жал руки всем подряд, даже сделал комплимент и отпустил воздушный поцелуй, только Коил не смог понять кому. Иногда Стен обращался к спутнику и указывал на кого-нибудь в толпе ру-

кой, говоря его имя, но парень из-за шума и неразберихи часто просто не понимал, о ком идет речь.

Сзади его одернули. Перед ним оказалась Кетрин. Ее появление по какой-то причине еще больше оживило Коила. Он улыбнулся ее сияющему лицу, излучавшему какое-то праздничное безумие. Глядя на нее казалось, что вот-вот произойдет чудо.

Из анабиоза парня вывела сама девушка, словив проходящего мимо мужчину.

– Коил, вот познакомься, это Грег.

Грег был чуть выше и худощавее Миони. Его светлые голубые глаза застыли еще ярче, а от улыбки появились морщинки. Молодость еще не покинула его, но уже не была столь заметна в его виде. Потрепанный свитер, джинсы, поношенные и оттоптанные кроссовки – вот, видимо, самый обычные его наряд. Он протянул свою сухую потертую ладонь Коилу, тот ответил на жест.

– Грег! А Вы, наверное, Миони? Мне Кетрин про Вас рассказывала!

– Да, можно просто Коил!

Зазвонел колокольчик. Толпа двинулась в большую дверь.

– Собрание вот-вот начнется! – Кетрин улыбнулась и побежала в след за толпой.

Глава 16

Энергетический напиток почти закончился. Плохой иде-

ей было гулять ночами. Еще и тот факт, что на собрании просили быть всем, усугублял ситуацию. «Тут точно будет Лизи» – стоило парню это подумать, как знакомый женский образ показался в толпе. Еще секунду Рен пытался понять, не перепутал ли он, а зря. Девушка повернулась голову, и эти двое встретились взглядом. Растерянный парень не придумал ничего лучше, как развернуться и начать уходить.

Такая реакция заставила Лизи усмехнуться. Она улыбнулась собеседнику и, сказав что-то, направилась за аляповатым силуэтом. Парень был в классической для него толстовке, но на этот раз с принтом(череп в огне, ничего нового). Даже капюшон надел, будто это не кофта а мантия– невидимка.

Девушка одернула парня. Обернувшись, Рен изобразил на лице удивление:

– О, Лизи. А я тебя не заметил.

– Да? А что за спиной прячешь?

Парень нехотя показал металлическую банку, немного потряся ее перед лицом девушки.

– Энергетик?

– Как видишь.– ехидно выдавил Рен.

– Какой по счету?

Парень не ответил, лишь глубоко вздохнул и нахмурился.

– Ясно... не ел, судя по всему?

Рен закатил глаза и демонстративно отвел взгляд в сторону.

– Эй, я же волнуюсь...

– Ой, иди ты. То же, мамочка нашлась, – Не выдержал парень, и отпив из банки, пошел дальше, не сказав не слова.

«То же мне, заботливая. Я вся такая добрая и хорошая, любите меня все. И ты Рен, почему ты не хочешь быть таким? Это же так классно! Я так волнуюсь за тебя. Я ведь недостаточно взрослый, ребенок, инфантилен. Конечно, я просто идиот, а ты все такая умная и правильная. Оставь меня в покое, дура. Играй в заботу с кемнибудь другим. Кто тебя пожалеет. Ой смотрите, система меня отвергла, попрусь за Реном в его организацию. Больше же некуда!» – голос в голове парня то кричал, то истошно и криво парадировал Лизи. Зазвенел колокольчик.

«Уже!» – возмутилось внутреннее я Рена. Он выпил последнее и, посмотрев на банку, будто бы разозлился, и смял алюминиевый корпус о голову. Раздался треск то ли черепа, то ли банки.

«Да иди ты!» – парень потер место удара. И помяв стенки рукой, отправил банку в мусорку, возле входа в зал.

Глава 17

Зал, к котором оказался Коил, был не большим, но вмещал в себя всех людей. Хотя ему ненадолго показалось, что их будто меньше стало. Может из-за того, что они хаотично бродили по комнате, а теперь каждый сидел. Ряды стульев были полностью заняты. Коил потерялся и не знал, где сесть.

Его вновь спасла Кетрин. Она окликнула парня и указала на место рядом, видимо, специально занятое для него. Когда все наконец расселись, стало возможным разглядеть сцену или точнее небольшой подиум, прямо перед зрителями.

Постепенно все стихало, и в центр площадки вышел Крис. Или все стихли, потому что он вышел. Трудно было сказать. Мужчина посмотрел на толпу, на Джастина и еще нескольких людей, которых Коил не знал, и начал:

– Я рад, что сегодня здесь собралось такое большое количество людей. Я благодарен вам за оказанную мне честь. Без вас мое здесь нахождение не имело бы смысла. И я надеюсь продолжать общение с каждым из вас в дальнейшем. Ну что ж, это все лирика, начнем. Те, кто были на прошлых собраниях, и другие, кто об этом слышал, знают о том, что наша организация стояла перед вопросом создания партии. После проведенного голосования во всех наших филиалах, было принято почти единогласное решения, в связи с которым этот план дальнейшего развития был утвержден. Это, думаю, было известно почти всем. На прошлом собрании мы решали формальные вопросы создания, вроде названия и символики. Я рад вам сообщить, что большинством голосов определилось: название «Бабочка» и соответствующая символика, – Коил усмехнулся, но в зале стояла гробовая тишина, Крис продолжил. – рад сообщить, что в ее создании принимал участия наш друг и соратник Джастин Ливановски. Поаплодируем ему.

Под гвалт толпы на сцене появился Джастин. Мужчина был на удивление чистым, и, кажется, подстригся. Он вышел ко всем спиной и установил небольшую доску, на которой была нарисована бабочка. Ее голубые крылья были слегка приоткрыты, а само изображение смотрело на нее под углом, немного снизу. Рисунок был сделан в детском, мультяшном стиле, но смотрелся строго, а может дело было в царящей вокруг атмосфере восторга и серьезности.

– Это только начальный вариант, будут еще доработки... – еле слышно промямлил мужчина, но каждый в зале затих, чтобы услышать его.

Еще некоторое время Джастин что-то говорил, об идее создания, благодарил людей, помогающих ему и соблюдал другие формальности, которые нужно было соблюсти. То же самое делал и Крис, но спустя время он возобновил речь:

– Для создания партии, как все вы понимаете, одного желания мало. Партия «Бабочка» это не я и не кто-то выше, это вы. И для ее существования необходимы официально зарегистрированные члены. Сегодня здесь присутствуют все, кто состоит в нашей организации, а так же вы можете видеть незнакомых большинству из вас людей, это волонтеры–свидетели, необходимые нам. Сейчас я предлагаю каждому официально стать одним из членов нашей партии. Партии, для этого лишь нужно заполнить бланк со своими данными.

Двое людей начали раздавать конверты людям.

– Я не имею права вас заставлять, это должно быть ваше

личное решение. Более того, у вас будет шанс в дальнейшем присоединиться к партии, при условии ее создания, конечно. Для этого по законам СМГ необходимо собрать сто сорок пять тысяч участников для регистрации. Не стоит беспокоиться, сейчас мы с легкостью набираем такое количество...

Крис что-то говорил, а в руках Коила уже был конверт голубого цвета, внутри анкета и ручка, заполняй– не хочу. Все стандартно: имя, фамилия, дата рождения, место работы и жительства и тд. Не слишком большая, но и маленькой ее не назовешь. И данные личные. Хотя, все при желании и без них можно взломать. Сейчас уже ничего скрыть нельзя. Если что-то не нашли, то либо не искали, либо искали плохо, либо не нашли специально. Но все же это странно, вот так в одночасье стать членом какой-то партии, с непонятными идеалами, планом, зная пару будущих членов...

« Да, значит да!» – повторил в своей голове парень. Он прислонил стержень к шершавой бумаге и замер. « Пиши, чего ждешь!?» – давил он сам для себя. Коил посмотрел на Кетрин, она уже заканчивала писать.

– А разве это не с 18 лет?– сообразил парень.

Кетрин остановилась. Она повернулась к Грегу, сидевшему рядом, тот лишь пожал плечами и поднял руку. Они сидели с центре ряда и подойти к ним было невозможно. Да и толпа, уже начавшая вставать, загораживала этот маленький знак просьбы о помощи. Тогда Кетрин встала и, перелезая через людей, направилась к цели, быстро потерянная

Коилом. Парень оказался один. Он видел в толпе, как ему показалось, и Рена, и Лиззи, и Стена и всех, кого он только мог распознать. Но они были далеко, а кричать он не хотел. Миони вновь посмотрел на анкету, прислонил ручку к бумаге и вывел первые буквы своего имени...

Глава 18

Люди будто испарились и парень остался один. Стен даже и не подумал, о своем друге. Коил это знал, к тому же, видел, как этот парниша догонял Лиззи. Видимо, они ушли вместе. Но куда? Кетрин тоже нигде не было.

– Коил? Чего же Вы застыли?

Рядом с парнем словно из воздуха появился Грег.

– Здравствуйте, можно на ты. Я немного потерялся.

– Какая наглость, оставить новенького без внимания. Позволь, я стану твоим проводником по этим лабиринтам.

– Да, буду признателен.

Пока они шли по коридору, Коил, не зная куда направляется, заметил для себя, что манера речи Грега больше подошла бы человеку во фраке, а не одетому в черно–синий полосатый свитер.

За поворотом оказалась дверь, она показалась парню знакомой. И в правду, это бы вход в комнату, где Коил и Кетрин в понедельник говорили по–душам.

Раздался едкий скрип. Кетрин сидела в кресле–мешке, как и в прошлый раз, точнее, лежала, ее волосы волочились

по полу. А приход гостей не капли не встревожил. С момента последнего посещения комнаты Коилом, она не особо изменилась. Быть может кое– где изменили свое положение комки бумаги, было даже чутьочку чище и чутьочку пахло мелисой.

– Кетрин, я собирался домой, думаю, и тебе стоит сделать также.

Девушка, не хотя, приподняла голову, бросила взгляд на Грега, потом на Коила, и вновь откинула ее, вытирая волосями пол.

– Не хочу домой.

– Твои родители не станут искать тебя сегодня?

– Нет, еще пару дней точно. Главное, школу не прогуливать. Ну и без жалоб, конечно.

– Ну, ладно, можешь переночевать здесь. Кто-нибудь останется еще?

– Да, наверное, не знаю.

Грег вздохнул.

– Ладно, я не могу составить тебе компанию, жаль. Сама понимаешь. А ты, Коил– перевел взгляд мужчина,– остаешься? Или тоже домой?

– Я могу переночевать здесь?

– Да, вполне,– Грег вошел в комнату, и направился к столу. – Если некуда спешить, можно и провести ночь в этом месте.

Мужчина достал чемоданчик из-под столешницы, и, взяв

куртку, висевшую на крючке в углу, ушел.

– До свидания, – Сказал он и добавил для Кетрин, – Не сиди допозна и проводи Коила, если он захочет уйти.

После он удалился окончательно.

– Ну, привет! – Сказала девушка. – Еще раз.

– Да.

Коил вошел в комнату и сел рядом в уже знакомый ему пуфик, как в прошлый раз.

– Все, как в прошлый раз, – заметила Кетрин, подняв голову.

– Почему ты не идешь домой?

– А ты почему не идешь?

– Меня никто там не ждет.

– Такая же история.

– А родители...

– Не смей меня! Сам же слышал...

Они замолчали. Кетрин смотрела в потолок. Он был жёлтый, низкий, что не удивительно. В конце концов это был подвал. Он будто давил на девушку, прижимал ее, не давал пошевелиться, как пресс.

– А что Грег? Кто он? – Вдруг спросил Коил.

– А он, знакомый. Приглядывает, чтобы не вскрылась, – Кетрин усмехнулась.

Парень вновь замолчал, а кто бы не замолчал? Кровь медленно прилиwała к голове девушки. Виски начала сжимать гадкая надоедливая боль.

– Он вдовец. У него травма была, психологическая, и его отстранили от работы учителем. Он таксистом работает теперь. Еще и дочь забрали. Чуть младше меня. Муть какая-то в общем.

Кетрин сделала рывок вперед и села. Будто новое дыхание открылось, голова ещё болела, но не так явно. Мыслям стало чуточку легче плыть в голове.

– А что там с возрастом? Ты можешь стать членом партии?

Девушка молчала. Она смотрела в одну точку и не двигалась. Но вдруг оттаяла.

– А, да, мама разрешение подпишет, и смогу.

– А она подпишет?

– Да, должна... Ты здесь ночевать будешь?

– Даже не знаю, нет, наверное. А который час?

– Не знаю, сам посмотри.

Коилу пришлось привстать, чтобы достать телефон из заднего кармана брюк.

– Пол десятого... Я пойду, наверное.

– Тебя проводить?

– Да, хорошо бы было. Я здесь не ориентируюсь.

Глава 19

Ночной воздух приятно морозил кожу, будто сообщая о близкой зиме. Но было еще тепло. Коил медленно, но верно исчезал из виду, скрываясь в ночном городе. Звук его ша-

гов затерялся в шуме банок, качающихся на ветру. После дождевая свежесть наполняла грудь, запах мокрого асфальта пробивался через сезонный насморк, с которым приходится просто мириться.

Еще немного постояв, Кетрин повернула к двери. « Может все таки домой?» – подумала она.

Вот девушка уже шла в свое жилище, оно было затеряно в спальном районе, в одной из сотен новостроек, что приходят в негодность уже через пару лет. Лампочка опять не горела, пришлось идти, опираясь на стену, такую шершавую и колючую. Лифт все же работал, и в нем даже не пахло куревом– быть может этот день и не столь ужасен.

Кетрин всегда любила лифты, есть в них что-то особенное, теплое, душевное. Это что-то есть только в маленьких лифтах, куда не влезет больше трех человек. Когда все вокруг: стены и потолок, оказываются очень близко, словно обнимаюттебя, прижимают. В замкнутости есть какой-то шарм: чувство защищенности иногда сменяется легким трепетом. Вся твоя жизнь теперь зависит от металлической коробки, что ездит вперед– назад. Твоя маленькая крепость, твоя тюрьма и твой домик, в котором никого больше нет.

Но лифт приехал, и девушке ничего больше не осталось, как выйти из него, чтобы оказаться перед дверью в собственную квартиру. Ключ, щелчок, легкий скрип ручки и вот она, обитель. Пустая, темная комната. Никого не было. Девушка нащупала рукой выключатель и зажгла свет.

– Есть кто?

В ответ ничего не было слышно. « Но ведь еще и одинна-
дцати нет, не могут же они спать», – рассудила девушка.

Она вошла на кухню, включая по дороге свет. Было пусто:
ни чашки, ни забытой ложки или криво висящего половни-
ка, ни запаха свежеприготовленного ужина—ничего, что бы
могло отличить это место, от выставочного образца. А нет,
все же было кое-что: магниты на холодильнике и записка:
« Не жди нас, будем поздно» .

« три на сто процентов. Уже смирился. Но вдруг приходит
новое подтверждение. И вроде, все как ты и думал, а больно,
как будто впервые. Нет, большее даже. Когда что-то в новин-
ку, по началу еще можешь отрицать, не верить, а потом, спу-
стя время, проблемы уже не столь заметны, затерты памя-
тью. Но напоминание, это как по свежей ране бить... » – рас-
суждала Кетрин, смотря на посвистывающий чайник . Писк
разбудил ее сознание, она отвлеклась, чтобы сделать выбор:
чай или кофе. Уже ведь почти ночь... Но, с другой стороны,
завтра воскресенье, спать всё равно не хочется.

Девушка полезла в ящик, в поисках заветного напитка и
нашла... Кисель, а почему бы и нет. Он теплый и сладкий,
и с вишней.

Вечер был какой-то муторный, даже кисель не помог, хотя
без него было бы еще хуже. Делать было нечего, точнее, было
просто лень что-то делать. И Кетрин поддавалась этому чув-
ству. Уже несколько часов она смотрела ролики (среди них

были образовательные, так что девушка сама для себя решила, что проводит время с пользой). Еще лента новостей, музыка. Когда подростку некуда идти, он продает душу именно ей, музыке. Той, что либо заглушает боль своим диким шумом, либо давит на свежие рады, заставляя прочувствовать каждым уголком своего тела безнадежность бытия. Почему так? Зачем выбирать то, что тебя добивает? А кто его знает. Но, почему-то, это кажется наилучшим решением.

Вечер все продолжался и продолжался, он медленно перетек в ночь. Там еще, на этот раз кофе, и немного виски, который стоял на самой верхней полке. Теперь можно и поплакать, так, отдуши в подушку, чтобы все вокруг сотрясалось при твои воплях. Чтобы сильно, до истерики, чтобы каждая часть тела дрожала. И музыку по- громче, пусть заглушает крики. И разговоры с самим собой, невнятная речь в пустоту... Так может продолжаться долго. Для Кетрин все закончилось рано, она уснула, прямо так, отключилась лицом подушку, пока ее телефон дребезжал от запоздалый сообщений: « Спасибо, что проводила. Я уже дома, а ты должно быть, спишь. Не грусти там одна, мне показалось, ты была подавлена. Да, номер я у Стена взял, надеюсь, ты не против. Молчишь. Точно уже спать легла. Ладно, спокойной ночи.»

Часть 2

Глава 1

Есть такое странное время года, когда осень и зима сопер-

ничают в борьбе за власть. Для каждой точки мира это время свое, но для города Глемт, да и для всего ГМГ(Готское Мирное Государство) это было начало ноября. В это время никто не мог точно сказать, какое пальто следует надеть, какова вероятность снега, или это все же будет дождь. Деревья были уже голые, но кое-где виднелись листки, порой и вовсе зеленые.

Все эти странности выражались еще и в том, как были украшены магазины. Еще виднелись плакаты о распродажах осенней одежды, но порой витрины уже переливались от новогодних огней. Гирлянды из снежинок с одной стороны, а напротив из желтых листьев. Проходя по торговому району, Коил даже видел тыкву, она была особенно не к месту.

В этот неопределенный день, точнее вечер, парень направлялся в ресторан, куда был приглашен на день рождения коллеги. Кире, той, что всегда на связи, исполнялось 25, юбилей, как— никак. Она занимала важную должность, и ее ценили. А как не ценить, не человек, а золото. Если надо кого-то отпросить, заменить, кому-то помочь, она всегда рядом. Коила она выручала постоянно, по большей части, из-за опозданий.

Коил пришел слишком рано и теперь бродил в окрестностях, заходя то в один, то в другой магазин, примечая, где потом можно обзавестись подарками к близкому празднику. Коил любил ходить по магазинам. Он из тех, кого называю, транжира. Благо, доход позволял. Так что на тот час с лишним, что ему оставалось ждать, он нашел себе занятие по ду-

ше. Кто знает, может он специально пришел гораздо раньше нужного.

Даже больше, чем баловать себя любимого, парень любил делать подарки. Он дарил их, обычно, по случаю какого-то праздника, но иногда сам придумывал повод для подарка. А еще, он, не смотря на свое частое использование Системы, все же старался выбирать презенты самостоятельно, пусть это и не всегда удавалось.

Время летело быстро, Коил только и успел, что обойти пару магазинов. Но осталось пятнадцать минут, а ресторан был далековато. Ничего не поделаешь, парню пришлось оторваться от мерцающей витрины с елочными украшениями.

Стен пришел чуть раньше назначенного, но ждать ему не пришлось. Люди уже толпились у входа. Многих парень не знал, но это было ожидаемо. Кира хорош общалась с многими людьми в офисе, и было глупо предполагать, что у нее мало друзей. Стена больше удивило то, что коллег было действительно мало. Хозяйку вечера было трудно найти, а еще сложнее привлечь к себе ее внимание.

Сдавшись, наконец, парень стал изучать место. Его нельзя было назвать рестораном, скорее, ресторанчиком. Все было сделано в кремово– шоколадных тонах, заполненных золотыми и серебряными элементами. Дорого, но не броско, со вкусом. Услужливый персонал предлагал свои услуги и был готов помочь, ответить на вопросы или указать место посадки. В зале было много столиков на три– пять человек. Места

были закреплены за гостями, а Кира лично подбирала компанию каждому. Но была и барная стойка, куда приходили наиболее выпившие для добавки и компании из соратников.

Стол Стена был пуст, и сидеть в одиночестве не хотелось. Он отправился к бару. Не зря, надо признать. Коктейли в этом заведении были волшебны.

Попивая «Солнечную лагуну» с лимонным ликером и ромом(адская смесь, не забудьте разбавить соком), парень случайно подслушал разговор двух, видимо, супругов:

– Пожалуйста, не налегай сегодня на спиртное.

– Эти коктейли легче легкого, сама попробуй.

– Вот по этому и предупреждаю, не заметишь, как опьянеешь.

«И правда, с этой вкусняшкой нужно быть осторожнее» – подметил парень. Он вновь осмотрел толпу, медленно разбредавшуюся по залу. У самого входа стоял Коил. Они быстро друг друга заметили.

– И все–таки, в Системе есть смысл, просто они ее плохо используют! – отчаянно настаивал на своем Миони, допивая уже третий коктейль. Его непривыкший организм быстро пьянел, отчего парень вдруг получал какую-то необъяснимую уверенность в том, в чем он, зачастую, сомневался.

– Тише, не кричи. – Успокаивал его Рик, парень с работы, что тоже сидел за их столиком. Он, казалось, не воспринимал алкоголь напрочь и пил коктейли, как воду. По крайней мере, так было до пятого его напитка, потом все пошло

наперекосяк. Теперь два парня(хотя Рика следовало бы назвать мужчиной) беседовали, как говорится, по-душам, но, скорее, под градусом.

Стен же, был на удивление бодр. У него был большой опыт подобных вечеринок, и он точно чувствовал свой организм. Напиваться ему не хотелось, так что он был немного подшофе, так, для настроения.

Вечер медленно перетекал в ночь. Трезвенники уже разошлись, самые пьяные танцевали, а таких, как Стен можно было по пальцам пересчитать. Он, попрощавшись с Коилом и Риком, очень сдружившимися за сегодня, оказался на улице. У входа стояли люди, они были пьяны, в прочем, как и все в радиусе нескольких десятков метров.

– Эй, ты, парень. Помоги, пж.

Две девушки, еле стоявшие на ногах удерживали третью, которая это делать уже не могла.

– Чем я могу помочь?

– Докинь ее до дома, а. – Девушка покопалась в кармане и достала деньги. – На возьми, на такси. Просто мы сейчас с подругой еще погулять хотим. Ну а она никакая. Сам видишь, выручай.

Стен хотел что-то сказать, но в его руке уже лежал комочек бумажек а, сползая вниз, на него облакачивалась девушка. Ее подруги, уже чуть ли не убегая, прокричал напоследок:

– Ты ей понравился, веселой ночки.

Девушки засмеялись, а Стену стало как-то тошно, от осо-

знания. « А если бы я был маньяком, или убийцей!?» – подумал он.

Парень попытался привести девушку в чувства, но она лишь беспомощно всхлипывала и падала. Осмотревшись и поняв, что помощи можно не ждать и придется выкручиваться самому, Стен сел рядом с незнакомой, так чтобы она могла на него облокотиться, и, придерживая ее рукой, вызвал такси.

Еще несколько минут и десятков попыток узнать адрес, и машина такси появилась за поворотом, а вместе с ней и осознание, что адрес девушки узнать не удастся.

« Окей, выбора похоже нет ...» – осознал парень и добавил– « Надо было напиться» .

Стену повезло, девушка была маленькой, что облегчило его перевозку. Несколько раз она приходила в сознание, чтобы отключиться вновь. Ее несколько раз рвало, и она вечно ворочалась. Но что поделать, Стен был слишком добр, чтобы бросить ее.

Он затащил незнакомку в свое холостяцкое жилище и уложил ее на диван. Нужно было взять тазик и налить воды, да и еще в сон начало клонить. Как никак Стен все же пил.

Струя воды с шумом наполняла стакан, бессвязные стоны слышались из-за спины. Парень обернулся, ему было хорошо видно девушку отсюда.« А она симпатичная...» – подумал он,но тут же откинул эту мысль. « Нет, парень, это не ты, это алкоголь говорит»– заключил он, и поспешил закон-

читать со всем и лег спать, в конце концов, было уже около трех ночи.

Глава 2

Незнакомый потолок, странное одеяло, подушка. Девушка попыталась вскочить, но в животе кольнуло. Невольно скрученное тело застонало. В темноте девушка различила очертания стакана. Сразу захотелось пить. Рука потянулась к цели, глоток еще глоток, стакан опустел. А девушка, наконец, оглянулась.

Ее глаза округлялись все сильнее, она пыталась понять где находится, но это ничего не дало.

«Что вчера было?». Клубок памяти был слишком запутан.

Девушка встала. Она осмотрела себя: «я одета, это хорошо. Вроде все на месте». Она вдохнула и еще раз посмотрела по сторонам. Было темно, трудно ориентироваться. Еще и голова кружилась.

– Эй, есть тут кто?– почти прошептала она.

Пару шагов в пустоту. Девушка подошла к стене и нащупала выключатель.

Слишком светло! Что-то будто ударило по глазам. Еще несколько минут потребовалось им, чтобы привыкнуть.

Комната, не слишком большая, отделялась от кухни черной барной стойкой. Темно– коричневый ламинат, кремовый мягкий ковер за диваном цвета кофе с молоком. У того, кто

это сделал, был вкус. Обои с видом ночного города переходили в зеркальную поверхность окна во весь рост.

Девушка отскочила на мгновение, заметив свое корявое отражение. Но тут же стала подходить ближе, пытаясь привезти себя в порядок. Волосы, которые давно стоило подкрасить, были разбросаны по голове, это было больше похоже на последствия тайфуна, нежели сна. Синяки под глазами, нет, просто мешки из-под картошки, только фиолетовые. Одежда растрепанная.

Девушка подошла совсем близко и стала щупать свое опухшее лицо. Глаза размазались, образ стал больше походить на панду. Лоб коснулся стекла, теперь отражения не было видно, остался лишь вид города с высоты птичьего полета.

Свет был повсюду, но ничего нельзя было разобрать. Желтые и белые точки неслись с невероятной скоростью, а цветные мигали тут и там. Огни мерцали, простираясь так далеко, как только может видеть глаз. Будто они были живые, как муравьи, заполнявшим все пространство своего дома. Все летело и менялось так быстро и хаотично, но невероятно отточено и просто. Даже голова слегка закружилась.

Звук шагов и тусклый свет исходили из гостиной. Стен лениво натянул на себя штаны и пошел встречать гостью. Он замер на секунду, давая глазам привыкнуть к свету. Как только стало возможным он увидел это. Незнакомка стояла в полусогнутом состоянии, уткнувшись в стекло лицом, не

шевелясь. Стен немного посмотрел на эту картину, но, поняв, что меняться ничего не будет, разрушил ее:

–Привет.

Девушка отскочила от окна и уставилась на парня. Она по-прежнему была немного согнута и смотрела сверху вниз. Ее лохматые белые пряди волос небрежно были разбросаны голове, нарушая границы мягкого овала худого лица. Одна из них была прямо у ее пухленьких немного сухих губ, и закрывала часть ее больших напуганных глаз. Она уставилась на парня и, не шевелясь, выдавила:

– Здравствуйте.

Стен не мог сдержать смех. Девушка смотрела по сторонам, в попытке найти помощь. Она краснела, на глазах выступили слезы.

– Просто, просто это очень смешно... Я Стен!

– Джессика.

Девушка вытерла рукавом слезы и, поправив волосы, попыталась улыбнуться новому знакомому.

– Как же тебя так угаразило?

Парень поставил две чашки черного чая на барную стойку. Джессика была растеряна и смущена, но уже не плакала. Лучше, чем ничего. Она подвинула к себе напиток и стала водить по стеклянному ободку, слегка обжигая пальцы.

– Лимон?

– Нет, спасибо, не люблю кислое... Я просто забыться хо-

тела, девочки позвали, ну я и пошла. Я даже не знакома с Кирой, но они сказали, что ничего страшного.

– Такая молодая, а уже забыться...

Стен отхлебнул немного, но обжегся. Он вытащил язык, как делают маленькие дети, и, будто обидевшись, отодвинул чашку в сторону. Джессика усмехнулась.

– Да, просто парень бросил. Даже не он, Система не дала добро на брак.

Ее лицо стало серьезнее, она немного нахмурился, ее взгляд был направлен куда-то вниз, будто она задумалась. Девушка взяла чашку и сделала большой глоток.

– Черт, горячее! Язык обожгла.

– Система не приговор, можно жениться и без ее согласия.

– Ну, мой парень решил, что нельзя. Да и черт с ним! Три года на него убила...

– Все еще будет.

Стен положил локти на барную стойку, а голову – на руки. Снизу вверх он посмотрел в бездонные голубые глаза. В них было все: злость, грусть, страх, стеснение, боль и капля радости. Улыбка, больше из вежливости, и чтобы закрыться ею, когда смотрят в глаза. Вот что он увидел, и улыбнулся ей в ответ, тоже, чтобы спрятать все самое сокровенное, не дать заглянуть в душу.

– Я же вас еще не поблагодарила! Спасибо, если бы не вы...

– Давай, уже перейдем «ты». После вчерашней ночи мы

почти родные.

Девушка кокетливо улыбнулась и кивнула в знак согласия.

– Повезло тебе, что я не маньяк... Хорошо хоть себя чувствуешь, вчера до беспаменства напилась, а сейчас бодрячком.

– Да, есть такое. Организм молодой, крепкий, еще печень не убита, справляется...

– И все таки, это же сколько выпить надо было...

– Не знаю, не помню. Начала с виски с колой, потом девчонки уговорили на коктейль, потом еще один. Все подряд пила... Кто узнает, засмеет.

– Да, так мешать ...

– Нам же еще на первом курсе сказали, чуть ли не на первой лекции: « Главное– градус не понижать» . . .

– Это где такому учат?

– В меде.

Стен подвинул к себе чашку, он осторожно сделал глоток, еще один, и еще. Он опустошил чашку и поставил ее на столешницу.

– Я поеду, наверное...

– Точно, голова не болит?

– Немного, и шею ломит...

– Это из-за дивана, извини, не подумал.

– Да все в порядке, ты и так меня спас, не знаю, как благодарить.

– Путь к сердцу мужчины лежит через желудок...

Стен многозначительно посмотрел в окно за плечо Джессики.

– Намек понят,– усмехнулась девушка,– что тебе приготовить?

– Ты будешь мне готовить?! Я думал просто кафе, но так даже лучше.

– А, кафе...

– Нет уж, готовить так готовить.

Стен насмешливо посмотрел на девушку. Она надула щеки и, сморщив носик, демонстративно обиделась. Парень улыбнулся, но она продолжала свой спектакль. Тогда ему ничего не оставалось, кроме как ткнуть ее в нос, других вариантов просто не было.

Глава 3

Суббота, день собрания. Такое нельзя пропускать, вернее, можно, но Коил запретил себе это. Даже после пьянки, даже с головной болью, он должен был прийти.

И он шел. Его путь проходил через дворы, но грязи в них было меньше.

За те полтора месяца со вступления в партии, как и с её создания, все очень поменялось. Организация росла и развивалась. Стоило Коилу разобраться в подвальных лабиринтах, как ремонт в верхнем здании закончился, и пришлось переехать. Больше здание– больше людей может вместить. Организация росла, и парень оставил надежду хотя бы за-

помнить имена всех членов, не говоря уже об идеи познакомиться поближе.

Он вошел в главный вход, бросив грустный взгляд в сторону двери в подвал, теперь там был склад.

Жизнь кипела уже во всю, оно и понятно, суббота же.

– О, Коил! – словила его на лестнице, Кетрин. – Зайди потом в третью мастерскую, я набросала новых стихов, посмотришь?

– Да, конечно! Я сейчас только к Ридчарду зайду, он просил занести ему эскизы новых буклетов, и посмотрим твои стихи.

– Супер!

Девочка обняла парня и побежала вниз по лестнице, а Коил пошел вверх.

– Привет, Ридчард. О, Зак, ты тоже здесь?

– Да, Мистер Миони, но я уже ухожу.

Молодой парень вскочил в кресла и поспешил уйти.

– Это не обязательно, и мы на ты.

Но тот уже скрылся в коридоре.

– Вот, эскизы, как ты и просил.

Коил протянул Ридчарду флешку, которую только что достал из кармана.

– А что со стихами?

– Пока выбираем, вариантов много, осталось только утвердить.

– Опрос или так, по– старинке?

– У всех и так слишком много забот. Эта агитация, все ведь не просто так готовиться, зачем нам так много людей.

– И то верно, говорят, это только слухи, но сам понимаешь... Так вот, говорят, что скоро общий сбор будут делать.

– Посмотрим, посмотрим. Ладно, мне еще к Кетрин надо зайти.

– Да, конечно. Передавай ей привет.

– Лучше сам зайди, а то в одном здании работаете, а видите раз в год.– усмехнулся Коил, облакачиваясь о стену.

– Работа, работа, работа. И еще немного работы. Ладно, пока, что ли.

– Да, пока.

Коил помахал рукой и, оттолкнувшись от стены, пошатнулся, сохраняя равновесие. Став крепче, он еще раз повторил жест рукой и скрылся за дверью. Неловко это все как-то.

« Лестница, лестница, лестница. Либо ступенек слишком много, либо пора заняться спортом» – рассуждал парень, перебирая ногами.

– Запыхался весь, – усмехнулась Кетрин.

– Я значит сюда шел, из последних сил добирался, а ты... Эх, молодежь.

Коил демонстративно вздохнул, положила руку на сердце.

– Да, не то что Вы, в свои то 25, жизни навидались.

– Попрошу заметить 24. Я еще не на столько стар.

Парень плюхнулся в ярко– красное кресло– мешок. Эти предметы мебели в этом здании были всегда неподалеку от

творчества. Может, кто-то думал, что они притягивают вдохновение, но они притягивают только лень.

Кетрин прокатилась на стуле, оттолкнувшись от столешницы свободной рукой, и остановилась, точнее, врезалась в желтый пуфик.

– Я тут сделала несколько зарисовок. Просто, прямо, понятно, все как заказывали.

Девушка посмотрела на Коила, они помолчали мгновение, в ожидании чего-то.

– Ну... – протянул парень.

Кетрин вздрогнула, будто внезапно проснувшись.

– Да, прости.

Тонкие руки стали быстро переворачивать листки блокнота. Телефон завибрировал...

– О, это Стен. Привет.

– Привет. Не сильно отвлекаю?

– Нет, все в порядке.

– Хорошо, я просто хотел сказать, что меня не будет сегодня на собрании.

– Чего так?

– Потом расскажу. Если что важное, передашь? Хорошо.

– Да, без проблем.

– Ну все, пока.

Стен положил телефон на стол, он только что освободил себе вечер.

Глава 4

Как же быстро она ускользнула, эта незнакомка. Точнее, уже знакомая. Но, должок за ней еще был. А значит парень уже выбирал, что надеть на внезапно возникшие планы на вечер.

« Это же свидание, да? Значит что-то стильное. Но не слишком официальное, – накидывал варианты мозг. – А может это и не свидание. Она же из благодарности со мной идет. Вдруг я ей вообще не понравился. Тогда можно не заморачиваться. Хотя нет, нужно надеть что-то супер классное, чтобы она прямо влюбилась в меня...»

Какой-то бесконечный поток однообразных рассуждений метался вокруг образа девушки. Что сказать, как улыбнуться. Не обошлось и без повторения одного и того же идеального диалога, где она, конечно же, сражена великолепием и совершенством парня. Все это естественное безумие Стен периодически пытался отгонять, но, спустя мгновение, оно вновь главенствовало над всеми его тараканами.

“ Я что, влюбился?” – вдруг возникла едкая мысль в голове. Парень попытался выбросить ее, она казалась ему слишком бредовой. Это был совершенный абсурд.

Вечер, мигающие огни витрин. Город уже украсили разноцветными гирляндами. Осень еще не думала заканчиваться, только отгремел Хеллоуин, но все уже было готово к Новому году. Солнце привычно рано скрылось за горизонт, давая возможность всему вокруг сиять в полную силу. Люди

бежали все куда-то, сталкиваясь друг с другом, смешиваясь в череду толпы и исчезая в потоке города. Тут и там сигналили машины, неспособные проехать. Запах их едкого дыма смешивался с ароматами, исходившими из ларьков с хотдогами и жареными каштами, чей сладковатый привкус отдавался на языке при каждом вдохе.

Стен никуда не спешил, в этом безумии он мог легко отбросить все мысли и в полной мере насладиться безосновательным счастьем, исходившими, как ему казалось, отовсюду. Он замер, словив дымок, тянувшийся от жареного лакомства. Поток, ход которого притормозил Стен, вскоре стал обходить его. Лишь изредка самые нетерпеливые и не внимательные люди врезались в него. Кто-то улыбался, а кто-то молчал. Может, его и оскорбили даже, но, если бы так случилось, парень бы этого не заметил.

– Я буду зеленый чай с имбирем и медом, – голос девушки звучал мягко и нежно, дополняя ее вечерний образ. Белые волосы аккуратно уложенные в пучок, напоминающий восточные прически, даже классическая немного завитая тонкая прядь обрамляла ее лицо, на котором едва можно было разглядеть следы макияжа. В переливах света трудно было определить наверняка оттенки окружающих предметов, но глаза девушки будто светились. Глядя вниз, хотелось невольно прищуриться, как это бывает, когда смотришь в безоблачное небо, но оторваться от них было невозможно,

оставалось только тонуть в бездонной глубине.

– Может, добавить немного мяты?– улыбнулась юная официантка.

– Да, было бы неплохо.

– Что-нибудь из горячего? Может десерт?

– Да, если честно я не могу определиться... А ты что будешь, Стен.

Он немного оттаял от лицемерия девушки. Он промямлил что-то неразборчивое.

– Я буду чай.

– Какой?

– Черный.

Официанта быстро сообразила, что парня надо спасти из столь неловкого положения.

– Советую взять наш новогодний десерт « клюквенный тирамису с сахарным тросточками» .

– Я не люблю кислое, а ты ?

Стен пожал плечами, он потерял нить повествования уже очень давно, и лишился всякой надежды вновь ее поймать. Но на его жест Джессика усмехнулась, а значит не было ни малейшего повода грустить об этом.

– Тогда возьмите наш фирменный десерт « Канеле», это мягкий пропитанный ромом и сиропом бисквит, покрытый карамельной корочкой. Восхитительное лакомство. Можно также выбрать вкус сиропа и карамели, а можно взять с классическим сливочным вкусом.

– Вау, это прекрасно. А есть медовая карамель?

– Да, конечно. А что касается сиропа?

– Я не вижу в списке медового...

– Я спрошу у шеф-повора возможно ли сделать медовый сироп для Вас. Но, могу вас заверить, что классический глюкозный также очень вкусен.

– Ладно, спасибо

– А Вы ...

Когда официантка поспешила удалиться, повисла легкая пауза. В этом месте было необычайно тихо. За окном склонялись толпы людей, но стекло сдерживало каждый звук, стремящийся проникнуть внутрь. Легкая музыка наполняла помещение, обволакивая гостей невесомыми нитями джаза. Саксофон, нарушая слаженную идиллию, создавал нечто большее. Хаотичность мелодии была столь проста и естественна, что ей хотелось наслаждаться бесконечно. Этот неритмичный мотив успокоил Стена, придав ему недостающей уверенности.

– Значит, ты медик?

– Еще нет, я только учусь. Только в аспирантуру поступила. Здесь недалеко больница.

– Сложно, наверное, чужие жизни спасать.

– Не знаю, мне это нравится. Когда видишь, как человек поправляется, на душе будто легче становится.

– Я бы так не смог.

– Ну, вчера у тебя получилось, жизнь мне спасти... – Де-

вушка поправила прядь волос, заложив ее за ухо.— Не знаю, чтобы я делала, если бы не ты.

— Да ладно, забыли. Но за тобой должок.

Глава 5

— Да?.. Уже?... Ну я не знаю...— Голос Джессики невольно задрожал от какого-то волнения. Лицо ее металось от одной эмоции к другой, не решаясь выбрать подходящую. Она отложила телефон в сторону и отпила из чашки, лишь чтобы скрыть свое лицо. Девушка несколько раз открывала рот, но звуков из него не выходило, и Стену оставалось ловить ее детский взгляд, умоляющий понять всю сложность хитро-сплетений его еще не понявшего многообразия слов ума.

— Что-то случилось?

Джессика поперхнулась.

— Да так мелочи.

Она оглянулась— никто не смотрел на них. В это время здесь собиралось много парочек, среди которых эти двое ничем не выделялись. Ото всех столиков доносился полуслышный лепет, переливистый смех, каким обычно смеются, чтобы произвести впечатление. Джаз все еще заполнял пространство, заставляя всех и каждого здесь забыть о времени.

— Да ладно, расскажу. Тем более уже даже нужно. Так вот я....

— Твои родители точно не будут переживать?

Коил приоткрыл тяжелую металлическую дверь, пропуская вперед себя Кетрин.

– Нет, вряд ли они заметят мое отсутствие.

Она сделала несколько быстрых шагов. Темный коридор был практически не освещен, лишь крохотный, умирающий светильник в стене излучал мягкий жар. Из-за чего под ним уже были подтеки чего-то липкого, тихо сползающего со стены и стоящего планы побега.

– Нам на третий. Лифт или лестница?– эхом отлетел голос Коила.

– Лестница, в лифтах всегда накурено.

Взойдя на первую ступеньку, нельзя было не почувствовать стойкий запах гари. Жженая сера, казалось, дымит прямо под носом. Это тошнотворное ощущение дополнялось нотками дешевого пива и рвоты, вызванной тем же пивом. Шагая по темноте хотелось лишь не ощутить под ногой что-нибудь мягкое...

На третьем этаже свет уже был. Стало заметно легче дышать, то ли от привычки, то ли из-за едкой вишневой свежести, немного перебивавшей, но по большей части просто смешивающейся со всеми особенностями здешнего воздуха. Конечный продукт походил на двухнедельные носки, залитые дезодорантом.

Коридор был чистым и опрятным: ни бычков, ни пустых бутылок или использованной контрацепции, все цивильно,насколько это возможно.

– Твоя работа?– немного о смотрелась девушка, быстро потеряв интерес.

– Нет, спасибо соседке, она тут заведует. Я только не гажу. Коил направился к одной из двух почти одинаковых дверей. Ключ проскользил в замке. Характерный щелчок и дверь уже болезненно скрипнула, открываясь.

– Извини за беспорядок.

Под самым потолком вяло загорелась лампа. Яркий, но бледно– умирающий свет лег на белые стены, шкаф и пару опустелых полок для обуви. Несколько папок, небрежно брошенных когда-то на полупрозрачный комод, были небольшим, но все же доказательством жизни.

Кетрин сделала несколько неразборчивых шагов, она не тратила время на то, чтобы осмотреться. Казалось, она уже знала, как должен выглядеть этот дом. Уже трогала эти шершавые серовато– белые обои, уже видела пыльные пустынные цветы в псевдогреческих вазонах, сидела на жестком неподходящем по стилю, но очень симпатичном, разноцветном диване, прикрытом нелепым коричневым пледом . Все здесь было ей неведомо настолько, насколько и знакомо. Девушка даже была немного разочарована простотой загадки, но это тешило ее самолюбие.

– Вот так я и живу, – бросил парень, прерывая молчание.

Кетрин усмехнулась и плюхнулась на радужный диван, он оказался мягким...

– Что-нибудь будешь? – остановился в проходе Коил.

– Да, вино и обнимашки...

Девушка сползла со спинки и легла, запрокинув руки за голову. Парень лишь усмехнулся.

– Могу предложить чай и бутерброды.

Девушка легко толкнула рукой воздух, делая странный жест. Все ее движения были намеренно ненормальны и как-то по-детски глупы и притягательны в своей бессмысленности. Она вскочила на диван и тут же спрыгнула, толкнувшись двумя ногами и махая руками, как крыльями. Используя конечности словно пропеллер, девочка подбежала к Коилу и, тыкнув его в нос, избыточно важно произнесла:

– Так почему же мы все еще здесь, а не на кухне!

Сделав это она пробежала мимо парня, заставляя его ускориться.

Небольшую комнату наполнял тихий свист электрического чайника, стук ножа о деревянную доску и легкое, едва заметное жужжание серебристого тостера, испускавшего нежный аромат подсуженного горячего хлеба. Лезвие ножа скользило и тонуло в топи мягкого сыра, прилипавшего к металлу и оставлявшего тонкий пластилиновый след. Волосы Кетрин хаотично лежали на столе, она вила из них темные завитки, настукивая ногой странный неуловимый ритм.

– Какой джем ты больше хочешь? Вишневый или клубничный?

Кетрин оторвалась от своего занятия и, не поднимая голову, устремила свой необычного тяжелый взгляд на парня.

Она хотела улыбнуться, но получилось как-то фальшиво и неуместно.

Коил немного растерялся, смотря прямо в глаза, а потом достал обе банки из холодильника. Он молча поставил перед Кетрин чашку горячего чая. Сперва ей в нос ударил сильный сладковато– терпкий запах, а после все ее лицо объял горячий пар.

– Рассказывай, что случилось.

– А, ты о чем? Ничего... зашибись,—наигранно улыбнулась девушка.

– Ты весь день сама не своя. То говоришь без умолку, то вдруг молчишь. Домой ко мне напросилась, сидишь тут как в воду опущенная. Выкладывай.

– Кто я по твоему? – парень уже хотел что-то ответить, но Кетрин продолжила.— Знаешь, этот вишневый джем. Он весь такой сладкий и сахарный. Его едят, его любят. А потом говорят, что любят вишню, они верят даже, что любят ее. Но знаешь, вишня ведь не такая, как этот джем. Она кислая и немного горькая, с большой косточкой, которая мешает есть. И люди разочаровываются, когда это узнают, когда пробуют вишню. Какое-то время они ее не любят, но потом джем снова заставляет всех поверить, что вишня сладкая и вкусная. А никто и не против обмануться и продолжить любить свою, выдуманную вишню, которая на самом деле джем. Так вот я, та самая настоящая вишня, кислоту и горькость которой проще игнорировать, нежели принять. Я просто вишня, но

все хотят, чтобы я была джемом...

Кетрин уткнулась лицом в чашку и замолчала. Коил не знал, что сказать, поэтому тоже молчал. Он надкусил хрустящий тост со сладким вишневым джемом, самым кислым из всех, что он пробовал.

– То есть не расскажешь?

Девушка покачала головой, двигая в такт чашку, и пожала плечами.

– А надо?

– Не знаю... Вдруг, я смогу тебе помочь .

– Ты что, вообще меня не слушал? Для кого я тут про вишню распиналась? – девушка положила голову на стол и из-под лобья глянула на Коила. – Обнимешь меня?

Долгий разговор о высоком и не о чем, простой и бесконечный в своей запутанности. Он наполнил вечер своим присутствием. Коил и Кетрин составили стулья, накрыли их покрывалом и накидали внутрь подушки и одеяла. Вышел маленький уютный домик, насквозь пронизавшийся ароматным паром зеленого чая. Разговор иногда замолкал, чтобы можно было насладиться лучшими моментами легкого джаза, включенного для атмосферы. Вечер перешел в ночь, ночь в вечность невероятного спокойствия рядом.

Коил уснул. Кетрин лежала на его груди, боясь пошевелиться и разбудить его. Она вглядывалась в темноту, можно было разглядеть лишь смутный силуэт лица. Ей хотелось бы, чтобы эта ночь не кончалась, чтобы вечно можно было насла-

ждатьсь легким джазом, тихим дыханием и биением сердца, чтобы чья— то теплая рука всегда обнимала ее. Но это было невозможно, и все, что ей оставалось, уснуть, стараясь поверить в обратное.

Глава 6

Легкое утро звенело под ногами осколками льда от вчерашних луж. Неимоверно странно для этого теплого по своей природе города. Но тогда даже горячий дым машин не согревал улицы, он, казалось, сам время от времени застывал в воздухе, от чего пространство становилось колючим. В носу немного пощипывало, а глаза слезились.

Кетрин тихо шла по тротуару. Немногочисленные люди терялись в потоке ее мыслей. Иногда она прекращала рассуждения и смотрела по сторонам, замедляясь еще больше. Девушка с удивлением замечала, что никто не обращает на нее ни малейшего внимания. Тогда она представляла себя призраком и слонялась по улице, держа эту идею в голове. Так продолжалось пока кто-нибудь не разрушал иллюзию своим произвольно брошенным взглядом или случайным столкновением. Но спустя пару минут все забывалось, и, если поток мыслей не успевал подхватить взбудораженное сознание, игра начиналась вновь.

Так улица за улицей Кетрин оказалась у своего дома и достала ключ, чтобы открыть тяжелую входную дверь, но рука замерла у самой скважины. Девушка оглянулась, перевела взгляд на свое отражение в грязном маленьком стекле, зажа-

том в металле. Лишь капли коричневой земляной грязи стекали по ненужному окну в двери. Кетрин сглотнула слюну и заставила руку подчиниться.

Несколько ступенек, лифт, коридор, дверь в квартиру. Просто вставить ключ в замок и повернуть ручку. Но что-то отталкивало девушку, тянуло вернуться назад, куда угодно, но не в эту квартиру.

Дверь открылась.

Большая комната была залита тусклыми потоками света из широких окон. Стойкий запах хвои и имбиря наполнял загустевший влажный воздух, вибрирующий от звуков телевизора. На диване, поджав ноги под себя, сидела женщина в кремовом махровом халате и с полотенцем в тон на голове. Все лицо ее было покрыто тонким слоем чего-то вязкого и белого, похожего на неумело нанесенный крем для торта. Глаза были обращены к телевизору.

Кетрин бросила на нее беглый взгляд и поспешила в свою комнату.

– Ничего не хочешь рассказать, – остановил голос. – Почему ты не была сегодня на курсах?

Строгий взгляд из-под особенно черных на белом фоне бровей пронзил Кетрин.

– Я не хочу туда ходить.

– Кетриенна, это для твоего же блага. Ты не сможешь быть хорошим инженером–технологом, если не будешь прилагать усилия.

– Я не...

– Не перебивай меня. Я не закончила. – констатировал монотонный голос.– Мы много раз это проходили. Твое поведение – верх безответственности. Ты не только не думаешь о своем будущем, так еще и у меня из-за этого неудобства.

– Какие например?

– Ты думаешь, я не переживаю, думаешь, мне все равно. Сегодня я спокойно сижу на маникюре, как вдруг у меня звенит телефон и мне сообщают, что тебя нет на занятии. У тебя телефон не доступен. Райчел уехал в Стрейбург по работе и с утра тебя тоже не видел. Даже твоему другу, как его, Грегу позвонила. Этот старик, с которым ты водишься– это вообще отдельный разговор. Но об этом потом. Я прихожу домой, тебя нет. Где ты шляешься непонятно. А сейчас ты за являешься как ни в чем не бывало? Сколько седых волос у меня должно быть, чтобы ты наконец то стала адекватным человеком?

– Боюсь у тебя столько нет, – полушепотом буркнула Кетрин.

Женщина спустила ноги на пол. Ее худая рука тонкими-сухими пальцами обхватила переносицу, зажав ее между розовыми ногтями так, чтобы не касаться белой субстанции. После тяжело вздоха она заговорила:

– Ты доведешь меня до белого каления. Ну сколько, сколько это будет продолжаться,– женщина всхлипнула, ее губы задрожали.– Я же все для тебя делаю. Курсы, вот тебе курсы.

Может в школу хорошую? Или одежду красивую? Но нет, ты же слишком гордая. И без салона красоты свои лохмы любить будешь, в оборванном ходить, есть что попало. Это ведь мне на зло. Что я тебе сделала то? Глаза закрываю на твоих друзей— идиотов.

Глаза Кетрин налились злостью, лицо становилось красным.

— Еще Система. Ну чего ты так. За тебя работу выбрали, одежду выбрали, еду порекомендовали, все сделали. Живи не хочу! Веками она работала, но ты не согласна.

— Система— просто сборище идиотских устаревших формул, которую постоянно корректируют и меняют, как удобно правительству.

— Зачем ты так? В парламенте находятся умнейшие люди, они не станут нам врать.

— Откуда ты знаешь? Кто их выбрал? Ты, я? Нет, Система! Это все эта долбанная система, висящая на соплях. Если бы они признали ее неверность, то оказались бы нелегитимны. Поэтому они никогда этого не скажут, будут отрицать очевидные ошибки бесконечно.

Кетрин уже заходила от собственной злости.

— Зачем ты несешь эту акколесицу? Сама слышишь, что говоришь? Система— единственное, на чем держится мир. Ты радоваться должна, что не родилась ванархических островах.

— Демократических! И не островах, а странах! И люди там

живут без всякой Системы и неплохо справляются!

На этих словах Кетрин сбежала, дверь в ее комнату захлопнулась с оглушительным грохотом за спиной. Все злость перешла в какую-то странную горечь, застывшую в ее горле. « Кажется, я слишком много плачу», – подумала девушка.

Глава 7

Скука нещадно поглощала день. Коил сидел на стуле, перевернув его так, чтобы можно было облокотиться грудью о спинку. Руки болтались где-то внизу, покалывая время от времени. Его взгляд устремлялся к шипевшим на плите колбаскам. Запах жареного мяса и масла наполнял комнату. Жир трещал и взрывался в такт пронзительному тиканью часов. Было два дня.

– Черт! – вдруг подскочил парень. Он еще вчера должен был позвонить Стену и рассказать о прошедшем собрании.

С минуту он ходил по комнате, придумывая извинение получше. Пока наконец не решил набрать номер.

Гудки шли. Долгие, почти бесконечные. Никто не поднял. Еще раз, снова гудки.

– Алло... – потянул голос .

– Привет, Стен... – уже начал извиняться Коил, но вдруг прервался. – Стоп! Ты что спишь?

– Да, – еле слышно бубнил голос.

– Уже два часа дня. Ты в курсе?

– И что?

Легкий запах гари резанул в носу. Коил понял в чем дело. Он повернул голову и встретился взглядом с чернеющими на сковороде колбасками.

– Черт. Ладно. Я перезвоню, или ты мне. Все пока, – затараторил парень и бросил трубку не дождавшись ответа.

Коил морщился: он никогда не любил мыть посуду, а, тем более, отирать пригорелый жир от сковороды. Он знал, что делать этого не умеет, ибо у него это не получалось. Хотя, по этой логике не умеет никто. Парень лишь прилагал больше усилий, но тщетно. Как на зло, было очень холодно и воняло гарью. Причем открытые окна должны были помочь справиться с запахом, но этого не произошло, еще и с улицы чем-то пованивало.

Телефон зазвонил. Коил выругался про себя, ступая на лужу мыльной воды– побочный продукт при мытье посуды. Именно по этому он обычно использовал посудомойку.

Парень вытер руки полотенцем и, не с первого раза, ответил на звонок.

– Алло?

– Привет. Ты что-то хотел?– голос Стена был чуть бодрее.

– А да, – Коил откинул с сторону полотенце.– Вчера собрание было...

– Ты про то, что начинается агитация?

Коил остановился на секунду.

– А ты откуда знаешь? Или тебе уже кто-то говорил?

Коил захлопнул окно: он уж слишком сильно замерз.

– Из нашего отдела никого, но...– Стен приостановил свою речь, собираясь с мыслями.– В общем, я познакомился с одной очень интересной особой. И она из нашей партии. Ты бы ее видел Коил, она ангел. Блондинка с голубыми глазами, а фигура– загляденье...

– Ну и, как она?

Стен этого не услышал.

Коил сел на диван и откинулся на спинку, готовясь к долгому рассказу.

– Я вчера с ней весь вечер болтал. Обо всем, она такая умная, но не зануда. Я, кажется, влюбился.

– Как в Лизи?!– ехидно подметил Коил.

Стен немного оскорбился.

– Нет, Лизи – это так, красotka не более. А с Джессикой все серьезно.

– Уже? Ты же с ней только познакомился?

– Идиот. Ты о чем вообще думаешь?! Она не из таких.

– Ну да, а ночью вы чем занимались, разговаривали?

– Не поверишь, да! И гуляли по городу,– Стен поставил на барную стойку кружку кофе. – И вообще, чего ты мне раньше не позвонил.

Стен немного напрягся, в ответ было лишь тяжелое дыхание. Он немного отпил .

– Да мы с Кетрин...

Громкий хохот перебил робкий полусшепот Коила. Стен чуть не поперхнулся.

– С Кетрин значит, а Джессике между прочим хотя бы за двадцать, – чуть не расплескал кофе парень.

– Мы с ей просто друзья и вообще...

– Она не из таких, да? – Стен глубоко вдохнул и проглотил слюну. – Коил, я серьезно, она еще ребенок.

– Да ничего не было. Мы просто разговаривали.

Стен поперхнулся смехом, но сдержал себя.

– Даже если так. Тебе я верю, но она... Она– шестнадцатилетняя девочка, просто подросток. Ты ей явно не подружка. Да и на отца не тянешь, с этой ролью и Грег справляется. Я не утверждаю, но прими к сведению..

– Да, я понимаю, Стен. Все понимаю, но я ей нужен. Не знаю, как брат, как мама. Ей кто-то нужен.

– Почему ты?

– А кто?

– Да кто угодно! Это не ты ей нужен, это она тебе нужна. А может вы друг другу нужны... Я запутался уже, разбирайтесь сами.

Стен почти бросил телефон на стол. Он хотел отпить, но остановился. Его взгляд уловил круглый водянистый отпечаток на белой каменной поверхности. Парень стер рукавом развод и сделал большой глоток.

Глава 8

Легкий мороз раздражал кожу, губы безудержно сохли, шелушились и лопались где попало. Маленькие раны были

не слишком болезненны, но доставляли массу неудобств. Да и насморк уже перешел в стадию хронического. Сопли, кровавые подтеки, раздраженная кожа, слякоть и гололедица – вот все, что преследовало Рена в те ноябрьские дни.

Он уверенно шел по железной дороге, твердо ступая на скользкую щебенку. Она хрустела раздражающим скрипом под его ногами. А стоило наступить на край склизкой обледенелой шпалы, как тут же потеря равновесия выбивала парня из колеи.

Путь был не долгим, но тягучим. Поздний туман, не способный достигнуть городских улиц, здесь становился необычайно густым, он стилился и волочился белыми клубами по земле, закручиваясь в молочные вихри и заслоняя собой все, будто полупрозрачным листом бумаги. Последние капли солнца, пробивавшиеся слабым свечением сквозь серые тучи от неба до земли, ускользали быстро и незаметно. Из-за влажности становилось трудно дышать, казалось, что воздух можно резать ножом. Каждый мучительный вдох заставлял грудную клетку болезненно вздыматься. Запах металла и грязной воды раздражал нос, и так уже фарфоровый от мороза. А порывы ветра вырывали остатки кислорода, от чего начинала кружиться голова. А Рен все шел.

Очень скоро в пепельной дымке стали различимы темные очертания чего-то большого. Депо, где раньше оставляли много грузовых поездов теперь превратилось в пустынное полузабытое пространство. Хотя здесь порой еще появ-

лялись редкие составы. Эта сеть из туннелей теперь была излюбленным местом всякого рода шпаны.

Рен подошел к небольшому туннелю. Даже через пелену ночного тумана можно было разглядеть чёрно-красные рисунки и надписи, заполнявшим все бетонное пространство, здесь было все: отматных слов и членов, до трудоемких граффити. Легкое чувство ностальгии ударило в голову парня: когда-то и он оставлял здесь свои автографы.

По мере приближения все заметнее становился оранжевый свет из темной глубины. Туман рассеивался а вскоре остался где-то позади, не способный забраться под изрисованную крышу. Теперь уже слышны были громкие разговоры людей. Слова разлетались по туннелю, разбивались о стены и рассыпались в эхо, заполняя все пространство.

Громкий скрип камней под тяжелыми ботинками вдруг остался единственным, что заполняло местный ледяной воздух, отдававший привкусом гари.

– Эй, а вот и Рен!– вдруг крикнул один из толпы. Все вокруг вдруг завопили:

– Привет!

– Мы уже замерли!

– Как делишки, гай?

Каждый считал своим долгом что-то сказать.

Группа, скорее, кучка состояла из четырех человек. Тот, что поприветствовал Рена первым был высоким худым парнем в черной измазанной краской кожанной куртке, которая

плотно облегал его сухое крепкое тело. Длинные волосы были собраны в пучок, и больше походили на дреды. Даже едкий дым, наполнивший все вокруг, не мог перебить стойкий запах сигарет, исходивший от него. Рен ударил по жилистому кулаку этого парня.

– Привет, Лари! Я смотрю, вся банда в сборе!

– Конечно, такое событие нельзя пропускать, – промурлыкала девушка.

У нее были короткие черные волосы, открывавшие тонкую шею и слегка оттопыренные уши. Большая куртка странно висела на ее худой фигуре, заставляя тонкие ноги выглядеть еще тоньше в очень узких джинсах. Она, казалось, не в силах стоять, повисла на невысоком, особенно на фоне Лари, парне. Но выглядел он значительно крепче из-за широких плеч и заметной даже через теплую одежду, развитой мускулатуре. К тому же его ярко– красные глаза придавали ему еще большего веса.

– Салли, Генри, давно не виделись! Новые линзы? Очень стильно. А где же Анет? – Покрутил головой Рен, наигранно ничего не видя.

За бочкой с огнем, прямо напротив парня, стояла девочка лет 12 с разбросанными в стороны рыжими волосами. Блики от огня, падая на ее голову, создавали нечто походившее на пожар. Из-под расстегнутой куртки виднелась объемная толстовка с очевидно набитым корманом в центре.

– Совсем поплохело от правильной жизни, гай? – надменно бросила девочка и протянула Рену кулак, держа его над огнем.

– Еще бы, уже на грани.

Парень усмехнулся и ответил на жест, успев немного обжечься.

Ноги немного ныли после утомительной дороги, но сесть тут можно было разве что на кусок картона. Не лучшая идея в такую погоду. Рен грел свои заледенелые руки над бочкой с мусорным костром. Гадкий черный дым очень скоро стал приятен и вовсе неразличим. Вокруг этой спасительно теплой ржавой развалины собралась вся компания, но пустое пространство туннеля заполняли лишь звуки трескающихся углей и хлопающих искр. Взгляды каждого были прикованы к огню, все молчали, но эту трещину нельзя было назвать неловкой. Она походила на молчание влюбленной пары в звездную ночь, когда слова – это лишнее, ненужное.

– Мой папа, – вдруг начала Салли, – сказал мне не связываться с вами, – она тихо засмеялась.

– Твой батя просто иди...

– Ан! – надавил Ларри. – Когда у тебя будут такие же связи, тогда и поговоришь.

– У меня плохие новости, гай, ты превращаешься в старпера! А связей у меня может и побольше будет...

– И то верно, прямо как папочка замечания делаешь.

Сказав это, Салли протянула руку и хотела тыкнуть в нос

парню, но тот отклонился.

– Ничего не папочка. Че вы меня троллите? А тебя вообще сдам.

Ларри демонстративно наступил брови и покачал пальцем перед Анет. Потом показательно дёрнул своим сероватым хвостом и отвернул голову.

Маленькая девочка разразилась громким смехом, разлетевшимся всюду эхом. Он был таким странным и заразительно неправильным, что вскоре смеялись уже все, но, видимо, мало кто понимал, почему.

Глава 9

Ночь вступила в свои права. Темнота, зажатая между железными контейнерами– складами, смешивалась с запахом сырой земли и металла. Дневной мороз отступил, а ветер редко, но все же закручивал воздух в спирали, превращая его в звуковые волны. Под ногами мягко шлепала рыхлая полугрязь, бились о подошву редкие камешки. Все уже молчали. Мало кто из группы был готов к долгим ночным прогулкам.

Они шли по узким проходам, избегая широких обкатанных дорог: там могли быть рабочие или даже прохожие, хулиганы и собачники из близлежащих домов, решившие, что бродить ночью по складам– хорошая идея.

Контейнеры накладывались один на другой, каждый не меньше двух с половиной метров в высоту и шести в длину. Не лучшее место для клаустрофобов. Даже на широких

проходах, предназначенных для проезда машин и грузовой техники, стены из ящиков давили. Что уж говорить о местах, где едва можно было развернуться.

Монотонный звук шагов иногда прерывался внезапным шорохом или звоном столкнувшихся деталей. Все замирали и вглядывалась в силуэты подъемных кранов, ожидая чего-то. Когда ничего не происходило, они шли дальше. Первое время Рен, который был здесь впервые, вздрагивал и от звука поездов, проходивших неподалеку. Железная дорога была в паре шагов и предназначалась для грузовых локомотивов. Они привозили и увозили отсюда грузы, заставляя склад существовать.

Но живыми можно было назвать лишь половину хранилищ. Многие из контейнеров были брошены и забыты. Их вывозом никто не занимался, и они гнили под натиском времени.

Анет шагала впереди, подгоняя остальных. Ее нелепый силуэт качался в прыгучей походке, ноги, тонущие в широких джинсах, сами не могли понять, с каким ритмом следует ступать и какой длины должен быть шаг. Она петляла и много оглядывалась.

– Долго еще? – жалобно потянула Салли.

– Почти пришли!

Девочка указала на большой ангар, внушительно возвышавшийся над землёй.

– Может тебя понести? – Тихо спросил Генри.

Он не дождался ответа. Салли вскрикнула, когда парень подхватил ее тонкое тело и легко поднял, положив на плечо.

– Тише! – раздраженно процедил Ларри.

Так они шли еще некоторое время, пока не оказались у огромной двери, которая вблизи, казалось, простиралась до самого неба.

Рен постучал по металлу и тут же отскочил, в ночной тишине разлетелся оглушающий грубый звон.

– Нам сюда?– указал он на железную стену.

Анет покачала головой.

– Нет, гай, но мы близко, – процедила она шепотом.

Девочка, а за ней и все остальные, двинулась в левую сторону мимо двери, возвращаясь в лабиринт из ящиков.

Еще пару поворотов, и они остановились в нескольких шагах от проржавелого контейнера. Анет показала рукой, чтобы все оставались на месте, и подкралась поближе. Все последовали за ней.

Обреченно вздохнув, она беззвучно выругалась в воздух и жестом приказала быть тише. Сыпучая дверь ящика издала жалобный скрип под натиском тонких рук девочки.

Из темноты выскользнул стойкий запах пота, мочи, сигаретного перегара и еще чего-то, чему Рен не смог дать должного описания. Сквозь густоту пространства доносились едва различимые шорохи.

Под лучом яркого фонаря, корчась, как загнанная в угол крыса, жалось нечто, что едва можно было назвать челове-

ком. Бегающие пустые глаза щурились от света и жадно пытались распознать того, кто перед ним. Тонкое тело билось в странной конвульсии, не понимая, что делать. Оно было одето в грязную, пропахшую всем, чем только можно, одежду. Куртка, джинсы и гнилые ботинки, все грязное и порванное.

Лохматые жирные космы, длину которых нельзя было определить, переходили в то ли бороду, то ли щетину. Отдельные места были короче других— неудачные попытки побриться. Даже брови будто отрасли и были лохматы. Их чернота выделялась на фоне остальных волос, словно присыпанных мукой и пеплом.

Все это в сочетании с острыми скулами и жилистыми руками, придавало существу бомжеподобный вид.

– Ну привет, Пит, – отрывисто простучала Анет и вошла внутрь.

Пит отшатнулся и скрючился на обжитом клопами матрасе. Его дергало и трясло, он постоянно кусал потрескавшиеся бескровные губы. Он напоминал старика, хотя ему было слегка за двадцать. Его старил то ли образ бомжа, то ли стаж наркомана— героинщика.

Анет села перед ним на корточки. Пит бегал глазами по незнакомцам, зашедшим следом. « Копы?! Или её дружки. Они убьют меня..» – дрожал парень, переминая воздух костлявыми руками.

Девочка кивнула головой в сторону своих спутников.

– Не парься,гай, они свои.

Все замерли и уставились на Пита. Рен с интересом, Ларри с презрением, Салли со страхом и брезгливостью. Генри в своих тяжелых красных глазах сочитал все это и добавлял недоверие.

Только взгляд Анет был спокойным и немного грустным, а может просто уставшим. Девочка потерла лицо рукой.

– Гай, я к тебе по делу.

– Б– б– б– начало заикаться существо, пятясь назад. Хотя оно уже было вжато в ржавую стену.

– Не, я не от босса .

Пит глухо выдохнул и немного осел.

– Слышь, гай, мне нужны Орканы. Место, где они отшиваются, где их найти?

Рен застыл, не веря своим ушам. Орканы до этого момента были легендой. Группировка вандалов – граффитистов славилась своими работами и неуловимостью. Они рисовали даже там, где была строжайшая охрана, на любой высоте, под камерами наблюдения и на оживленных улицах. И никому никогда не удавалось ни то что задержать, хотя бы увидеть их вживую. Темные силуэты на камерах, заспанные охранники и яркие картины – вот все, что оставалось после их ухода, только никто не знал, когда они приходили. Поговаривали, что это призраки или инопланетяне, или что их вообще не существует, а это лишь городская легенда. Но сейчас Рен был как-то никогда близок к ним.

– Нахрена? – пискляво резанул голос.

– Есть для них работа.

Впалые глаза Пита бегали по едва различимым с темноте силуэтам.

– Я им больше не поставляю.

– Гай, меня это не ебет, – монотонно продолжала Анет. – Тебе нужна доза, мне нужна инфа, все честно.

Ларри уже хотел что-то сказать, но сдержался. Его выбешивало, что Анет была крепко вплетена в теневую структуру преступного мира, в низшие его слои, в самую грязь и черноту. Но изменить этого он не мог, как и не мог это принять.

Рука Анет скользнула в карман.

Девочка отскочила, едва успев понять, что произошло. Пит кинулся вперед на кулеkv хрупкой руке, как собака на кость. Застыв, словно под гипнозом, он продолжал дрожать, но его взгляд был захвачен жалким свертком пожелтевшей бумаги. Парень проглотил слюну и с придыханием выдавил: –Я все скажу.

Глава 10

Наступило то странное время, когда один уже пробуждается ото сна, а другой только планирует лечь. Ни того ни другого не смущает при этом кромешная тьма улицы.

Все стихли, только легкий треск шагов разбивал тишину ледяного воздуха, поглотившего мир. Легкие перепалки замерли в густом пространстве, будто наполненным битым стеклом. Им на смену пришло неловкое молчание, которое

скоро стало просто усталым и необходимым.

Рена переполняло необъяснимое возбуждение. Он только что узнал место обитания Орканов. Хоть парень и предпочитал думать о них как о коллегах, все его тело переполняло восторг. Правда, он не находил отклика в лицах своих друзей, они были хмурыми, усталыми, а Ларри и вовсе выглядел необычайно злым. Поэтому Рен тоже приопустил брови, придавая лицу строгий вид, и погрузился в свои мысли, скакавшие от вопросов о смысле жизни, до рассуждения о жевательной резинке и ее вкусах. Последнее было особенно занимательно.

Ларри твердо ступал, вдавливая мокрые, когда-то белые кроссовки в сырую землю. Его тонкие губы вздрагивали, будто начиная разговор, но тишина была непоколебима, и парень в очередной раз глотал грубый промерзший воздух, выпуская изо рта сероватую дымку. Он уже устал злиться, но раздражение все еще трепало его разум. Он все думал и думал, безуспешно, но очень старательно.

Лабиринт на этот раз показался безмерно коротким и закончился, не успев начаться. Друзья разделились и растворились в переплетениях железнодорожных путей.

Анет полусонными шагами петляла из стороны в сторону. Большую часть времени она смотрела под ноги, пару раз и вовсе закрывала глаза. Хоть она и верила в свою почти безграничную энергию, ее детский организм был вымотан. Боль растекалась по телу, особенно ныла шея. Попытки ее раз-

мять делали все еще хуже.

Анет поглядывала на Ларри, почти крадущегося сзади. Он не поднимал головы и что-то старательно бубнил, периодически хлюпая носом и пиная все, что попадалось под ногу. Навык, которого ильное хватало большинству футболистов. Парень точно хотел поговорить, но не делал этого, по какой-то причине. Анет четко понимала о чем и глубоко внутри была этим раздражена, но усталость была сильнее. Анет ненавидела, когда в ее жизнь лезли, а Ларри делал это как-то особенно навязчиво и прямолинейно, хотя сам этого, по видимому, не осознавал.

Двое подошли к резной двери подъезда, тяжелой от собственных узоров. На ней не было замка или домофона, только обветшалая вывеска гласила: « библиотека на 5 этаже » . Само здание было старым, но ухоженным то ли из-за библиотеки, то ли по простой удаче. В коридоре пахло бетонной пылью, чистящим средством и жареной курицей. Странный запах заглушался холодом, проникавшим сквозь бетонные плиты. Даже зимой здесь бывало холоднее, чем на улице.

Они шли, ступенька за ступенькой, твердая поступь Ларри эхом разносилась по подъезду, заставляя тонкие перила дрожать. Лифта здесь не было, может, не хватило денег при постройке или же дом строился еще до изобретения этого чуда устройства. . . . Второй вариант Анет нравился особенно, вероятно, из-за его бредовости.

Девочка петляла, преодолевая по две ступеньки за раз. Ее тонкие ноги странно сгибались и разгибались без какого-либо ритма, не в такт ничему.

На четвертом этаже Ларри остановился. Вышло так, что Анет оказалась чуть выше него, сделав несколько шагов по ступенькам вверх.

– Предкисвалили на пару дней, может у меня побудешь?

Густые выпуклые брови Ларри перекрывали его немного уставшие полузакрытые глаза. Хвостик растрепался, несколько тонких дредов неаккуратно свисали по краям лица. Он потер широкий, будто слегка приплюснутый нос, и тонкие губы сложились в странно неправильную, натянутую улыбку.

Анет бросила на него короткий взгляд и быстро задергала головой.

– Нет, гай, не хочется че-т.

– Ну лан, если что, заходи.

– Ок.

Кривые ноги простучали по лестнице.

На пятом этаже подъезд переставал быть похожим на себя, вместо двух квартирных дверей, была одна большая, изрядно проржавевшая, много раз перекрашенная и от того слегка облезлая.

Весь пятый этаж дома был занят старой библиотекой, тем не менее довольно популярной в районе, скорее всего из-за отсутствия иных. В прочем новые книги появлялись редко

и из-за поправок в учебной программе или пожертвований, которые зачастую делались старыми книгами.

Анет подошла к небольшому окну напротив двери, ловко забралась по проходящей рядом трубе вверх и полезла через форточку, минуя каменный подоконник. Ее тонкое тело легко прошло через щель и оказалось на высоте пяти этажей над землёй. Девочка даже не взглянула вниз, а ловко перелезла с холодного стального подоконника на пожарную лестницу. Металл был холодным в преддверии зимы, скоро такие трюки станут не возможными.

Жилистые грязные руки до боли вцепились в шершавый металл, оставляя небольшие царапины. Спустя мгновение Анет уже была на чердаке.

Сюда легко можно было проникнуть через окно, как эта сделала девочка, или через люки— дверцы внутри дома, к которым вели насквозь проржавелые лестницы. Замков на них не было уже больше трех лет. Их срезали еще до того, как это местечко облюбовала Анет.

Ничего интересного, кроме старых забытых там книг и вещей на чердаке не было. По крайней мере так все думали.

Анет сделала шаг внутрь. Низкий потолок из-за деревянных балок недоделанного отопления нисколько не помешал ей. Она даже не согнулась.

Пол был мягким от звукоизоляционных слоев, поверх которых никто не решился что-то делать. Он беззвучно прогибался под стопами девочки. Она сделала несколько шагов и

оказалась перед своим жилищем.

На картоне, покрывавшем зыбкий пол, неровными складками лежали старые, сыпучие покрывала. Перьевые подушки, потрепанные временем, были свалены в кучу. Рядом с воображаемой лежанкой стоял небольшой ящик, на нем фонарь и книга, в мягком переплете, с торчащей бесформенной, но чистой закладкой.

Еще один фонарь висел на веревке под самым потолком, Анет его включила. В колонне света забегали пылинки, они метались из стороны в сторону, разбуженные яркостью сухого воздуха.

Целлофановые пакеты, набитые найденными или краденными вещами, подпирали пологие стены. В них было все, что Анет смогла протащить. У жизни на чердаке были свои минусы, принести сюда матрас или кресло— для маленькой девочки непосильная задача. Даже эти немногочисленные пожитки проникали сюда с большим трудом.

Но Анет и не думала уходить. Нет, ей было, куда. В ее распоряжении весь Глемпт или даже больше, подвалы почище, убежища потеплее и добрая, на сколько это возможно в диком мире, компания. Все это она могла найти или даже уже находила, но променяла на этот маленький закуток над старой библиотекой. В этом и была разгадка.

Девочке села на покрывало, облокотившись на гору из подушек, немного помялась там и взяла книгу : « Крысиный король» . Пыль, накопленная за день, слетела и зависла в непо-

движном воздухе.

Анет открыла ее, немного повернула, давая свету упасть на сухие листы и начала читать. Слова за словом, медленно, из-за сухого воздуха и темноты глаза неприятно напряглись, да и усталость давала о себе знать. Но Анет безумно хотелось узнать, как же выглядит Лондон.

Это было одним из первых ее воспоминаний, она сидит на коленях у отца и перелистывает яркие страницы, на них фотографии людей и домов, маленьких ярко красных телефонных будок. Папа рассказывает ей об этом городе, о Тауэре и дворце королевы, обещает, что обязательно отвезет ее туда. А мама в это время смеется и говорит, что там всегда дожди, а значит можно всегда танцевать. Наверное, она говорила не так, но это Анет плохо помнила, как и счастливое лицо матери, ее улыбку, смех отца. Какие они? Онане знала.

Потом она пошла во второй класс, время летело быстро. Это была уже весна, девочку почему-то пораньше забрали из школы, ничего не объяснили. Родители все время оглядывались и шли очень быстро, но такси они так и не поймали.

Все было как в тумане: какие-то люди, все бежали, старые дворы, слезы матери и страх в глазах отца, его пугающий, дрожащий голос. Он говорил бежать, и Анет бежала и не оглядывалась, как велел отец. Когда она остановилась, вокруг никого не было, только тяжелый рюкзак больно давил на плечи, кажется, она плакала. Потом полиция, они разводили руками и говорили что-то про Систему, даже не забрали ее

в приют. Только теперь она понимала: ее стерли. Ее имя, дату рождения, номер шкафчика в раздевалке— все только в ее памяти, и немного в письме, которое Анет ненавидела перечитывать, но бережно хранила, вместе с маленьким рюкзаком, так больно давившим на плечи.

«Король и глава преступного мира. Я — тот, который воняет. Вождь тех, кто питается отбросами, и живу там, где меня не хотят видеть...» — прочитала она.

«И вправду, как иронично,— подумала девочка и принялась, — воняет». Ей вдруг стало так мерзко от самой себя, от подушек, от одежды не по размеру, от злости и безжалостности взгляда, с которым она смотрела на Пита, от глупых пафосных слов, будто она и вправду что-то значит в этом мире. А что может значить двенадцатилетняя девочка— беспризорник, которой даже нет, с образованием в два неоконченных класса, едва умеющая считать и чудом научившаяся читать.

Легкая, почти истерическая усмешка мелькнула на лице Анет.

Она закрыла книгу и выключила фонарь, в прочем, уже начинало светать.

Глава 11

Декабрь только начинался. Внезапный снег обрушился на город, засоряя воздух белоснежным ледяным туманом. Мелкие водянистые осколки исчезали, едва успев коснуться го-

рячего асфальта. Ничего не было видно из-за снежной ширмы. Машины, не успевшие еще переобуться, жадно сгребали дворниками вездесущую белизну, превращая ее в тающую кашу, и бесконечно сигналили, по поводу и без повода, теряясь из-за неготовности к зиме. Некоторые даже глохли прямо посреди дороги, у кого-то спускали колеса, сонные водители врезались друг в друга, в ограждения, один умник даже въехал в светофор, не вписавшись в порот на перекрестке.

Темные тонкие волосы, мокрые и заледенелые, касались красной от воды и холода кожи. Лиззи в сотый раз смахивала их рукой, пробиваясь сквозь ветер и людей, которых становилось все больше. Она шла почти на ощупь, глядя себе под ноги, чтобы спастись от снежного безумия.

Девушка свернула на центральную улицу и уперлась в толпу. Лизи обнаружила вокруг себя только полчища людей, все шептались : « Смотри!», «Жесть!», « Что за хрень?!» . Она лишь безуспешно толкала людей, словно ребенок, выглядывая и пытаясь рассмотреть что-то, о чем все говорили. Как вдруг она замерла, рот приоткрылся от странно трепета, а сердце забилося до безумия быстро. Страх, восторг, счастье, эйфория, безумие, глупость. Лизи не могла понять, что чувствует, да и не пыталась, эмоция захватила ее целиком.

На огромной стене, на высоте больше пяти этажей, поверх окон, рекламных баннеров и светодиодов расправил свои голубые крылья бабочка. Гигантское граффити было видно даже сквозь метель. Сияющий синий будто светился, а едкая

кислотной— желтая надпись с болью впивалась в глаза и в ума людей:

« А ЕЙ НЕ НУЖНЫ ФОРМУЛЫ! »

Коил пил кофе и смотрел в окно, на тонущий в снежном потоке Глемпт. Так проходил его обеденный перерыв уже почти неделю. Даже сейчас телефон разрывался от звонков, каждый хотел застраховать все, что можно. Работа, работа, работа. А после сразу в штаб. Там работы было еще больше. Он отвечал за контакт с авторами, проще говоря, общался с Кетрин, отбирал лучшие ее лозунги и отправлял дальше, где их либо одобряли, либо отсеивали. Дальше, если повезёт, они попадали на листовки. Эти клочки бумаги распространялись всюду, в кафе, в офисе, в метро и на улице. Цветные буклеты разлетались за секунды, нельзя было найти человека, которому в руки хоть раз не попадали многочисленные экземпляры.

« Бабочка », теперь при это не просто насекомое, она стала символом свободы выбора, свободы мысли, свободы от Системы. Все больше людей отказывались пользоваться формулами, кто-то выступал открыто, кто-то скрывал это, как болезнь.

Голубые и синие крылья заполонили мир, полиция не успевала гонять граффитистов и уничтожать продукты их творчества.

Конечно, все не могло быть так гладко...

– Коил, я думаю, у нас с тобой какое-то взаимопонимание...

– О чем Вы, Честер Лиливайт?

– Ты знаешь о чем.

Босс медленно достал из ящика листовку и положил её на стол перед Коилом.

– До меня дошли слухи, что ты занимаешься распространением агитационных материалов, – Коил хотел возразить, но его перебили. – Ты как умный человек должен понимать, что это все не приведет ни к чему хорошему. Без Системы, которую Вы так яростно критикуете, наступит хаос. Только представь, что будет, если люди перестанут пользоваться формулами: бесконечные браки несовместимых людей, врачи, ученые, работяги без склонности к профессии. Еще, не приведи Система, выборы правительства, где каждый необразованный, не смыслящий и несведущий в политике и экономике получит право голоса. Так и до анархии недалеко.

Коил лишь кивал и молчал, как школьник, смотря в пол. Из-за усталости и желания спать его мало интересовало, что говорил Честер. Но вдруг он замер.

– Либо ты прекратишь глупости, либо мы будем вынуждены попрощаться, – мягко сказал директор, – Я тебя не пугаю и не ставлю ультиматум, ты должен меня понимать...

Рабочий день только закончился, но солнце уже скрылось, оставляя после себя лишь тусклое свечение фонарей. Снег

прекратился и противно таял под ногами, превращаясь в грязь. Коил твердо шлепал по свежим лужам, не обращая внимания на замерзающие в мокрой обуви пальцы. Он смотрел под ноги, огрызаясь на неторопливый прохожих и пиная все, что попадало под ноги, и злился еще больше, когда не попадал. Он в сотый раз прокручивал в голове голос директора, с каждым разом делая его более противным и неестественно глупым, будто это могло как-то его оскорбить.

В штабе парень бросил несколько взглядов по сторонам и, не обращая внимания ни на что, засеменил по лестнице к мастерской, где надеялся успокоиться.

– Коил! – окликнул его Грег.

– Что? – неохотно ответил парень, остановившись.

– У нас экстренное собрание, – мужчина звучал взволнованный обычного.

– Прямо сейчас? – все еще неохотно спрашивал Коил.

– Эй Грег, где ты там? – позвала с нижних этажей Эмили.

– Уже идем! – ответил тот и поспешил вниз, в конференц-зал, волоча за собой Коила.

Конференцзалом служила длинная комната с вытянутым столом, за которым, на самом деле, мало кому хватало места. Поэтому в обсуждениях обычно участвовали не все, но в этот раз зал был набит людьми. Коила затолкали в глубину помещения, откуда он не имел возможности скрыться, поэтому просто прислонился к подоконнику и смотрел на серый пейзаж города, нарушенный синей бабочкой.

У самого выхода торчал Рен. Чтобы он не убежал, Лиззи держала его за рукав кофты, периодически дергая его и что-то говоря. Джастин и Сара сидели за столом, они пришли сюда одними из первых, Ридчард жался где-то в углу и копался в телефоне. Грег, стоявший рядом, куда-то ушел и растворился в толще людей. Много знакомых и незнакомых лиц мелькало в толпе, но Стена Коил так и не нашел, Кетрин сегодня и вовсе не было в штабе. Парень остался один и уже начинал паниковать.

Вошел Крис, он сейчас был в должности координатора разросшегося штаба. На нем не было привычного костюма, а теплый махровый свитер делал его фигуру пухлой и неуклюжей, так он был похож на медведя. Даже лицо выглядело строже обычного, между бровей прорезалась глубокая складка.

– Друзья, попрошу тишины! – отрезал грубовато пугающий бас.

Все стихли.

– Наша агитационная компания, как вам всем известно, добилась больших успехов в борьбе с Системой. И реакция властей Союза Мирных государств, в частности наших властей, была лишь вопросом времени. Уже сейчас ужесточена охрана гос. учреждений от вандалов, буквально только что нам донесли о нескольких арестах распространителей нашего участка, – люди в зале закопошились, – Такого рода новости, вероятнее всего, будут продолжаться. Однако это, к

сожалению, не единственная проблема. Сейчас Системарас-
сматривает законопроект по запрету антисистемных движе-
ний и организаций, в том числе политических.

В зале поднялся шум. Как это: «Бабочка» вне закона. Это
конец?

– Сейчас мы думаем о возможных выходах из ситуации...
– продолжал Крис.

Глава 12

– Ты не куда не пойдешь! – Девушка стала у двери и скре-
стила на груди руки.

– Ты меня не остановишь.

– Рен! Это опасно! Уровень охраны сейчас гораздо выше.
А если тебя поймают?

– Не поймают, и вообще, это не твое дело!

– Ты уже достаточно нарисовал, хватит! – Почти умоляла
Лизи

– Нет, не хватит. Пока система существует, не хватит. По-
ка люди не могут думать своей головой, не хватит. Я не ребе-
нок и могу сам решать, а ты не мешай мне. И вообще, класс-
но устроилась, пока все тихо мирно, ты за, а как запахло жа-
ренным, так ты сразу хвост поджала и в кусты. Супер, прямо
горишь идеей, всей душой за нее.

Рен набросил рюкзак на плечо и вышел из квартиры, за-
хлопнув дверь. Лизи осталась одна.

Ночь сгущаась, но мороз последних дней отступал, остав-

ляя после себя только густую грязь под ногами, хотя на небольших, промерзший до основания клочках земли все еще лежал грубый, хрустящий и пыльный снег.

Кое-как освещенные улицы города плавно перетекли в темные, скрытые от глаз мещан дворы и закоулки, по которым сейчас шел Рен. Он был один, в прочем, как всегда. Так было выгоднее, по крайней мере, он так считал.

В одиночку ты никогда не окажешься вынужден смотреть, как заматают твоих друзей. Или, что еще хуже, смотреть, как кто-то убегает, когда тебе нужна помощь. Либо все, либо ничего, в одиночку ничего не бывает наполовину.

На удивление парня, легавых он этим вечером не встречал. Может, выбрал удачный маршрут, или наоборот, забрался слишком глубоко в пучины города. Последнее было правдой. Как бы старательно ни работала охрана, в итоге все равно центр был сплошь покрыт граффити. Оставались лишь окраины и совсем уж забытые дворы.

Рен просто шел, смотрел на работы других, на попытки их стереть, на корявые надписи на стенах. Он вдруг с ужасом осознал, что ему и не хотелось рисовать, совсем. Надоели однотипные синие бабочки, одни и те же, везде. Не было ни идей, ни желания, ни сил...

«Почему бы не разрисовать автобус? — Вдруг предложил навязчивый голос в голове — А лучше вагон метро. И пусть ездит с огромным монстром на борту, нарисовать бы каракатицу или мурену. Знать бы ещё, как они выглядят...

Рен остановился и посмотрел на проспект, тот кишил людьми. Сотни огоньков вмещались в просвете между двумя черными, темными многоэтажками. Парень встряхнул сползающий рюкзак и направился в толщу шума и хаоса.

Людей оказалось не так много, как на первый взгляд, но все еще слишком для тихой прогулки. Здесь наряд Рена выглядел приметнее обычного. Тяжелые кеды на толстой подошве, почти скрытые широкими грубыми джинсами. Толстенный темный свитер с огромным воротом был виден из-под расстегнутой стеганной из жесткой ткани бежевой куртке, усеянной заклепками и карманами. Еще была шапка в цвет свитера, подогнутая внутрь и немного вбок. Нельзя забывать про позвякивающий при ходьбе джинсовый рюкзак. Добавьте сюда пирсинг левого уха и брови, и получится весьма неординарная особа.

Все тело парня вздрогнуло, когда на плечо ему упала тяжелая рука.

– Документы, пожалуйста.

Наверное, следовало просто дать документы, но Рен как-то не сообразил. И вот теперь он бежал по городу под крики полиции, сбивая с ног прохожих, что оказались не в то время, не в том месте. Полицейский не ожидал такого исхода событий, его тяжелый живот, только что набитый уличной едой, не был готов к пробежке. По лбу сочились струйки едкого пота, все лицо блестело от влаги и остатков соуса. Ря-

дом, в похожем состоянии, бежали, точнее, из последних сил переставляли толстые ноги его коллеги. Один из них даже не выпустил из рук маслянистую булку хот-дога, сосиска осталась на асфальте еще в начале погони.

Рен влетел в группу людей, человек восемь–десять. Визги, трепыхания, полицейский зачем–то дул в свисток. Спустя мгновение парень уже беспомощно дергался в объятиях грузного мужчины лет сорока, его тяжелые руки больно сдавили ребра так, что стало трудно дышать.

– Ну что, попался? – раздался грозный голос где-то над головой.

Трое полицейских, жирных и залитых потом, тяжело дышали в паре метров от Рена, пока набегала толпа любопытных зевак.

Глаза парня бегали по лицам людей, будто ища помощь, но находя лишь презрение незнакомцев, что видели его впервые. Под рёбрами больно кольнуло, когда Рен рванул что есть мочи вниз, разрывая хватку. Вывернулся и с новой силой разбил кольцо зрителей. Полицейские, почти задыхаясь, сделали по несколько шагов, на большее их не хватило.

Несколько очевидцев еще бежали следом, пока не потеряли всякую мотивацию. Особо упорный преследовал Рена еще несколько минут но потерял его в переплетениях ветхих переулков.

Когда Рен наконец перестал бежать, было уже совсем тем-

но. За ним никто не гнался уже с пол часа, но он продолжал оглядываться, метаясь от укрытия к укрытию. Но вот он выдохся, с недоверием осознавая, что можно перевести дух.

Ноги еле отрывались от земли, а сердце грозило вырваться из груди.

Парень остановился у серого подъезда, сел на грязную и почему-то вечно мокрую лавку и тяжело вдохнул. Он вдруг осознал, что устал. Голова раскалывалась на части, и, кажется, он получил по башке в какой-то момент. Знать бы ещё, в какой.

Он вспомнил вдруг лица людей, их презрение, тех жирных свиней— полицейских, свою глупость и ему стало так тошно, больно и почему-то смешно. Рен закрыл глаза рукой, откинул назад голову, все его тело задрожало в странно— смешотворном, почти истерическом припадке.

«Надо домой» — подумал парень, когда странные чувства начали отступать, а дыхание выровнялось.

Немного пройти, остановка, автобус, еще немного пройти и все, можно забыть, что нес в себе этот день, ведь он закончился, осталась только усталость и немного боли в голове и груди на память о вечернем приключении.

Дверь мягко приоткрылась, и сквозь щель в темный коридор проник неуловимый луч света.

«Черт, не спит»,— пронеслось в голове, пока щель превра-

щалась в дверной проем. Быстрые шаги простучала по полу, в коридор вылетела заспанная Лиззи. Она поспешно задушила сигарету еще на кухне и теперь махала рукой, пытаясь развеять забытый там же дым. Ее затуманенные глаза, маленькие на фоне зарождавшихся синяков, широко открытые, вцепились в образ парня.

– Что с тобой?– пропищал застывший в ее горле голос.

Вся одежда Рена была грязная, несколько заклепок сорваны с пропитавшейся потом и пылью куртки, часть повисла на остатках ткани, уподобляясь трупам на виселице. Ворот свитера растрепался, а шапка и вовсе осталась где-то в неизвестности. Растрепанные, все еще мокрые волосы, липли к лоснящейся коже, чуть прикрывая трупного цвета ушиб на гладком лбу. Обувь и нижняя часть штанин застыли в жиже из земли, снега и кала.

– Так, ерунда, – буркнул Рен.

– Что произошло?– беспомощно разводила руками Лиззи, не в силах прийти в себя.– Ты в порядке? За тобой гонятся?

– Нет,– процедил парень, глядя из-подлобья. – Я в душ!

Девушка хотела что-то сказать, но дверь в ванную захлопнулась, перебивая ее. Лиззи зарыдала.

Тихие всхлипы пробивались сквозь тонкую дверь. Рен с минуту еще смотрел на свои ботинки, вслушиваясь в жесткие звуки. Он скинул обувь не касаясь ее руками. Куски грязи рассыпались по холодной плитке, забиваясь в щели и тре-

щины.

Парень посмотрел в зеркало. Лицо, подобное большому потному синяку, изменило цвет, глаза отекли и остались вдавлены в череп. Волосы сальными лохмами спадали вниз.

Рен снял куртку, скинул джинсы и напитавшие в себя все переживания дня носки. Оставался свитер, а в боку предательски ныло. Рен издал тихий стон, когда его руки поднялись, снимая с себя последнюю одежду. Костлявые покрасневшие пальцы тихоскользнули повыпирающим рёбрами. Весь правый бок был налит синеватой кровью.

Парень отвел тяжелый взгляд от болезненной картины, из зеркала на него смотрели уставшие, жалкие в своем напряжении глаза.

Теплая вода касалась хрупкой кожи, превращаясь в кипятки и исчезая вместе со звуками из-за стены. Она струилась вниз, очищая тело и разум от скопившегося мусора, заполняя все утомительной усталостью и тихой, скрипучей на задворках сознания болью.

Глава 13

– Жесть, правительство же не на столько долбанутое?– потянула Кетрин.

Грег пожал плечами.

– Может они совсем разучились мыслить, к этому располагает все решающая Система. В таком случае все в руках ее создателей.– многозначительно протянул голос.

– Система, как Франкенштейн, разваливается на части. Ручная еще более-менее, но It – отдельный вид дигиблизма...

Кетрин зевнула, входя в кабинет– мастерскую, потянулась и плюхнулась в кресло– подушку прямо по середине комнаты.

– Твое вечно– сонливое состояние в последнее время меня сильно тревожит. Ты хорошо спишь?

Девушка лишь бросила на него пистолетный взгляд.

– Ты и бледная очень, синяки под глазами ... Может ты плохо питаешься?

– Заматалась чутка, школа– штаб, штаб – школа. Жесть вообще. Будешь тут бодрой...

– Тебе стоит взять перерыв, отдохнуть. Ты уже достаточно поработала для организации.

– Ага, пару строк на листовках – это работа? А уходить сейчас... Нас только наверху заметили. Сейчас начнутся реальные проблемы, а я как крыса с корабля? Нет, так не пойдет.

– Будем надеяться, что все обойдется. Может чаю?

Грег хлопнул по кнопке чайника, и комнату наполнило трескучее шипение. На пороге появился Коил.

– Явился не запыхался. Чего такой грустный?– приподнялась на локтях Кетрин.

Парень бросил задумчиво– усталый взгляд на девочку, вдохнул и из последней злости пнул клочок бумаги скрывавшийся в углу комнаты. Он проскользил меньше метра, со

скрежетом тормозя о серый пол.

– Ой, мой косяк, – Кетрин подскочила и подняла мусор .

– Меня увольняют, – констатировал Коил.

Все стихли.

– В смысле?

– А вот так, без смысла. Где я? В организации. Враг системы, народа и всего живого! – злобно выдыхал Коил, почти смеясь.

Чайник хлопнул, извещая о готовности.

– Коил, я понимаю твою ситуацию, однако, вероятнее всего, на данный момент ты не единственный, кто с этим столкнулся или еще столкнется. Я убежден, что в ближайшее время главы организации примут меры. А пока нам нужно быть сильными и запастись терпением, как и говорил Крис.

– Я, просто не знаю, уже ничего не знаю и не понимаю, – замямлил Коил, сидя на кресле и глядя в пустоту. Порой он просто беззвучно шевелил потрескавшимися, пепесохшими губами. Парень водил по ним языком, но слюды не было, и сил не было. Слово все, что внутри, сейчас изливается дождем где-то на просторах Сахары, и остается лишь песок, который вот-вот начнет сыпаться с его губ.

Кетрин стояла рядом и безысходно гладила парня по спине, словно это имело значение или могло помочь.

— Не загоняйся, у тебя есть по меньшей мере две недели, чтобы найти другую работу, – слегка переигрывая оптимиз-

м,говорил Стен, наигранно улыбаясь.

Солнце не светило уже несколько поразительно долгих и холодных недель. Все замерло, будто застыло в осушенном ранней зимой воздухе. Даже ярко– голубые граффити, бесконечно новые, словно выцвели от старости и уже слишком сильно слились с посеревшим пейзажем городка.

Эти время Коил плохо спал, мало ел и пристрастился к горькому кофе, еще с сахаром, но уже без молока. И в этом заостренном мире, казалось, только его мысли бешено пульсировать в глубинах черепа, грозя снести тонкие стены.

– Думаешь, они пойдут на это?

Коил бегал взглядом по потрескавшиеся плитке под ногами, не слыша собственных слов. Они были обрывками его больных мыслей. Но Стен все еще реагировал на редкие слова парня.

– Надеюсь, нет. Если « бабочка » будет вне закона, – слюна медленно проскользнула вниз, раздражал глотку. Стен покачал головой, не желая верить собственным словам. – Нас всех повяжут, тут уж не о работе печься придется.

Коил промолчал, шум улиц застыл в его ушах, исчезая вместе с картинкой мира. Стен дернулся, хватая почти бесознательное тело.

– Тише, тише, тише... – зачем– то повторял он, пытаясь привести друга в чувство.

– Все хорошо, сейчас выпью немного кофе ... – еле слышно бормотал голос.

– Какой кофе, идиот! Ладно, сейчас...

Стен трясся, судорожно набирая номер на как всегда не к стати глючащем телефоне, не желавшем реагировать на его заледенелые пальцы.

Коил очнулся уже в кровати. Все его тело отяжелело и будто с силой вжалось в мягкую материю. Над головой наступивала беззвучный ритм капельница. Парень заговорил, но воздух застревал в его горле, не давая словам рождаться. Тихий хрип – вот все, что вышло из его усилий.

– Вы очнулись. Тише, не вставайте, вам нужно лежать, – Залепетал тонкий голос где-то над головой. Худое светлое личико с по – детски широко открытыми голубыми глазами вдруг появилось у подножия кровати. – Я сейчас позову Стена.

Очертания размылись в сияющем солнечном свете так же быстро, как и появились. Девушка исчезла, оставив после себя мягкий звук поступи.

Коил следил за невесомыми прозрачными пылинками, трепетавшимися в застывшем ослепительно-белом воздухе. Они были единственным, что заполняло его сознание в ту минуту. Он видел и хотел видеть еще, как ничтожно – малые частички разрезают солнечный поток на миллионы оттенков, вспыхивающих и исчезающих за долю секунды, разбрасывая радужные осколки. Это было похоже на сон, самый лучший из всех, но тот, что ускользает, стоит лишь проснуться.

– Коил, – болезненно зашипел голос.

– Ему, надо отдохнуть, дай ему время, – вернулся тонкий голос.

Парень закрыл глаза и сконцентрировал остатки сил, приподнимая тяжелую голову.

– И я просто упал?

Коил сидел на кровати, скрючась, свернув шею на неудобно – мягкой подушке под головой и все еще не в состоянии полностью себя осознать. Легкий звон в ушах преследовал его мысли, не давая глазам как следует открыться. Кровь пульсировала в висках, сжимая поролоновый череп. Весь рот, казалось, был набит засушенной мукой, слипшейся, как корка. А все тело, словно и не его вовсе, лежало отдельно, время от времени подавая признаки жизни резкими произвольными конвульсиями.

– Ну да, я даже не понял толком, что случилось. Джес говорит, это от переутомления и стресса. Тебе надо отдохнуть, ты истощен.

Стен ерзал на стуле рядом с кроватью. Он теребил уже и так взъерошенные волосы в перерывах междуковырянием раздертых до крови губ.

– Джес..?

– Моя новая девушка. Помнишь, я тебя рассказывал? – теребил парень. – Да, не важно. Она врач. Ну почти. Голова сильно болит? Хочешь чего-нибудь?

Стен выпаливал слова быстро и прерывисто, глотая буквы и куски фраз так, что Коил не мог их уловить. Слова все лились и лились беспрерывным потоком бессмысленности где-то на фоне, не касаясь его ушей, а тонкий силуэт, явившийся из туманного света, уже захватил дрожащее внимание.

Из-за боли в глазах Коил почти ничего не видел. Только тонкая нежная улыбка и пронзительная голубизна легкого взгляда. Джессика смотрела на Стена и тихо ждала, когда можно будет усмирить его беспокойство. Парень вздрогнул, когданевесомаяручка коснулась его плеча.

– Стен, не переживай так, все уже хорошо, – На губах девушки лежала тень улыбки. – А Вам, Коил, стоит еще поспать.

– Наверно...

Последнее Коил договорил уже в своих мыслях, где-то на поверхности сна.

Глава 14

– Уже поздно, оставайтесь до утра, – сказала девушка, стоя у барной стойки и заваривая чай.

Часы показывали без половины восемь, но солнце, почти уже не всходившее, укрыло свои последние лучи за горизонтом. Окно превратилось в зеркало, но сквозь него еще пробивался свет фонарей, цветные огоньки города шныряли туда-сюда, переливаясь всеми цветами радуги, но их света не хватало, чтобы пробить зеркальный барьер.

Коил сидел на диване, его спина проваливалась в мягкие-подушки. Ноги, зачем-то, были покрыты махровым пледом, а босые стопы утопали в ворсистом ковре, будто то в шерсти большого пушистого зверя.

– Так много спал сегодня, что, думаю, вряд ли вообще смогу уснуть. И ты снова ко мне на «Вы». Я не на столько стар.

– Это привычка, прости. А поспать еще не помешает. Если не сможешь уснуть, лучше просто полежать и посмотреть в потолок. И в ближайший месяц придется отказаться от всего, что содержит кофеин. Лучше пей травяной чай, я вот мяту заварила. Она успокаивает.

– И мед, – с усмешкой добавил Стен, стоя у барной стойки.

– Не смешно, – наигранно обиделась девушка. – А мед здесь и правда хороший, алтайский, мне дедушка много прислал. Хочешь и тебе баночку дам?

Джессика поставила поднос с чайником, чашками и стеклянной баночкой меда на низкий столик и стала разливать горячий напиток. Клубы мягкого пара растворились в воздухе, наполняя его мятным сочетанием терпкости и покоя.

– Я не против, к тому же мне теперь надо что-то пить, почему бы не чай с медом?

Густая тьма накрыла город плотным слоем облаков, сквозь которые не мог пробиться свет ни одной, даже самой яркой звезды. А время все быстрее бежало в сторону ночи.

– Уже почти одиннадцать. Мне пора домой, – заметила

вдруг Джессика.

– Да, конечно. Я вызову тебе такси.

Стен похлопал руками по карманам, но не найдя, что искал, встал, чтобы взять телефон, оставленный на барной стойке.

– Я думал вы тут вместе... – начал было Коил, но осекся.

– Нет, мы не живем вместе, – немного смутилась девушка. – Стен попросил помочь, я и пришла. Я тут недалеко живу, с отцом.

– А квартира, после института не получила? – удивился парень.

– Отказалась, у папы сахарный диабет, ему нужно помогать.

– А мама? В разводе?

– Нет, умерла от рака груди несколько лет назад. После этого у папы диабет и развился, на нервной почве.

Джессика вжалась в спинку дивана, все ее нутро будто выковыривали ложкой, как мед из опустевшей банки, скребли по стенкам, много раз проводя по одному и тому же месту.

Коил заметил это и сконфузился, ему стало стыдно:

– Прости, не следовало спрашивать.

– Да нет, ничего... – соврала девушка.

– Джес, я вызвал такси, – сказал Стен.

– Да, спасибо, – легко улыbnулась девушка, зачерпнув еще немного меда.

Не прошло и получаса, как желтый автомобиль исчез в

переплетениях улиц, уводя за собой Джессику.

Стен плюхнулся на диван рядом с Коилом:

– Ну что, чем займёмся?

Парень взял плед со своих ног и, предварительно его скомкав, бросил рядом с собой.

– А какие есть предложения?

Стен ехидно улыбнулся.

– Ну есть парочка, но Джес бы это не одобрила...

– Но ее ведь здесь нет.

Усмехнулся Коил, хитро прищуривая глаза.

– Значит она врач?

Пальцы яростно давили на джойстик, вдалбливая кнопки к хлипкий корпус. Маленький красный автомобиль несся по экрану к мячу, что был больше его самого. Удар в выско-ченый бортик, быстрый разворот. Коил даже перегнулся че-рез широкий подлокотник, будто это на что-то влияло. Еще немного, и ... желтый автомобиль влетел в крыло, вдалбли-вая корпус в стену.

– Хрен тебе! – бросил Стен.

Желтая машина быстро догнала мяч, сильным ударом подняла его в воздух и...

– Гол! – завопил парень, бросая джойстик на диван. – Я профи, мать его!

– Так не честно, я не умел в нее играть, – Возмутился Ко-ил.

– Ничего не знаю,– покачал головой Стен.– Кстати, который час?

– Пол второго, где-то . Ты не ответил.

– Черт! Тебе же надо было отдохнуть,– Процедил сквозь зубы парень.

– Эй, так она врач?– не унимался Коил.

– Джессика? Она интерн. На терапевта.

– Круто,– зевнул парень.

– Что круто? Мне конец, если она узнает о этом,– развел руками Стен.

– Да брось ты, еще один матч и все, – мямлил парень, расплываясь в добродушной улыбке.

Стен громко вздохнул и покачал головой:

– Но, только один.

Глава 15

–Гай, этот мир уже в клоаке, дальше только беспросветное говнище.

– Да ты оптимистка,– сказал Рен и сделал глоток сладкого энергетика.

– Что есть..

Мягкие угольки потрескивали в коптящем пламени, и недовольно фыркали, разлетаясь. Анет сидела на каком-то полугнилом ящике, уже плавящимся от жара, и играла с огнем, насаженным на палку. Ее пальцы скользили по горячим потокам света. Рен чуть поодаль ломал сухую ветошь и бро-

сал на съедение пылающему монстру.

Ларри сидел рядом, почти засыпая. Смолистая сигарета тихо тлела между грубых пожелтелых пальцев. Заброшку они изучили вдоль и поперек, и все, что оставалось, это вести задушевные диалоги, они сегодня как-то не клеились.

– Может порисуем?– предложил Ларри.

– Есть идеи?

Парень покачал головой.

– Черт, чего так скучно то? – Рен бросил в огонь опустевшую банку. Металл жалобно треснул, запуская в воздух алые искры.

– Так быстро стемнело...– потянула Анет и воткнула игрушку в костер.

– Почему быстро? Уже почти восемь, если ты понимаешь, что это значит, – Рен ехидно улыбнулся.

– Ха– ха– ха– грубо процедила девочка.

– Это ни хрена не смешно, парень, – Ларри вдавил окурок в бетонный пол.

– Зануды, – бросил Рен.

– Зато не педики, – на этот раз усмехнулась Анет.

– Ребят, хватит, нормально же сидели, – Ларри пнул камень валявшийся у подошвы. – и без вас тошно...

– Гай, я говорила, что Салли со своим дружкой нас быстро кинет.

– Ее отец увез.

– А точно, гай, забыла, когда сваливаешь за папины день-

ги, то это типо не по своей воле.

– И правильно сделала, день– два и сажать начнут, за то, что Системой не пользуешься. И так уже порисовать нормально не дают,– сплюнул Рен и поправил рукой мешавшую челку.

– Может еще все обойдется...– с тихой улыбкой произнес Ларри.

– Гай, ты хоть сам в это веришь?

– А почему нет?

– А потому, гай, что Система – это куча дерьма. И без лопаты ее не убрать.

– Лопата– это мы, и придется испачкаться,– закончил Рен.

– Точно, красавчик. Рубишь фишку.

– О, уже не гай?

– Слишком педиковат для гая,– неимоверно печально констатировала девочка.

Ларри наблюдал за этим, уже не отрывая ладони ото лба.

– Чего ты так не любишь Рена?

Ларри с Анет шли по протоптанной дорожке между заросшей свалкой и пустырем, где люди обычно гуливали собак. Заледенелая грязь продавливалась под тяжелыми ботинками парня, оставляя в себе отпечаток потертого протектора. Запах слизи и гнили пронизывал промерзший насквозь воздух, заставляя скривиться в привычной гримасе. Из далека еще доносились обрывки жизни ночного города, разбиваясь

о потухшие окна.

– Я никого не люблю, гай. Это опасно, ненадежно и плохо кончается.

– Это не правда, – С лица Ларри уже давно не сходила печальная улыбка.

– Правда, гай. Увы, но правда. Любовь, дружба, верность – это все пурга из книг, а на деле никому нельзя доверять.

– Даже мне?

– Не начинай, гай, я не хочу сориться.

– Значит нет ... – Ларри выпустил воздух из легких, а холод превратил его в пар.

Еще пару минут они молчали, пока парень не заговорил вновь.

– А знаешь, это не важно. Это только слова. И всё-таки, мы еще будем счастливы.

Анет печально усмехнулась.

– Ты, еще да, а вот я. Меня нет, гай. Подумай, вдруг я твой воображаемый друг.

– Это просто баг Системы, ты есть, вот, рядом со мной идешь. И даже если все скажут, что плод чей-то больной фантазии, это ничего не изменит.

– И кто тут ребенок? – Покачала головой Анет.

Дальше они шли приобнявшись, пока ни наступило утро, и они совсем ни замерзли.

– Погоди, так тебе будут платить деньги за работу в «Бабочке»? – Кетрин крутилась на кипарисовом стуле, совершая повороты на 360° то в одну то в другую сторону.

– Да, так же, как и тебе за слоганы.

Коил только повесил толстую куртку на вешалку.

– Мне платили только за избранное, а тебя на постоянной основе зарплата будет. Плюс ничего, что теперь это все вне закона?

– Я не считаю себя преступником, мы общественная организация, ничего противозаконного. И вообще, ты тоже преступник, получается.

– Я – преступник. Круто звучит да?

Коил чуть не подпрыгнул, когда девочка с грохотом упала на пол, кочнувшись на стуле.

– Ты в порядке? – почти прошептал он.

Кетрин встала, потирая левую ногу, на которую так удачно грохнулась.

– Какие некачественные стулья. Нормально покрутиться нельзя.

Коил облегченно выдохнул, и его грудь запульсировала, выпуская наружу скованный совестью смех.

– Чего смеетесь?

В двери показалась длинная фигура Грега. Мужчина почтительно кивнул в сторону Кетрин и пожал руку Коилу, все еще смеявшемуся рядом с вешалкой.

– Могу я узнать, что происходит?

– Ага, Коил никогда не видел, как люди падают, – усмехнулась девочка.

– Я не из-за этого ... – парень перевел дыхание.

– На улице такой холод, если честно, я очень замерз. У нас еще остался чай с манго?

Грег снял с плеч тяжелое пальто и клетчатый шарф, плотно обматывающий его шею.

– Да, как и куча других сортов. Ты приносишь чая больше, чем успеваешь выпить – откинулась на ненадежную спинку Кетрин.

– Может быть, – мужчина мягко улыбнулся. — Просто, я не могу пройти мимо вкусного чая.

На маленьком столике, криво выдвинутом в середину комнаты, испускал пахучую струйку пара белый, почти отполированный чайник. Кетрин постукивала ложечкой по ободку горячей кружки, ожидая, когда ее содержимое остынет. Сладкий пар обдавал лицо девочки и наполнял комнату фруктовым уютом.

– Я так рад, что все наладилось. Давно пора было начать платить сотрудникам штаба, – как бы невзначай подметил Грег, делая глоток.

– Откуда у них вообще деньги? Кто это все спонсирует? – неожиданно для самой себя спросила девочка и замерла, услышав свой голос.

Коил окаменел, он вдруг осознал, что этот вопрос никогда

не приходил к нему в голову. Деньги, они были всегда. «Бабочка», она платила Кетрин за ее работу, платила за аренду помещения, платила за ремонт, за юристов и адвокатов, чтобы соблюсти формальности. Сейчас она платила Коилу и всем, кто в этом нуждался, кто был обескровлен и обездолен, но остался на ее стороне. Не просила жертвований, ничего.

– ИЛДо– произнес Генри, сделав глоток. Он даже не повел взглядом.

– Что?– прошептал Коил.

– Индонезийские Либерально– Демократические острова из союза Демократических государств на Юго– Востоке. – мужчина продолжил пить чай.– Вы не знали?

– Откуда? – почти закричала Кетрин.

– От Криса. Я спросил это при личном знакомстве, он ответил.

– Почему ты молчал? – продолжала Кетрин.

– Не знал, что вам интересно...

Он не закончил. У него перехватило дыхание, когда горячий напиток выплеснулся на него. Кетрин перевернула чашку резким ударом.

– Хватит пить этот гребанный чай!– вопила она.– То есть все это время я... А ты...

Она глотала слова, из-за слез она уже ничего не могла говорить. Грудная клетка тяжело вздымалась от всхлипов.

– Зачем им это?

Коил поднял тяжелый взгляд, его глаза горели гневом, казалось, можно слышать скрежет его зубов.

– Я не знаю, – непонимающе, жалобно искривилось лицо Грега. – Может, рынок сбыта нужен, может, территории, может еще что.

– То есть, мы просто пешки в их игре.

– Почему, разве это что-то меняет?

Мужчина встал, стряхивая воду с промокшей рубашки. Он взглянул на Коила. Парень почти не дышал. Его губы, плотно сжатые, дрожали, пытаясь сдержать эмоции. Он смотрел прямо, почти не могал. Рядом, все еще стоя, завывала Кетрин. Девочка закрыла глаза руками, каждый ее вздох был криком.

– Что это меняет? – умоляюще дрожал голос.

– Все, это все меняет! – не выдержала девочка. – Коила уволили, мы все – преступники. Людей сажают. Система рушится, жизнь рушится. И все это ради рынка сбыта каких-то островов?!

– Нет, это ради тебя, ради него, ради всех, ради свободы...

– Ради чьей-то выгоды!

– Ты здесь ради денег? Он здесь ради денег? Нет. Вы все здесь, потому что не хотели жить, когда каждый ваш шаг определяет Система. Вы здесь, потому что сами сюда пришли и сами выбрали здесь остаться. И будь это Система в тысячу раз богаче и во столько же раз щедрее, это бы ничего не изменило. Так почему, когда вам предлагают помощь,

вы не хотите ее принимать просто потому, что вам внушили, что это уже не ваш выбор. Если вас не определяют деньги, так почему они должны определять идею, за которую вы готовы умирать? Если бы художник узнал, что за его картины готовы платить миллионы, он бы не бросил рисовать. Так почему бросаете вы? Вам не диктуют условия, ни к чему не призывают. Это лишь помощь. Вы сражались без нее, сможете и с ней!

Часть 3

Глава 1

Смолистый выхлоп вырывался из давно закоптившихся труб старого завода. Туча грязного дыма, гонимая обжигающе холодным ветром, разносила гарь по крышам подгнивших многоэтажек. А та оседала на и без того черных крышах, делая мир чуть более однотонным. Пепел, зависавший в воздухе смешивался с запахом тухлых яиц, перегноя и кислой капусты и медленно, но верно разъедалслизистую ноза и глаз, слезившихся в попытке избавиться от ядовитой дряни, окружающей их.

Грязно— рыжие волосы впитывали пластиковую гарь, развиваясь в потокевоздуха и пыли. Девочка сидела на козырьке ветрового окошка над входом на крышу и болтала ногами над головой не умолкавшего Рена. Он расхаживал из стороны в сторону большими шагами, не замечая, как подходит и уходит от самого края крыши. Ларри прислонился в двери и

внимательно следил за его руками— щупальцами, летавшими хаотично из стороны в сторону. Голос вдруг стих. Недолгий рассказ был окончен.

— Рен, я даже не знаю...

— Не мели чепухи, гай. Это просто бомбезно!— взмахнула руками Анет, перебивая Ларри.

— В канун Нового года все будут дома сидеть или бегать по магазинам,— пожал плечами парень и поправил рукой хлипкий хвостик из дред.

— Заодно и на митинг заберут,— усмехнулся Рен.

Ларри снял с волос резинку и, немного покрутив, принялся закручивать толстые пряди в пучок.

— Всех кого не жалко выкидывают с работы, за любую хрень можно угодить в тюрьгу, а за листовку в кармане — штраф. Какой НГ, гай? Все думают, как бы не попасться на том, что они пьют чаек, который им запретила Система. Напомнить тебе, почему мы здесь, а не на заброшке?

— Потому что там легавые,— проговорил Ларри, он выдохнул остатки воздуха и опустил руки.— У кого—нибудь есть резинка?

— Ага, всегда с собой ношу, — поправил челку Рен и столкнул кусок кирпича с крыши.

Ларри откинулся на холодную железную дверь и почесал пухлый нос, от металла сильно пахло ржавчиной. Анет с грохотом прыгнула вниз и села рядом:

— Чем займёмся?

Под сероватым потолком подрагивал свет. Тени играли на бледных стенах. В струе фотонов трепетали пылинки, плавающая в густоте пространства.

–Значит, ты уходишь? – Коил смотрел насквозь Стена.

–“Бабочка” слишком опасна, тебя уволили, ну а я не могу себе этого позволить, аресты. Мои родители не перенесут. Да и Джесс, она не может стать врачом, если у нее будет ... такой парень.

–То есть это из-за нее?

–Нет, она не знает. Хотела чтобы я остался, но..

–Что но?!

–Уже несколько наших арестованы...

–Я знаю, Стен. Именно по этому все и выходят на митинги,– процедил парень, что, казалось, можно было слышать скрежет зубов.

–Это ничего не дает, все только хуже становится.

На руках Коила, сжатых до дрожи, проступили вены. Между бровей проявилась глубокая складка, а ноздри пульсировали, подобно конским. Все тело вибрировало, как граната, из которой выдернули чеку.

Коил громко выдохнул и отвел глаза.

–Уходи

–Коил,– начал парень.

–Уходи!– загробным тоном прозвучал голос.

Стен растворился в темноте коридора, но его шаги еще

звучали в голове Коила. Он застыл, как вода на морозе в -30.

– Это его выбор, его стоит просто принять.

В дверном приеме появился силуэт Лиззи. Светлые полупрозрачные рукава исчезали в нелепо-глубоких карманах широких темных брюк. Каштановые пряди волос облепятили шею, немного скрытую слегка подвернутым воротом чего-то, вроде черной жилетки. Хотя все вместе это больше походило на свитер.

– Давно ты здесь? – оживший Коил сделал несколько шагов, чтобы упасть на одинокий стул.

Лиззи прошла в комнату и села на кресло – мешок, подогнув под себя босые ноги. Цветастые полутапочки остались на грязном полу.

– С начала, видимо, – Улыбнулась она. – Почему ты так жесток с ним?

Коил ничего не ответил.

– Он ведь просто боится.

– А ты не боишься, или я? – Выплеснул парень.

– Боюсь, просто не так, как ты или кто-то другой. Мы все боимся по-своему. Мы просто разные.

– Я его не понимаю.

– И не надо. С чего ты взял, что другой человек обязан быть тебе понятен? Просто, ты смелее его.

– Смешно.

– Стен ведь так и не пригласил меня на свидание, ну не трус ли? – усмехнулась девушка.

– Ты знала?

– Что я ему нравлюсь? Да у него на лбу было написано. Он такой простой, как ребенок.

– Жестоко.

– С чего вдруг? Если бы пригласил, я бы согласилась. Но он не пригласил, и встретил Джессику. Хорошо, что не пригласил.

Девушка потянулась руками в потолок, разминая спину.

Глава 2

Ларри убрал телефон в задний карман потертых джинс, поправил развалившиеся по голове, как вермишель, светлые дреды. Темно– пепельные корни волос проявлялись в глубине хаотичной охапки прядей.

– Ну, че там? – подогнал молчание Рен.

Ларри покачал головой, шмыгая носом от холода.

– По нулям.

– Рили? У них кукуха полетела окончательно?

Анет потеряла друг о друга заледенелые руки и пнула алюминиевую банку Рену. Тот перехватил воображаемый мяч, провел его пару шагов и дал пас Ларри... Банка со звоном прокатилась в метре от парня и остановилась, покачиваясь на разбитом асфальте.

– Гай!– возмутилась Анет.

– А, что? – Вышел из комы Ларри.

– Все окей? – притормозил Рен.

Парень пожал плечами.

– Не знаю. Если они обрубили Конект, то я без понятия, как связаться с Салли и Генри .

– Они и так свалили, че с ними связываться, гай?

– У тебя несовместимость с обоими?

– Видимо...

– Может просто дерьмово ловит?

– Вряд ли.

Ларри прокачивал головой в такт шагу, тяжелые ботинки немного шаркали внизу.

– Кто вообще определяет, с кем можно общаться, а с кем нельзя? – Пропищала Анет, запрыгнув на зеленую скамейку, перескочив через дурно пахнущую мусорку.

– Система, – устало выдохнул Рен.

– Я в этом не шарю, Рен. Как думаешь, блок можно обойти?

– Я сам не в куриваю до конца. Мне Ридчард что-то объяснял, но я не особо слушал. Я ж думал, он не серьезно. Кто знал, что они начнут прям так в наглую.

– Вообще ничего?

– Ну, как я понял. Сделать можно, даже не сложно. Тип они же не все приложение блочат, а только рубят каналы между акаунтами. То есть, по идее пару деталей переделать на странице и все. Но, есть другая херня. Из-за того, что по сути у системы остается доступ к твоей страничке по официальным каналам, или хз, как их назвать, они все твои дан-

ные видят. И вопрос времени, когда тебя найдут. А еще чуть-чуть и административку введут « за сопротивление Системе» и все, финит а-ля комедия.

– Могут и уголовку, – добавил Ларри.

– У тебя вроде уже были приводы, гай?

– Два, за вандализм, – кивнул парень.

– Намекаешь, что он на особом у Системы? – дёрнул звенящим рюкзаком Рен.

Анет кивнула.

Пока они говорили, дворы завели в тупик. Пару поворотов, перелезть через забор и дорвать штаны окончательно и ты на свободе. Ну почти. Здесь город оканчивался и начинались железные, пустынные лабиринты из рельс, вагонов и разноцветных контейнеров.

– Это здесь тот бомж отшивался? – Спросил Рен.

– Пит? В паре километров от сюда. Его пришили пару недель назад. Босс его все же нашел, – растянулась в улыбке Анет. – А ты тут раньше не был, гай?

Рен покачал головой.

– Его убили!? – воскликнул Ларри.

– Ага, денег задолжал, отдать не смог. Хороший парень был. А что?

– Жесть, я не видел здесь ментов.

– Их и не было, гай, – тихо посмеялась Анет, и быстро пошла вперед.

Рен поспешил за ней, пока Ларри пару секунд приходил в

себя. Холодный порыв ветра дунул ему в лицо. Боль от попавшего в глаз жесткого дреда превела парня в сознание. И ему пришлось догонять убежавших спутников.

Сильный ветер, ничем не обремененный на полупустырях между ржавеющими контейнерами, нес сладковато– токсичный запах свежей краски, от чего стреляло в висках и раздрало горло. На склизком языке будто собирались комки ядовитой клейкой крахмальной пыли.

В просвете появилась железная дорога. Усилившийся запах краски сросся с запахом железа и щебня, какой бывает только у рельс.

Трое стояли у края железнодорожного пустыня, металлические ребристые стенки ящиков были покрыты липкой серостью.

– Перфект, они уже все замазали, гай. Холст чист,– сухие губы Анет растянулись в злорадной улыбке.

– Рисовать по мокрому,– со стоном выдохнул Рен

– А что, акварельненько выйдет,– усмехнулся Ларри, растрясая позвякивающий батончик.

Анет стояла на крыше контейнера и, драматично приложив руку ко лбу, смотрела в даль. Это не имело ни малейшего смысла, ведь с и без того серого неба уже исчезли последние намеки на солнце.

– Ну что там? – спросил Ларри, вытирая руки о джинсы.

– Все чисто, гай. Тут менты обычно не водятся, особенно по ночам.

– Что, бояться?– усмехнулся Рен.

– Ага,– разминала шею девочка.

– Фак! – осекся парень.

– Да ты не бойся, гай, я почти всех здешних знаю. Мало их здесь осталось...

Ноги Анет громко ударились о землю так, что ее даже чуть зашатнуло назад, но Ларри подал девочке руку.

– Да нет, просто ... Чертов контур опять потек, я не знаю что с ним делать,– бросил руки Рен.

– Слишком много краски,– констатировал Ларри, поправляя дреды.

– Я знаю, но ... Ненавижу работать по мокрому.

– А мне нравится, гай,– пожалала плечами Анет.– Эту хрень никто кроме тебя не заметит.

Рен почесал нос, оставляя на лице темный след краски. Перед ним красовалась бабочка, большая. Ее синие крылья простирались на изогнутых текучих стенах. Темные тени и контуры перетикали в оттенки, оставляя за собой акварельные разводы.

– Пофиг, я устал, – буркнул парень и закинул в рюкзак баллончик с краской.

Глава 3

–Черт, я боюсь. Вдруг все пойдет не по плану.

–Брось, Коил, Грег говорит, толпой легко управлять. Главное громко и чётко провозглашать простые и красивые

слова, – Кетринпохлопала парня по плечу.– Ты же не координатор, чего тебе бояться. А Крис свое дело знает.

– Я понимаю, —Коил ходил из стороны в сторону, копаясь в собственных волосах.

–Все в порядке, просто успокойся. До митинга еще почти три часа. – Улыбнулась Лиззи.

–Всего три?

Парень вздрогнул, когда дверь в комнату открылась. Грег, стягивая с себя заснеженный шарф, сделал уверенный шаг внутрь. Его лицо сияло улыбкой, а щеки были алыми толи от мороза, толи от возбуждения.

–Ну и погодка сегодня, давно такого не было.

–Сколько там? – спросила Кетрин, помогая снять тяжелое пальто.

–Градусов семь ниже нуля. Настоящий декабрь.

–Может не придет никто?– почти прошептал Коил.

– Не мели чепухи, люди уже выходят погулять,– Грег говорил несколько грубо, из-за чего парень еще больше сконфузился.

– Девять утра, воскресенье... И чего людям дома не сидиться? – пожалала плечами Кетрин, старательно игнорирую окружающее напряжение.

– Нам всем стоит успокоиться, – с улыбкой констатировала Лиззи. – Может чаю?

– Да, пожалуй,– по привычке ответил Грег.

Ореховый журнальныйстолик был быстро заставлен горя-

чими кружками, оставлявшими под собой водяной след на деревянном покрытии. Пар нагревал воздух в растопленной комнате еще сильнее, предавая воздуху томительную густоту.

Сухое песочное печенье впитывало влагу, темнея и рассыпаясь. Отяжелевшие крошки медленно парили по просторам чашки, опускаясь на дно.

– У нас все получится? – глупо спросила Анет, наблюдая за водоворотом из сахара, чая и теста.

– Конечно, – бодро сказала Лиззи.

– Митинги уже как десятый день будут. Всем все равно, только еще больше заключенных...

– Больше недовольных, больше людей выходит. Это будет первый всесоюзный, точнее волна всесоюзных из-за разницы во времени, – осеклась она, но продолжила. – Просто в Глемпте еще не было протеста особого, а вот теперь будет.

Все застыли в волнении, когда в двери показалась Сара. Все знали, что она скажет, но никто не торопил. Женщина перевела дыхание.

– Пора, – сказала она.

Улицы не были пустыми, как это обычно бывает утром выходного дня. Кто-то спешил купить безделушек, кто-то медленно шел, но с той же целью. Кто-то просто гулял, у кого-то было свидание, а у кого-то не пришел парень. Нет, правда. У небольшого старинного питьевого фонтанчика, возле ко-

торого всегда назначают встречи, плакала девушка. Идеальная укладка, маникюр, вещи явно не слишком теплые, зато стильные... В прочем, это не важно.

Мелкий морозящий снег сыпал с тусклого неба. Холод растворился в теплоте гирлянд и светящихся даже днем витрин. На площади по обыкновению продавали жаренные каштаны, а где-то недалеко пекли блинчики. Коил не мог найти где, но от сладко-печеного запаха у него заурчало в животе.

Только странные, наспех сделанные металлические ограждения выдавали, что сегодня не совсем обычный день. Кое-где подозрительно тихо стояли маленькие группы людей. Где-то были заметны бумажные свертки. Пару человек в полусноубордистской экипировке ходили туда сюда уже минут десять.

– Сколько еще? – вздохнул Коил.

– Прошло только десять минут, – с улыбкой констатировала Лиззи.

– Только? И где все? – сказал парень, постукивая ногой.

– Крис и Грег на площади, Кетрин увязалась с ними...

– Я знаю, зачем ты мне это говоришь? – перебил Коил.

– Ты просто спросил, – усмехнулась Лиззи. – Может прогуляемся по магазинам? Чего тут мерзнуть.

Коил кивнул, почесав покрасневший нос.

– Только мне ничего не надо.

– Да мне тоже, просто не два же часа еще тут стоять.

Ближайшие магазины были набиты всем, что только мож-

но представить. Детские игрушки соседствовали с тату-инструментами, странным мороженым и мармеладом. По магазинам с подарками, в которых было много всего, начиная от открыток и заканчивая настоящими мечами, слонялись рассеянные покупатели, не способные выбрать, и те, кто пришел просто посмотреть.

Коил остановился возле прилавка с бумажной мелочевкой, пока Лиззи выбирала сережки, которые не собиралась покупать. Взгляд парня блуждал по бесчисленной ерунде, пока не замер. Небольшой блокнотик с обложкой из крафтовой бумаги, с крохотным рисунком из двух вишенок и таким же брелочком, свисающим с переплетенного грубой красной нитью корешка.

– Чего застыл, – окликнула уже стоящая рядом Лиззи.

– Да, так... – вздрогнул Коил.

– Блокнотик выбираешь?

Парень немного замялся.

– Класс, Кетрин недавно говорила что у нее кончается.

– Да я не..

– Просто вспомнила, не бери в голову, – улыбнулась девушка, – Ладно, я пойду еще духи посмотрю.

Лиззи быстро убежала, а Коил остался наедине с блокнотом.

– Вам чем–нибудь помочь?

– Нет...

– Можете согласоваться с Системой, и вам подберут луч-

ший вариант.

– Нет, я определился. Вот этот.

Глава 4

Завернутый в пленку блокнот исчез в глубине кармана. Коил посмотрел на часы и поспешил найти Лиззи, время в магазине шло как-то быстрее обычного, было уже двадцать минут второго.

Магазин духов оказался небольшой закольцованной стеклянной витриной, где все было заставлено склянками с маслами, спиртовыми концентратами, ароматическими палочками и, зачем-то, пряностями и сухими цветами. В центре этой парфюмерной вакханалии на мягком кресле засыпала юная девушка с ярко-розовыми волосами, в целом больше ничего примечательного в ее внешности не было.

Чуть по одаль, за стеклянным водопадом, Коил различил силуэт Лиззи. Она была не одна. Подойдя ближе, Коил распознал Рена. Рядом с ним стоял парень, по сравнению с которым все выглядели низким. К тому же он был худым, немного покачивается и носил зеленую кофту, а на его голове в хаотичном порядке были разбросаны толстые грубые и длинные дреды, так что Коил невольно подумал про пальму.

А еще дальше, немного отстранившись от всех стояло нечто, природу которого было сложно определить. Изпод большой бесформенной темной кофты почти до колена длинной торчали тонкие, подвижные ноги-спички, пере-

ходящие в массивные полувоенные ботинки. На то, что это девочка, намекали лишь длинные, разбросанные по плечам рыжие волосы.

– Вас надо познакомить,– улыбнулась Лиззи.

Рен недовольно фыркнул и отошел подальше, чтобы сесть на округлую лавку, предназначенную для уставших покупателей.

– Я Ларри, – протянула руку пальма.

– Коил, очень приятно– ответил тем же парень.

– А это Анет,– кивнул Ларри в сторону рыжеволосого существа.

Девочка нехотя отслонилась от стеклянного водопада и сделала несколько шагов на встречу Коилу.

– Привет,– Приторно– мягко поздоровался парень, осознав возраст существа перед ним. Он даже склонился чуточку вперед, чтобы было легче смотреть на детское лицо.

– Меня шас стошнит, – грубо ответила девочка, глядя Коилу в глаза так, что он отшатнулся назад.

Люди наполняли улицы, город был похож на муравейник, где все пространство кишело жизнью. Куда бы не падал взгляд, он всегда утыкался сразу в десятки людей. Холод бил по коже, в покрасневший нос проникал лишь вездесущий запах курива и плохого парфюма. Тысячи ног стучали по асфальту, внизу хрустелтрескающихся лед. А из-за звуков сотен голосов едва доносился крик неудачливых торговцев,

зазывавших в свои магазины.

Колонны военных, словно черви, пробивали дыры в бесконечном мельтешении, но те быстро зарастали, будто их и не было вовсе. Еще никого не арестовали, но еще никто и не начинал говорить. Все застыли в ожидании чего-то, что даст сигнал началу.

Мегафон механически зашипел, и где-то впереди раздался искаженный голос:

– Мы здесь за свободой мысли! Мы здесь за уважением! Мы не пешки Системы! Долой Систему!

И толпа взорвалась, из-за крика были не слышны собственные мысли. Все бились в каком-то диком восторге, скандируя :

– Долой Систему!

–Зачем вы здесь?!– кричал голос из мегафона.

– Долой Систему! – отвечала толпа.

В ней был и Грег. Он кричал что есть мочи, и с каждым звуком его тело будто наполняла волна свежей энергии, все больше воздуха было в этом тесном месте. Все больше и больше людей кричали в такт.

И вот, зверь ожил. Каждая его клетка, каждый голос двинулся с места, начиная шествие. То тут то там размахивали цветными плакатами. Новые лозунги, новые крики. Холод сменил жар огня, расходившийся по телу с каждым ударом сердца.

– Мы сами умеем мыслить!– сканировала Кетрин.

– Мы сами умеем мыслить!– закричали рядом и подхватили волну.

Она катилась по морю людей пока не столкнулась с

– Долой Систему!

И вот Кетрин, как не всем не бывало, уже кричит новые слова.

Рябь из местных лозунгов накрывали волны звука из динамиков. Кажется, кто-то включил музыку где-то сзади. А слева взорвали несколько хлопушек, потянуло пепельной дымкой. Все тело Грега пульсировало в танце жизни. Он не мог понять, куда смотреть. Кругом были лишь люди, звуки и бесконечная энергия.

Спереди зажигали фаеры, столбыкрасного цвета ударяли в небо. А зверь шел вперед. В паре метров сбоку в небо полетели цветы, а девушка в белом платье, в такой то холод, начала раздавать рисунки бабочек, от ее улыбки шел пар. Грег взял подарок и зачем– то поднял его над головой, так и не поняв, зачем.

Пошел мелкий снег, но никто не заметил. Лозунги уже начали заменять на просто бессвязные крики, они слились в один:

– Позор! Позор!

Толпа засуетилась. Сквозь лозунги все чаще доносились крики, и вдруг голова зверя двинулась назад.

За живой стеной виднелись большие машины, напор воды сметал людей. Паника прошла волной как недавно жизнь.

Началась давка.

Фестиваль превратился в ад. Темные силуэты выхватывали людей без разбору. Тех, которые отбивались, били дубинками, то есть всех. Мимо пробежала женщина, закрывая лицо руками, на земле скрючившись лежал человек, но толпа набирала скорость. Ему наступили на руку, на голову. Дальше Грег не видел, он бежал, он был частью толпы.

От звуков ехала крыша, барабанные перепонки грозились лопнуть, а мозг взорваться. Но тут как гром ударила мысль : « Где Кетрин? » .

Трудно было различить людей вокруг, еще сложнее было остановиться. Грег повернул голову и случайно наступил на человека. Мягкая плоть скользнула под ногой и исчезла позади.

Тело Кетрин нашли через несколько часов, опознали по проездному, затерявшемуся в кармане джинс.

Глава 5

– Ларри?

Глаза женщины, обрамлённые морщинами на темной коже, поблескивали цветом прозрачной воды, когда на них попадал свет увядавшего солнца. Они смотрели на парня, невольно содрогаясь от собственной беспомощности.

Высокий силуэт едва стоял в узком дверном проходе. На деревянный пол падали мутные капли водянистой грязи, источая запах влаги, гнили и плесени. Свитшот, когда-то бе-

лый, облепил худое тело парня. Полупрозрачная ткань, пропитавшаяся ледяной водой, грязью и кровью, застыла от холода. Мокрые дреды почти закрывали лицо. Лишь грязно-красные разводы выдавались из-под влажных прядей.

– Ма, я просто... – только и смог выдавить парень.

Мать обняла сына короткими руками, так нежно, как смогла, чтобы не причинить боль. Даже так пронзительно-мухолоду, вместе с влагой, хватило мгновенья, чтобы проникнуть глубоко в ее полное тело. Поиссохшимся щекам текли слезы.

– Ты так замерз... Ты сможешь принять душ?

Ларри робко кивнул, не отрывая взгляда от морщинистого лица.

– Хорошо, я приготовлю одежду. И надо обработать твои раны.

Парень сделал несколько шагов, и женщина почти вскрикнула. В темноте подъезда, как призрак, прижался к стене темный силуэт.

Анет сделала робкий шагок, и тусклый свет лампочки осветил ее шаткое тело. На худом лице были видны лишь большие, полные ужаса и красные от боли глаза. Волосы потемнели от воды и грязи, а одежда свисала мокрыми тряпками.

– Кто это? – задрожал женский голос.

– Это Анет... – парень не закончил.

– Иди сюда, не бойся.

Женщина позвала девочку, как бездомного, грязного котенка, чтобы не спугнуть его. Анет, дрожа от страха и холода, вошла в квартиру, оставляя за собой грязный след.

– Все хорошо,– продолжала женщина.– Ларри, ступай в ванную. Я тут как-нибудь сама.

Звук воды разошелся волнами по пространству, подобно ряби на поверхности озера. И подобно волне, тревога росла, пока Анет отдалялась от двери.

–Тебя Анет зовут?

Девочка кивнула и невольно оглянулась, чтобы взглянуть на источник звука.

–Он скоро выйдет? Давай пока снимем мокрую одежду.

Анет отскочила, словно испуганный зверек, когда рука вдруг коснулась ее спины. Женщина тихо улыбнулась, делая тон голоса еще спокойнее.

–Ладно, я не буду тебя трогать. Надо переодеться, ты можешь заболеть. Пойдем за мной.

Анет посмотрела на грязевой след, тянущийся попятам.

–Обувь, – неуловимо прошептала девочка.

–Ты что-то сказала?

–У меня обувь грязная...– шмыгнул заледенелые нос.

–Ты говоришь,– немного удивленно воскликнула женщина.– Обувь, наверное, лучше снять. Не хорошо, когда вода в носках хлопает,– через силу усмехнулась она.

Промокшие ботинки болезненно стянулись вместе с носками с покрасневших ног, покрытых слоем мягкой грязи.

– Наверное, это тоже стоит снять.

Женщина осторожно коснулась замка на склизкой от влаги кофте Анет. Еще немного и тяжелая грязная ноша упала на пол рядом с обувью.

Девочка прошла в просторную комнату. Огромный кремовый диван с бесчисленными подушками пастельных тонов занимал даже больше, чем целую стену. Женщина усадила Анет на светлуюмахровую обивку, быстро впитавшую в себя грязь со штанин, так, что девочка ничего не успела понять.

– Раздевайся пока, я сейчас что-нибудь для тебя принесу.

Когда Ларри вышел из ванны, Анет уже сидела, завернувшись в одеяло, больше ее самой. Посеревшее полотенце скрывало маленькую голову.

–Твоя рана...

Женщина встала на носки, пытаясь разглядеть все еще окровавленную голову.

– Всё в порядке, просто царапина. Ничего серьезного.

Ларри обнял заплаканную мать, изо всех пытавшуюся скрыть свои слезы.

– Я принесла аптечку, там на столе. Надо продезинфицировать...

– А Анет?

– С ней все в порядке. Отделалась синяками, напугана очень, я дала ей свою одежду...

Женщина глотала слова, всхлипывая при вдохе, ее руки дрожали.

– Она замерзла... Анет, тебе надо под горячую воду, чтобы согреться.– Мямлил парень, не сводя взгляда с дрожащего комка.

Звук воды разрядил пространство, но едва ли успокоил. Ларри тихо дышал, сжав зубы от ноющей боли. Женщина осторожно касалась раны у самых волос, стирая непрекращающуюся кровь.

– Тише, тише,– приговаривал она, будто это что-то значило.– Вот так, еще немного.

Парень глухо застонал, когда перекись зашипела на его ране.

Новые и новые слои бинта краснели на голове Ларри, впитывая в себя остатки крови.

– Обезболивающее скоро подействует. Тебе надо полежать.

– Все в порядке.

– Ну ладно, – Перевела дыхание женщина.– А кто эта девочка?

Тишина застыла, лишь звук воды наполнял пространство. Почему-то вдруг запахло мылом, наверное, ненадолго отступил насморк. Парень облизнул потрескавшиеся губы, на них еще оставался соленый привкус крови.

– Помнишь, ты говорила о шуме на чердаке?– начал Ларри.– Я тогда сказал, что тебе просто кажется, что дом старый и еще... Так вот, на самом деле это она там живет.

– Как это, живет?

Женщина села на диван рядом с парнем.

– Она бездомная, и по документам она не существует, в детский дом ее не взяли.

– И давно она так?

– Точно не знаю, она не рассказывает.

Звук воды прекратился, и скоро из-за двери показался неуклюжий силуэт в теплой одежде не по размеру и скользких махровых носках, из-за чего Анет немного буксовала при каждом шаге. Грязь больше не скрывала ее кожи, и на покрасневшем от тепла лице проявился свежий синяк у основания скулы.

– Ты в порядке? — поднял глаза Ларри. Он попытался встать, но его сознание кочнулось, и парень упал на диван, не успев подняться.

Девочка неуверенно кивнула, села недалеко от Ларри на мягкий диван. Она посмотрела на грязные разводы, покрывавшие кремовую обивку.

– Простите за это... – робко начала она.

– Ничего страшного, это отстирается, – Улыбнулась женщина, – Вы голодные? Есть айнтопф². Илихотя бы чай. Вы так замерзли, у меня есть травяной сбор от простуды и мед. Я заварю.

Женщина говорила быстро, скача с фразы на фразу, и путалась в словах.

– Да, думаю, Анет согласится.

Глава 6

Тусклая лампа мигала холодным светом. На столе стояла коробка, в которую Коил медленно укладывал вещи Кетрин. Это продолжалось уже несколько часов, но едва ли он уложил хотя бы четверть. Парень подолгу держал в руках любую, самую незначительную мелочь, вертел ее, пытаясь кончиками пальцев словить остатки призрачного тепла. Коил открывал ее тетради и, казалось, видел как она, согнувшись, нависла над бумагой. Она так близко к листкам, что может почувствовать сладковатый запах чернил, которыми пишет.

Закрыв одну тетрадь, Коил брал другую. Он читал даже ее наспех сделанную домашнюю работу, смеялся над глупыми ошибками. Ему даже порой казалось, что дверь вот-вот откроется, и вбежит Кетрин, начнет ругаться, что в ее вещах копаются, смущаясь заберет тетрадь со стихами, а потом будет смеяться. Не будет, ничего уже не будет. Эта мысль как кинжал проникала между рёбер, проходя все глубже.

В глубине выдвижного ящика лежал обычный, черный блокнот. Его ничто не выделяло из других, не считая того, что именно в нем Кетрин писала зарисовки— лозунги, маленькие стихи. Там были и ее собственные отзывы на свои же строки. А на последней исписанной странице было:

« Сонет о свободе

Я напишу сонет о свободе.

Простой, настоящий,

Не из тех, что в моде.

Немного пусть будет и о природе

Человеческой сущности,

Строчка о сброде.

Капля бессмысленных образных слов,

Без них этот стих не будет стихом.

Последние силы в него я вложу,

Хотя бы кому-нибудь да угожу.

В самолетик сложу и в небо пушу.

Я так о свободе, кто не понял, прошу.

Четырнадцать строк и все не о чем.

Четырнадцать строк, как взведенный курок. »

И в самом конце приписка: « Когда–нибудь я напишу сонет получше этого» .

Коил закрыл тетрадь, к горлу подошел огромный ком так, что глаза с трудом сдерживали слезы. Он несколько раз пытался проглотить нечто, перекрывшее ему дыхание, но безуспешно.

Стрелки на настенных часах говорили, что уже семь. Только вот утра или вечера? Темнота за окном не помогала. Коил, потерянный, сидел на полу, прислонившись спиной к ящикам стола, и смотрел в пустоту. Свет слепил покрасневшие глаза, ничтожные на фоне общей усталости.

Склизкая упаковка блокнота хрустела под грубыми пальцами парня. Запахло кофе.

– Коил? – прошептал размытый силуэт Лиззи.– Ты как?

Парень попытался взглянуть на нее, но не вышло.

– Ты не спал?– продолжал дрожать голос.

Коил покачал головой.

– А это?– Лиззипоказала на стол.

Над головой парня стояла картонная коробка, совсем небольшая, еще открытая.

– Надо родителям отдать,– выдохнул Коил.

Лиззи тихо кивнула. Какое-то время она еще смотрела на парня, но вскоре исчезла, как и появилась.

Прошло еще пару часов, и Коил немного ожил. Шум за дверью не давал его сознанию исчезнуть. Он встал, пошатнувшись, держа в руках запакотанный блокнот, взял с полупустого стола ручку и вывел несколько неразборчивых слов на скользкой этикетке: « От Коила» . Больше он написать не смог.

Грубые стены, колючие от странной штукатурки, сдавливали коридор. Из-за темнотыпарень шел почти на ощупь. По телу бежали мурашки. Влажный от пота лоб впитывал холод подъезда. Воздух рассекало тяжелое дыхание и шорох шагов. Коробка тянула вниз, подобно идущему ко дну камню. И почему-то немного сквозьнасморг едва различимо струилась лаванда

Коил сглотнул и взял коробку одной рукой, другой нажал на звонок. Звон, еще звон, звон. Шаркающие шаги за тонкой дверью. Удары сердца, желающего выпрыгнуть из груди.

Щелчок замка.

На пороге стояла невысокая женщина или девушка, Коил не смог определить возраст. Черные волосы, очевидно, крашенные, залитые лаковым блеском, едва касались тощих плеч. На лице не было явных морщин, но чего-то в нем не хватало, того, что называют жизнью. Тусклые глаза смотрели ровно, без тени сомнения, скорби, искры. Только белок, яблоко и зрачок. Губы привычно сложились в легкую, немного злую улыбку, такую, от которой не будет мимических морщин.

– Вы, мама Кетрин? – Промямлил Коил, не отрывая взгляда от холодных глаз.

– Нет, теперь нет, – отстучал ровный ритм.

– В смысле? – задыхался парень.

– Умерла, – пожала плечами женщина. – Связалась с какими-то мразями, вот ее и убили. Сама виновата, в семье не без уroda.

– Но, как же – судорожно глотал воздух парень.

– Вы из школы, я вроде звонила уже. Нам ничего не надо.

– Нет я... Вещи ее ...

Коил протянул коробку женщине.

– Зачем, сказала же, не надо ничего, – последовал шаг назад.

Но парень продолжал давать коробку.

– Что Вы позволяете, уйдите немедленно! – почти кричала женщина. – Шон!

– Но это же... – непонимающе смотрел Коил.

Из комнаты в глубине квартиры быстро вышел мужчина, лет сорока с седеющими на темном фоне висками и такой же бородой, немного курчавой. Морщины плотно облепили удаленные в череп глаза, смотревшие с укоризненным подзрением. От него несло мужскими духами, теми, которые купят себе разве что безносые. Но у Системы не было носа, и она с радостью советовала их всем, кому ни попадя.

Короткая майка облепляла круглый живот, подпирившейся снизу ремнем от грубых джинс. Одна из его пухлых волосатых рук опиралась на стенку, а вторая уже вцепилась с дверную ручку. Благодаря чему тяжелое тело плотно перегородило вход в квартиру.

– Зачем приперся, алкаш что ли? – попытался говорить басом Шон, но ни борода, ни живот мужественности ему не прибавили. Он растопырил нелепые конечности в стороны и походил, разве что, на жирного паука.

– Я принес вещи Вашей дочери... – на последнем дыхании семенил Коил.

– Нет у меня дочери, – голос и правда стал грубее.

– А... Кетрин? – почти беззвучно шевелил губами парень.

– Она выкидыш Системы, мы уже получили компенсацию за нее, нам ничего не надо!

– А вещи? – Из последних сил Коил давил коробкой в выпуклый живот.

Его глаза все же не сдержали слез, когда коробка упала на

грязный бетонный пол, все разлетелось по пыли, а дверь захлопнулась прямо перед носом парня. Коил упал на колени. Кажется, ему что-то крикнули напоследок, но он не услышал.

Всхлипы, полукрики рыдания вырывались из хриплого горла. Из-за темноты и слез ничего не было видно. С закрытыми от горечи глазами Коил собирал тетради и блокноты Кетрин, валявшиеся вокруг, как мусор, как и память о ней самой.

Глава 7

Ярко-белый свет бил с потолка, высветляя недавно выкрашенные под молоко волосы Рена. Было прохладно, он постоянно шморгал носом. Может простудился, два дня назад его знатно окатило водой. Тело почти не болело, но вездесущие синяки напоминали о случившемся.

Даже сквозь насморк пробивался аммиачный запах краски. С непривычки едкий, но нет того, к чему человек не привыкнет.

В настольной лампе тихо потрескивало электричество, тонкий стержень ручки выскребал на плотной бумаге точные линии. Наушники сломались окончательно, но еще можно было услышать их предсмертные шипения. А Рен все рисовал.

Он не знал что, но старательно переводил бумагу помногу и понапрасну. Нужно было создать что-то грандиозное, что-

то странное, страшное, но нечто человеческое. Нужна была скорбь. Точнее, ее нужно было выплеснуть наружу, заговорить о ней, превратить в праведный гнев.

Семнадцать человек в Глемпте, больше сотни со всей округи, по слухам, в разы больше. Они не должны уйти напрасно. Их жертва— лишь начало. Рен это понимал, осталось заставить всех понять тоже.

Телефон истошно завибрировал.

— Да,— прервал работу парень.

—Здравствуйте, Вы Рен Кроулер? — ровным голосом сообщил неизвестный.

— Да...— чуть промедлил парень.

— Я звоню сообщить Вам о задержании вашей сестры Лиззи Кроулер по статье 354. 3 общего административно— уголовного кодекса СМГ. В ходе следствия у нее были обнаружены видео— и фотоматериал предположительно экстремистского характера. На данный момент готовится экспертиза.

—В смысле?

— На данный момент есть подтверждение административных правонарушений. После проведение экспертизы все данные будут отправлены для дальнейшей обработки.

—И что дальше?

— Это только Системе известно. Не бойтесь и не беспокойтесь. При желании вы можете отказаться от родства в ближайшем отделении милиции.

– Что ей светит?

– Решение будет после отправки сведений Системе. По подтвержденному административному нарушению «незаконная агитационная деятельность» предполагается лишение свободы от 3 до 45 суток в зависимости от тяжести преступления...

Монотонный голос закончил монолог и исчез.

Стул со скрипом откатился назад, эскизы были забыты на столе, а Рен уже бежал вниз по лестнице.

– Успокойся, все будет хорошо, – улыбалась Эмили, ставя на стол чашку свежеприготовленного приторного какао.

Ее морщинистого лицо излучало некое вездесущие спокойствие. В купе с шоколадным воздухом оно действовало лучше любого лекарства.

– Да, – кивнул Джастин. – Вон мне в ноябре тоже хотели срок навязать. И, как видишь, я здесь.

Мужчина сидел чуть по одаль за столом, якобы работая. Сейчас у всех, кто умел рисовать была общая задача. И каждый в тайне надеялся, что решит ее кто-то другой.

– Административку ей впишут точно, – шмыгнул носом Рен.

– Ну, отсидит неделю в спец приемнике. Ничего с ней не случится.

– Тоже верно, – в легкой усмешке дернулась седая голова Эмили

В комнату вошел запыхавшийся Кевин, затасканный, но

довольный, что в первые недели своей недоработы уже так много смог сделать. Это был молодой парень, пока еще студент. Но грядущая сессия грозила все изменить. Его пухлые щеки дергались при неуклюжем беге, а руки болтались из стороны в сторону даже когда он останавливался. Его ясные глаза источали простоту, переходящую в беспросветную тупость. И наконец он заговорил:

– Я все узнал. Сейчас таких как она много. Помутузят и отпустят. Так, напугать.

– Кто тебе это сказал?– нахмурился Рен.

– Крис,– растянулся в улыбке Кевин, от чего у него появился еще и третий подбородок.

Этой ночью Рен так и не смог уснуть. Музыка, панацея от всех болезней, сегодня была максимум витаминкой для туберкулезника. Но, все же, вкусной. Тихое кантри звучало чуть на фоне, так, для атмосферы. Работа не ладилась, но допоздна парень досидел честно. Запах какао смешанный с токсичным воздухом мастерской немного бодрил и бил по вискам ноющей болью.

Ночь переходила в тусклое утро. Серый свет из окна не внушал доверие. О том, что день существует, можно было догадаться лишь по шуму городских улиц. Даже так Глемпт казался мертвым. Люди затихли, все ждали чего-то, надежды, ответов. Страх сковывал жизни людей. Аресты, аресты, аресты. Никто толком не понимал, что это. Никто не хотел сесть за фото или глупую шутку.

–Рен!– громкий голос выбил парня из сонных раздумий.

–Что? – полуосознано бормотал он. Чугунный взгляд перетянулся на застывшего в проходе, с трудом переводящего дыхание Джастина.

Его тело еще немного дрожало от непривычного бега по лестнице. Его взъерошенные седые лохмы торчали из стороны в сторону, а необыкновенно– огромные глаза пульсировать от напряжения, грозясь вырваться из орбит. На его виске можно было рассмотреть набухшую вену.

Рен напрягся.

Еще пару секунд, целую вечность, Джастин глотал воздух. Его губы сжались, а на лбу проявились все мыслимые морщинки.

–Включай новости,– сказал мужчина, закрывая глаза.

–Зачем?

–Просто включай, сегодняшние, эфир от 9 часов.

–Они еще не закончились.

–Включай! – сорвался на крик Джастин, но быстро отвел взгляд от растерянного лица парня.

Рен включил ноутбук, пару кликов и нужная страница была открыта. Она вообще стояла в закрепленных поумолчанию.

Эфир, заставка в холодных тонах. Очень долгая заставка с примитивным надоедливый ритмом на фоне. В студии женщина с пучком из гладких волос, в темном пиджаке, старательно застёгнутом на все пуговицы. На заднем плане выве-

дено название :” Системныйос” . Приветствие, какая-то пропагандистская фигня, что-то про злых оппозиционеров от анархических островов... Ничего нового, Рен был разочарован. Джастин совсем уже из ума выжил, раз удивлен.

–...благо Система уже определила наказание для задержанных экстремистов,– продекламировала женщина.– Оно соответствует всей строгости преступления, от двух лет строго режима в плоть до смертной казни, для особо опасных представителей сообщества.

–Они что, совсем долбанулись!?! – Из остатков воздуха сложил Рен, – Лиззи ведь не экстремист?

Глава 8

–Человеческий фактор– страшнейшая вещь. Человек не может судить объективно, поэтому существует Система. Она знает ответ на любой вопрос, для нее нет запретных тем. Система– самое великое, что придумал человеческий гений,– ровным тоном зачитывал с бумажки Ларри.

– Чтобы больше не думать,– грубо усмехнулась Анет.

Девочка выхватила из рук парня тонкую бело– красную брошюрку из скользкой журнальный бумаги. Она еще сильно пахла типографским клеем и пачкала руки в грязно– коричневый цвет.

– Ну и качество, гай. Ей можно граффити рисовать, – подметила девочка, вытирая руки о длинную толстовку.

– Может это из-за токсичного воздуха? – улыбнулся Лар-

ри, оглядывая запасы алюминиевых баллончиков, банок растворителей и красок.

– Думаешь, они пойдут на это? – поднял воспаленные глаза Рен.

Парень сидел на самом краю дивана, согнувшись вдвое. Его руки перебирали слипшиеся волосы, а губы уже кровоточили.

– Все будет хорошо....

– Хз, гай. Закроют точно. Свезет– ненадолго.

– Анет! – неразлично упрекнул Ларри.

–Что ей шьют, гай?– будто не услышала девочка и подошла ближе.

– Не понятно, у нее фотки нашли и зарисовки мои и Джастина, там бабочки, слоганы...

– Что за слоганы? – давила Анет.

– Я что помню?

–За слова ее вряд ли смогут закрыть...– потянул Ларри.

– Им хватит, гай, или синяки уже не болят?

Анет демонстративно плюхнулась на диван, раскинув руки.

–У нее фото были Кетрин,– пробормотал в ладонь Рен.

– Это...– закрутил руками Ларри.

– Девчонка какая-то, пару раз говорили. Слоганы писала, стихи... На том шествии... Короче, ее последнюю работу опубликовать хотели, типо на жалость надавить.

– И что?

– Жесть... – вздохнул Ларри, поправляя дреды.

– Гай, я не въехала, почему это дерьмово.

Анет подтянула ноги к себе, обхватив колени руками. Ее глаза стали чуточку больше обычного. Она смотрела на Рена, он молчал.

– Ему уже предлагали отказаться от родства с Лиз. Система считает погибших и арестованных отбросами, – продекламировал Ларри, но опомнился. – Может, все еще обойдется.

Когда ноутбук пискнул, Рен слетел с дивана, но чуть притормозил. Его тело немного дрожало, ноги словно не могли выпрямиться до конца. Анет и Ларри следили за медленным шагом, будто парень только сейчас научился ходить.

Стало так тихо, что можно было услышать едва уловимое жужжание зарядки. Металлический корпус был теплым и тяжелым для тощих пальцев. Крышка едва поднялась, и парень устоял в слепящий экран.

Он не моргал, глаза покрасневшие уже давно изнутри наполнились кровью. Руки дрожали под тяжестью ноутбука, но Рен не поставил его на стол. Он читал, а руки все дрожали. Он прокусил старую рану, покрытую соленой кровяной коркой, но боли не заметил. Он читал. Все его тело размякло, будто под анестезией. Потолок кочнулся слегка и парень отшатнулся назад, но продолжил стоять. Он читал. Читал стоя пока мог. Почти упал на пыльный ледяной пол и читал, пока его глаза не наполнились токсичной влагой, пока Ларри не

вырвал ноутбук из обмякших рук.

Даже так, роковые слова уже были вырезаны изнутри черепа: « ... признано экстремистским... Особо опасна... Смертная казнь через повешенье»

– Черт,– выдохнул Ларри передовая текст Анет.

Рен смотрел в пустоту.

– Гай, ты в порядке? – зачем– то спросила девочка.

– В порядке? В порядке? Да, я в полном порядке!– вдруг засмеялся Рен. Его тело вздымалось с каждым вздохом и выдохом, а руки впились в торчащие волосы. Он раскачиваться и стороны в сторону, грозя сойти с ума.

Парень вскочил, стоило Ларри подойти ближе. Рен схватил его за воротник и ударил головой в твердую грудь. Он попытался бить его, он кричал. Ларри схватил парня и изо всех сил сжал его тело. Рен продолжал кричать, но наконец затих.

Глава 9

Серые дни тянулись один за одним, приближаясь к пропасти. Выход был где-то рядом, в паре метров, за дверью, только ключ от замка превратили в пепел, а ноги сковали цепями.

И правда, в дверь кто-то стучал, уже довольно давно.

–Откройте, это полиция. У нас разрешение на обыск. Мы знаем, что Вы в квартире. Если Вы не откроете, мы будем вынуждены применить силу.

Рен слышал лишь отзвуки голоса, будто колонки барах-

лили, а наушники он так и не купил. Как видеоигра, гадкая, бесцветная, глупая видеоигра, которую он никак не мог пройти. А вот и новый никчемный квест: «обыск» . Сложнее, чем кажется. В последнее время у Рена были проблемы с управлением.

Диван, коридор, дверь, замок.

–Здравствуйте.

–Добрый день, Вы Рен Кроулер?

–Да.

Пока ничего сложного. Две модельки мужчин лет сорока-сорока пяти. Один с бородой и высоким морщинистым лбом, переходящим в лысину. Он постоянно посчелкивал ручкой, открыть, закрыть, открыть, закрыть, открыть... Второй немного квадратный, опрятно расчесанный и выглаженный, и пахнувший дегтярным мылом.

–Вот наши удостоверения.

Они достали куски картонки с надписями... И почему этот квест нельзя пропустить?

–Мы пройдем?

–Да.

В глубине коридора замаячили еще люди.

–Кто это?

Неверный выбор, но все не критично.

–Простая формальность– пробормотал бородатый, записывая что-то в блокнот.

Какой типичный ответ. Просто омерзительный квест. А

что будет если...

—Уходите.

—Что?

Слабая реакция, еще разок.

—Уходите, это моя квартира, я не преступник, так что уходите.

Квадратный поднял левую бровь. Черт, у бородача есть пушка на ремне. Интересно, заряжена?

—Вы же нас сами впустили.

О, у квадратного тоже есть пушка, прикольно.

—И что! Вы убьете меня?

—Нет, —усмехнулся квадратный.

То есть перестрелки не будет? Какой скучный квест! Тушеной капустой запахло.

—Ладно, я пить хочу, развлекайтесь.

Рен махнул в сторону комнат, и пошел на кухню. Давненько он здесь не был. Двое полицейских о чем-то шептались. На сером, тихо жужжащем холодильнике были фотографии, много. Лиззи их меняла постоянно, цветы, люди, воздушные шары и надпись на песке: « Все просто». Они делали ее вместе для фото, на пляже лет восемь назад.

А потом ее засыпали какие-то малолетки. Рен тогда злился на них очень, чуть не побил, хотя он и сам был тогда малолеткой. Мама его тогда почему-то отругала, а Лиззи смеялась все время.

После смерти матери она редко смеялась, но никогда не плакала, вообще. А ведь раньше была такой плаксой. Как-то Рен выбил у нее из рук мороженное, безобидная шутка. Две недели потом не разговаривали...

«Все просто» – мамин девиз, но оказалось, что рак – это не просто. И забыть это не просто, как и запомнить. И зачем Лиззи переняла его, глупый ведь девиз?

– Просто, просто? Что просто? – едва различимо бормотал Рен. – Нет, Лиззи. Ничерта не просто! – прошипел он сквозь зубы. – Единственное, что будет простым, – это твоя смерть.

– С Вами все в порядке? – окликнул голос.

Рен потер глаза руками, выдохнул и со странной улыбкой произнес:

– Все просто прекрасно.

Глава 10

– Ты все же пойдешь?

Из-за уличного шума немного звенело в ушах, а звуки порой смешивались в кашу. С белого неба глаза резало холодное солнце. Промерзший насквозь воздух трескаться при ходьбе, или это был лед под ногами, покрывавший дорогу? Машины ездили туда – сюда, воняло гарью и бензином, а еще шоколадом... Наверное, показалось.

Кофе без толку плескался внутри пластикового стаканчика, грозя выскользнуть наружу. Его тепло просачивалось че-

рез белую кожу, обжигая. Коил кивнул, отхлебывая немного, горячий горьковатый пар обдал его бледное лицо.

– Ты уверен? — переспросил Стен, поправляя шерстяную шапку.

Коил пожал плечами, продолжая неуклюже пить.

– Мне кажется, это плохая идея. После... – Стен проглотил комок в горле. – Сам понимаешь, люди не будут просто смотреть на...

– Даже ты это понимаешь, а Система нет, – по губам Коила проскользил нервный смешок.

– Не нравится мне все это...

– А кому нравится? – улыбнулся Коил.

– Твое состояние меня беспокоит... Ты точно в порядке?

– В полном, – просиял улыбкой парень.

– Я вижу... – тихо констатировал Стен.

– И что же ты видишь?

– Что ты очевидно пьян... И когда ты начал курить?

– С чего ты взял? – возмутился Коил.

Стен остановился и выхватил из рук парня стаканчик, разлив почти все содержимое на холодную землю.

Стен понюхал содержимое стаканчика...

Он хотел было разозлиться, но не вышло. Перед ним стоял некто жалкий, заросший недельно щетиной. От Коила несло перегаром, виски и крепкими сигаретами. А на часах было одиннадцать утра.

Стен выдохнул и, не глядя в глаза, заговорил:

– Знай, что я, что Джессика всегда рядом. Я понимаю, тебе тяжело. Но это не конец света. Все еще образумиться. Хватит пить, это не выход.

В ответ звучали лишь сигнальные гудки машин.

– Мы очень волнуемся... Если нужна помощь, только скажи. Или к врачу обратись...

Коил недвижимо прокачивал головой, будто слушал.

– И не ходи туда. Хватит смертей.

– Не я это выбрал. А у Лиззи и у остальных, у них еще есть шанс. Если ни выжить, так умереть с гордостью... – Глаза Коила блеснули соленой влагой. – У Кетрин его не...

– Хватит! – сорвался Стен. – Нам всем не легко, но ее не вернуть! – кричал он. – Живи дальше!

Он кричал что-то еще, но не был услышан. Только прохожие замедляли свой шаг, чтобы оглянуться.

Коил смотрел на грубый асфальт. На таком темном фоне его черный кофе оказался вполне себе коричневым. Чем-то похожим на струйку слизистой жижи из канализации. Пах он похоже, кстати.

«Надо бы выпить чего-нибудь»—С тоской пронеслось голове. Коил вдруг заметил, что сквозь городской гвалт уже не пробиваются крики Стена. «Наверное, выдохся, наконец. Тем лучше... Жаль коньяк, хороший».

Они разошлись быстро, под сигналы проезжающих мимо машин, вдыхая ихедкие выхлопы. Вернее, Коил почти убежал.

Он уверил Стена, что пойдет домой и больше не будет пить. Соврал он тогда, конечно, безбожно, но ему и не поверили.

Парень нашел небольшое местечко на обледенелой лавочке и смотрел, как качаются на ветру голые черные ветви, попивая коньяк с кофе, так для запаха. Люди ходили вокруг и шептались, стук каблуков с болью отдавался в гнилой черепашка. Парень закашлялся и попытался закурить. Опалил грубую грязную щетину. Коил провел по ней рукой, и в голове пролетела мысль:

«Надо привести себя в порядок, хоть на время. Хотя бы перед Лиззи нормально выглядеть, пусть и в последний раз».

Глава 11

Бездонной небо было безгранично серым. В тот день оно было бесконечно. Холодный вольный ветер завывал тягучую песню в гуще голых ветвей. Но это было где-то высоко, а здесь, внизу, ледяной воздух едва колыхался от ненужных движений.

Всюду пахло чем-то знакомым, чем-то приятным, но больно колющим в грудь. От него по телу пробегали едва ощутимые мурашки.

Городской шум, сродни тишине, был невесом и неосязаем. Рен проникал все глубже в толщу улиц, утопая в загустевших выхлопных газах. Вокруг сменялись лица, люди куда-то бежали. Будущее растворилось в настоящем, кажется,

это называют «красотой мгновенья».

Сейчас все было просто.

В далеке замаячили Анет и Ларри, они о чем-то громко говорили, может спорили, но не слишком разборчиво. Да Рен и не слушал. Подойдя ближе, они затихли. Стали вдру очень молчаливыми. Ну и ладно, пусть молчат, зачем разрушать городскую тишину? Она ведь так прекрасна.

Площадь наполнилась людьми. Кто-то кричал, кто-то плакал, кто-то пришёл поглазеть, а кто-то подраться. Кажется, Рен видел у кого-то фаеры и петарды.

Прямо по центру стояло нечто вроде сцены из фанеры, с лестницей, веревками и пустым пространством снизу. Как в фильмах. Не хватало только поющих пиратов для полноты картины.³ Но еще не вечер.

Вокруг было много полиции и людей в черной военной форме, в масках и с оружием. От дубинок до огнестрела, выбирай чем хочешь получить!

– Как думаешь, успеем? – спросил рядом стоящий невысокий парень в псевдвоенной форме.

– Ясен пень. Не дам им Лобзика ухандохать! – ударил кулаком в ладонь лысый бугай, сплевывая. Он был настолько типичен, что даже неестественен.

Где– то что-то гроыхнуло – в воздух повисла тишина. На сцене появились люди. Их было несколько. Одеты в черную военную форму только с открытым лицом, но в шлеме. С явно выпирающим бронежилетом из-под куртки.

– Мы собрались здесь во имя правосудия, – начал средний, но замолк. Его голос потонул в возмущенном вопле.

Средний замялся, но начал вновь, ближе поднеся микрофон ко рту:

– Мир под угрозой...

– Из-за вас! – завопил лысый, но его не слышали.

– Система приняла наилучшее из возможных решений для сохранения мира.

– Ублюдок! Урод! – не выдержала Анет.

– Это тебя повесить надо! – добавил Ларри.

Рен молчал. «Лучше бы это была игра» – подумал парень.

Кто-то больно толкнул его в грудь, стало трудно дышать.

Было душно, холодно и резко запахло потом. Голова закружилась и налилась свинцом. Он бы мог упасть, но было некуда. Полиция напирала. Хмырь со сцены нес какую-то чушь.

На лестнице появились люди в наручниках. Они шли медленно и тяжело, казалось, сквозь шум пробивался грохот их шагов.

Четыре веревки, четыре преступления, четыре жертвы.

Первым шел мужчина, худой, седой и грязный. Он опустил голову вниз, так что лицо было скрыто тенью. Да он и сам был похож на тень.

Второго, огромного лысого, почти тащили. Он дергался и упирался всем чем мог. Хотя у него даже ноги были связаны, он что-то кричал, но толи уже сорвал голос, толи вопил недостаточно громко. Слышно его не было.

– Лобзик...– проскулил бугай, поправил коженку и попер сквозь толпу, как танк. Низкий что-то пытался сказать и быстро исчез следом.

Третьей шла темноволосая худая девушка, грязные волосы закрывали ее лицо, а когда она подняла голову, из под грязи и следов побоев, удаленные глубоко в череп, появились тусклые, полуживые глаза. Это была Лиззи.

Холод и дрожь вдруг разошлись по телу. Будто от удара тока сердце забилося неимоверной силой.

Она была в первой четверке.

Кто шел третим Рен не видел, впрочем, его это не волновало.

Лиззи подняла взгляд в толпу, жадно съедала взглядом людей на площади, будто желала насмотреться всласть. А ей уже надевали петлю на тонкую шею.

Толпа взревела. Запахло жженной резиной, над площадью пополз едкий черный смог. Все двинулись вперед, Рен едва устоял на ногах.

Взгляды встретились. Глаза Лиззи вдруг зажглись подобно лазурно– пепельным звездам на смолистом небе. Девушка увидела брата и улыбнулась так просто, будто не было ни площади, ни людей вокруг, ни веревки поперх свежих синяков, ни запаха горелых покрышек. Ничего, только они двое, что давно не видели таких похожих на друг друга глаз.

Люди шли на мясной барьер из полицейских. Глупо, бестолково, под удары дубинок, в облака слезоточивого газа и

химической дряни, разъедающей слизистую, проникающей всюду. С красными глазами, криками, иногда в крови идиоты падали на землю. Лежали не долго, никто не ждал, пока они поднимутся. Лишь счастливым удавалось вскочить.

Рена толкнули, он устоял, на секунду потеряв из виду драгоценные глаза.

Четыре тела в беспомощности болтались на веревках. Они, еще живые, барахтались, как рыбы на суше. В попытке вдохнуть захлебывались собственной кровью из сломанного хребта. На головы не успели надеть мешки, они так и остались валяться на дряхлом поддоне.

На сцену ворвались люди. Они хватали тяжелые тела и поднимали их в воздух. Хоть один вдох! Мужчина в огромном ножом полез резать веревки.

Полицию вытеснили со сцены, и она направилась в глубь толпы.

Рена оглушил выстрел. Все вокруг потухло. Звон. Звон, будто черепушка взорвалась. Кто-то в паре метров от него получил пулю в ногу. Грохот толпы заглушил крики несчастного. Едкий запах свежей крови ударил в голову. Парня чуть пошатнуло. Свет вернулся. Рен вновь посмотрел на сцену.

Четыре тела с пробитыми черепами жалко болтались на канатах. Вокруг были разбросаны изрешеченные пулями куски мяса, напоминающие когда-то людей.

Звон, ничего не было слышно, только запах крови, и ярость разрывающаяся по телу как доза чистого героина.

Пульс, ничего кроме пульса.

Удар, удар, удар.

Рен бросился на полицейского. Это не было похоже на драку. Скорее на месиво разлитое по площади.

Содержимое желудка рвануло наружу, Рен получил резиновой дубинкой в живот. Он скрючился и отлетел назад. Кто бил? Свои? Чужие? Не возможно было разобрать.

Ларри схватил друга и выкинул в сторону Анет. Девочка не могла его удержать, Рен рванулся вперед не успев прийти в себя, не начав дышать. Туда же, в мясорубку.

Анет прилетел сильный удар в затылок, больно.

Полицейский уже сдавливал кадык Рена гибкой дубинкой. Другой бил парня в живот, пока на нем самом повисал какой-то мужик, таща порванную куртку вниз.

Ларри едва вернувший равновесие после нескольких десятков хаотичных ударов схватил полицейского за голову и повис на нем, как макака. Он громко кричал, по его виску стекала свежая горячая кровь, смешиваясь с разбросанными дредами.

Запах пороха, запах горящих покрышек, слезоточивый газ, кровь, крик, пот, холод.

Ларри упал, вязкая красно-коричневая слизь залила асфальт. Рен грохнулся на колени, но тут же вскочил. Кто-то достал пистолет и начал стрелять без разбору. Две– три пули пробили грудную клетку. Ларри брыкался, захлебываясь пенящейся кровью.

Глава 12

Тонкая рука вцепилась в ледяные, полумертвые пальцы Рена. Слезы, подобные лаве, выжигали обветренную кожу. Поток жесткого воздуха разбивался о хрупкое лицо, разрезая губы, подобно разбитому стеклу. Время будто не существовало в этом месте, его убила боль. Вездесущая, адская боль, она была повсюду. Сам мир был потоком боли. Крики, взрывы, свист сирен, плач, звук ударов— все слилось в единый стон. И этим стоном была Анет.

Она бежала, так быстро, как никогда раньше. А когда остановилась, рядом была лишь тьма и пустота, застывшая в глазах Рена.

Тело, подобное раскаленному металлудрожало в объятьях подвального холода. Мертвая сытость заглушила все звуки мира, оставив лишь боль, пробиравшую до костей. А девочка все сжимала тонкие пальцы.

— Ее больше нет,— ледяной голос парня превратил воздух в миллионы осколков, вонзившихся в барабанные перепонки.

— И его тоже,— все продолжал он. А стекло превращалось в сталь.

Черная капля грязи вонзилась в гнилой пол, и Анет выдохнула, вся горечь ее сердца, вся кровь, что сочилась слизью где-то в глубине вдруг растворилась в истошном крике Рена, в воде, хлынувшей из глаз.

Звук открылся потоком чего-то ныне невиданного, пуга-

ющего, опустошающего, что вырвалось из хрупких тел, подобно последнему выдоху. И стало неважно, будет ли вдох.

Поток слепящего света, как клинок, вонзился в плоть и выжег остатки чувств, выел их, вырвал с корнем, даже боль и страх разбились. Лишь пустота внутри росла и пожирала хрупкий универсум.

Свет исчез, и тьма загустела, стала камнем. А там, в глубине, подобно пятну на старой, испорченной пленке, проявился Коил. Гладко выбритый. В пиджаке и галстукe, пропитавшемся сигаретный дымом.

Он смотрел. Глаз его не было видно, но Анет знала, он смотрит. Не знала только ни сошла ли с ума. А видение село рядом. И сам мир в тот миг замолчал.

Тишина дрожала от тихого дыхания. Анет не взглянула на Рена, когда тот положил ей тяжелую голову на плечо. Холодные волосы, пропитавшиеся потом и сажей почему-то пахли еще и бензином. Или это с улицы?

Девочка подогнула под себя ноги, она не сказала ни слова, но это не имело значения. Серые пряди волос легли на костлявые колени девочки. Худая ледяная рука зарылась в грязные, плохо покрашенные, темные корни, немного маслянистый, мягкие и ледяные. Они касались ее грубой кожи, едва различимые кончиками пальцев.

– Он уснул?– почему-то спросил Коил.

– Да,– почему-то ответила Анет.

Усмешка Коила, истерически– печальная, эхом разнес-

лась по одинокой темноте подвала.

– Он просто устал. Он потерял сестру, он потерял друга, он устал,— едва различимо произнесла девочка.

– А ты?

– Я...– Анет ненадолго закрыла глаза,— Я тоже устала. Но я не хочу спать.

– Почему?

– А вдруг, когда я проснусь, ничего уже не будет. Я открою глаза в своей кровати, мама приготовит мне завтрак и даст с собой в школу яблоко.

– Разве это плохо?

– Это ужасно. Ведь сны исчезают, а Ларри не должен исчезать.

– Ларри...– Сухие губы Коила мучительно сжались.

– Он мертв, – просто сказала Анет с печальной улыбкой.— Но он существует,— добавила она.

– Разве если это сон, то его больше нет. Ведь он все равно лишь воспоминание.

– Ты помнишь свои сны?

– Не много, но этот я бы запомнил.

– А я не помню. Порой просыпаюсь с хорошим настроением, а что снилось не знаю. А если знаю, то забуду все равно, – Анет замолчала, по ее щеке скатилась обжигающая слеза, и боль родилась вновь.

– Гай, нет, к черту это. Коил, Ларри всегда был ко мне добр. Когда познакомились, никому не сдал, ничего лишне-

го не спросил, со своими друзьями познакомил,— девочка усмехнулась, посмотрев на спящего парня, такого безмятежного.— Сейчас, правда, только Рен остался. Он тоже хороший, только гордый очень и ранимый. А Ларри очень сильный. Всегда говорил, что дальше будет только лучше. Он оптимист...

— И куда ты теперь?

— Не знаю, но, похоже, я не буду одна,— Анет еще раз провела рукой по ледяным волосам парня.— Вместе идти чуточку легче... А вы?

Коил посмотрел по сторонам, будто ища ответ.

— Наверно, вернусь в штаб, надо найти Стена или Криса, или кого-нибудь. Не хочется оставаться одному. А дальше, дальше будет только лучше...

— Зато Системе конец.

Сквозь дерганный смех Анет пробивались слезы. А где-то за пределами тишины, мир превращался в прах.

Послесловие (или немного от автора)

Довольно странно обращаться к читателям напрямую, но мне бы очень хотелось поделиться теми чувствами, эмоциями и мыслями, появившимися у меня благодаря этой книге. Авторы обычно говорят о том, что они хотели поведать читателям, но мне это не кажется верным. По правде говоря, когда я начинала писать эту книгу, у меня и в мыслях не было, что выйдет нечто подобное. Персонажи, мир, мысли,

идеи и вопросы в этой книге рождались спонтанно и будто независимо от меня самой.

Этим рассказом я попытаюсь обрисовать путь от идеи к тому, что Вы, я надеюсь, уже прочли.

Книга берет свое начало в сентябре-октябре 2017 года, когда у меня появилось желание сделать нечто интересное. Я тогда заинтересовалась антиутопиями, и прочитав парочку известных книг, загорелась идеей создать свой альтернативный, пугающий и завораживающий мир. Вы можете заметить, что в итоге получилось нечто иное, но об этом позже.

К тому моменту я уже около года вела «дневник идей» или, другими словами, тетрадь, в которую записывала любой бред, показавшийся мне занятным. Веду я его и по сей день. И вот в один, как позже оказалось, роковой день я как обычно ждала свою электричку в зале ожидания вокзала, смотрела на проезжающие поезда, мельтешащих всюду людей и решала домашнее задание. Задачи по физике, они не были слишком сложными, но требовали знаний формул. То, чем я никогда не могла похвастаться. В какой-то момент мне жутко надоело рыскать по учебнику в поисках нужной, и я не нашла ничего лучше, кроме как записать в «дневник идей» : « Слишком много формул » .

Уже вечером, перечитывая от скуки то, что напридумывала за день, я вновь вернулась к этой фразе. В тот день и появилась идея мира, в центре которого набор заранее прописанных формул и алгоритмов, полностью контролирующих

действия человека.

Идея пришлась мне по вкусу, и за несколько следующих дней были написаны первые страницы.

И все остановилось.

Меня захватила повседневная жизнь, и на полтора месяца все было заморожено. Я периодически открывала текст, перечитывала и, если повезёт, добавляла несколько предложений.

Потом пришли каникулы, и я решила основательно взяться за работу. К тому времени я уже отошла от антиутопий, прочла «Войну и мир» и даже успела уловить ее прелесть.

В итоге я оказалась на распутье: антиутопия—слишком надуманно, а реализм—слишком скучно. В добавок ко всему у меня не было точного представления фабулы, что уж говорить о сюжете и проработке персонажей. С последнего я решила начать.

Я хотела создать роман с большим количеством героев, с их быстрым раскрытием и без заикливания на ком-то конкретном, кроме центрального персонажа Коила. Задумка шла прахом с добавлением новых и новых лиц. Для каждого из персонажей была продумана личная история и потенциальная сюжетная арка. Но чем больше их становилось, тем сложнее казалась идея их совмещения. В итоге я остановилась на нескольких героях, чью судьбу мне показалось интересным расписать.

Процесс придумывания фабулы, концепции устройства

мира, забавных сюжетных поворотов и прочих контрольных точек повествования был весьма нудным и продлился чуть больше месяца. После чего начался долгий путь по созданию текста. Работа, работа и ничего кроме работы. Вот что ждало меня почти до конца июня, то есть следующие пол года. Не так уж много, стоит признать.

Потом была ещё редакция, исправления ошибок и опечаток, высматривание откровенных сюжетных дыр и попытки понять, что же вышло в итоге. Последнего я до сих пор не знаю. В отчаянии определить жанр, я придумала свой и назвала его «псевдореализм». По большей части потому что «псевдоантиутопия» звучит нескладно.

Когда вся эта мишура была закончена, книга наконец увидела свет. А я смогла вздохнуть с облегчением, ведь если Вы сейчас это читаете, то про труды были не напрасны.

Кстати, вот Вам ещё один забавный факт: на момент написания «Второй капли» мне было 15 лет, то есть согласно возрастным рейтингам, я не должна была ее читать. Что-то с этой системой все таки не так.